Наталья Кравцова

ИЗ-ЗА ПАРТЫ — НА ВОЙНУ

Издательство
«Детская литература»

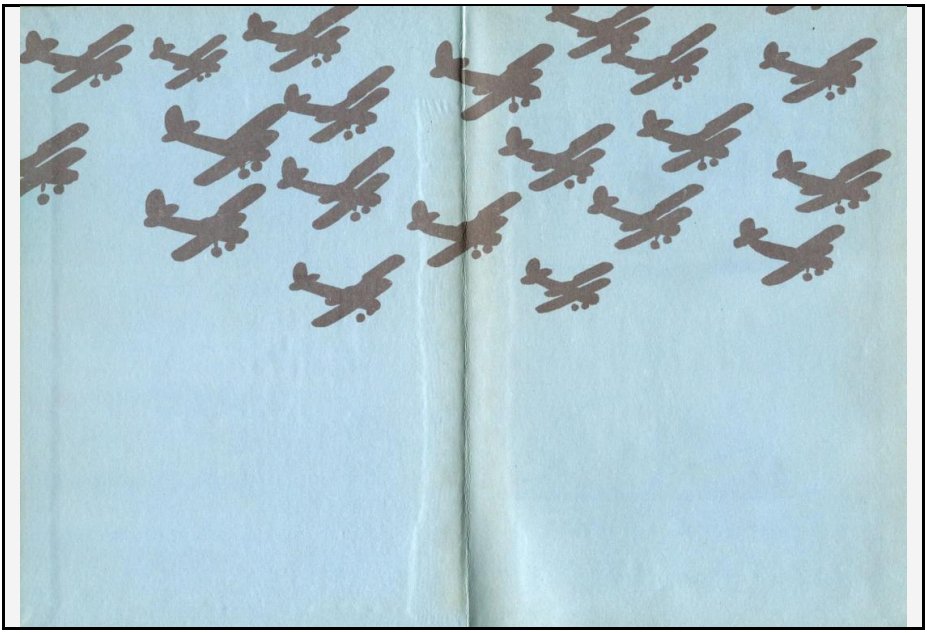
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Повесть о старшеклассниках предвоенной поры, об их увлечении планерным спортом, о подвигах, совершенных ими во время Великой Отечественной войны. Автор повести — бывшая летчица, Герой Советского Союза.

- Из-за парты — на войну
  -
  - Об авторе
  - ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ
  - СЛАВА, ТИМОХА И ДРУГИЕ
  - ЗАДНЯЯ ЦЕНТРОВКА
  - ЛЕТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
  - ПРЫЖОК С ВЫШКИ
  - КОНЕЦ ПЛАНЕРКИ
  - В АЭРОКЛУБЕ
  - ВОЙНА НАЧАЛАСЬ
  - НА ТРАССЕ
  - ГРОЗОВАЯ ТУЧА
  - ДАЙТЕ ПОСТРЕЛЯТЬ!
  - УХОЖУ В АРМИЮ
  - ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ
  - СЛАВА
  - ЛЕКА-ДЛИННЫЙ
  - ТИМОХА
  - ВИКТОР
  - ВАЛЯ
  - ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Из-за парты — на войну



Наталья Кравцова

ИЗ-ЗА ПАРТЫ — НА ВОЙНУ

повесть

Москва
«Детская литература»
1976

Об авторе

Сколько бы ни прожил человек, самыми долгими в его жизни остаются первые восемнадцать — двадцать лет. Здесь все памятно, значителен каждый прожитый день. И на всю дальнейшую жизнь бросает свой отсвет юность.

Книга Натальи Кравцовой, которую вы прочтете сейчас, написана о юности поколения. А его юностью была война. Самая грозная из всех войн, которые когда-либо вело человечество, самая истребительная. И решалось в той войне многое, бой шел за жизнь и ради жизни на земле. Прямо из детства, со школьной скамьи уходило поколение в суровую свою юность.

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Это о своих ровесниках и о себе писала Юлия Друнина, санинструктор пехотного батальона. И об этом же поколении, из которого так мало вернулось живыми, но благодаря кому столько людей живет сегодня на земле, писал Давид Самойлов, солдат призыва сорок первого года:

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые…
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Навечно молодыми они и остались — большая часть поколения. Остались в памяти друзей и родных, в поэмах, в книгах, в песнях, в облике и в характере людей, живущих ныне: мальчики, школьницы, в грозный час уходившие защищать Родину.

В чем-то судьба Натальи Кравцовой была романтичней других: она не уходила на фронт, она улетала на войну. Начав летать в школе, она, в сущности, начала путь своей жизни, сама еще не зная об этом.

Перед поколением лежало столько дорог. Еще не начинали осваивать космос, но уже осваивали Северный полюс. Папанинцы, Чкалов — они были примером, они были мечтой каждого из нас.

Но дорогой поколения стала дорога на фронт. И делом всей юности. А для тех, кто не вернулся, — делом всей жизни.

Не все подвиги той поры стали известны, не все известное сохранила память. И уже не каждое событие различимо в отдельности на отдалении лет. И жертвы, и небывалые испытания, и беспримерное мужество — все это теперь слилось в единый всенародный подвиг.

Герой Советского Союза Наташа Меклин, Наталья Кравцова, летчица 46-го гвардейского Таманского авиационного полка, совершила девятьсот восемьдесят боевых вылетов, а каждый такой вылет мог стать последним, становился последним для многих ее подруг. Вместе с Натальей Кравцовой пришли с войны герои ее книг — и те, кто воевал с ней в одном полку, и те, кто создан воображением, соединив в себе лучшие черты многих. Обычные люди в обыкновенной жизни, они в час испытаний думали не о себе, а о том, что каждый из них может отдать Родине. И не останавливались там, где надо было отдать за нее жизнь.

Так же как и ее героям, Наталье Кравцовой, в сущности, было очень мало лет, когда закончилась Великая Отечественная война, завершился этап человеческой истории. Как и большинство ее ровесников, вряд ли она тогда думала, что это ведь главное дело жизни совершено. Но проходили годы, и смыслом жизни стало воскресить в своих книгах тех, кто остался на войне, чтобы не забылось, не утратилось то лучшее, что они несли в себе.

«Из-за парты — на войну» — четвертая книга Натальи Кравцовой. А все они вместе — рассказ о незабываемых днях, рассказ о поколении, о комсомольцах военных лет.

Есть непременное свойство, которое отличает книги мужественных людей. Что бы ни испытывали герои их, проходя через сомнения, трудности, через бой и кровь, молодому человеку, читая такие книги, хочется самому все это испытать, быть так же достойным своего времени.

Вот это прекрасное свойство в первую очередь отличает книги Натальи Кравцовой.

Григорий Бакланов

ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

Нет, не сидится мне сегодня на уроках. Я рассеянно слушаю учителей, отвечаю невпопад и никак не могу дождаться конца занятий.

Последний час кажется самым долгим. То и дело я оборачиваюсь и узнаю время у разговорчивой Мурки — у нее есть часы.

— Сколько осталось?

— Пятнадцать!

Мурка, оторвавшись от разговора с соседкой, отвечает мгновенно, и каждый раз в ее глазах вспыхивает огонек — для нее это вроде игры.

Проходит еще немного времени, и я, не выдержав, опять спрашиваю:

— Сколько?

— Двенадцать! — громко шепчет Мурка, наклоняясь вперед: может быть, я скажу, куда так спешу.

Я вздыхаю.

А в правом ряду впереди сидит Валя Чугарина и напряженно смотрит на учителя, думая, конечно, о полетах. Только Валя понимает мое состояние. Она часто оборачивается, бросая на меня быстрый, взволнованный взгляд. Учится Валя средне, но в этом не ее вина: дома ей приходится помогать больной матери и ухаживать за младшими сестренками, садится за уроки она поздно вечером, когда все уснут и в единственной комнате становится тихо. Но в планерную школу Валя записалась: стать летчиком — ее мечта.

…На огромном зеленом поле стоят планеры. Их много. А где же мой? Из множества планеров, окрашенных в разные цвета, я выбираю самый красивый — белый. И вот я уже в кабине…

Никогда еще я не видела настоящего аэродрома — только в кино. Да и планера не видела. Но это неважно… Забыв обо всем на свете, я быстро набрасываю строчки, зачеркиваю, переписываю.

Поднимусь я в небо чайкой белою —
светлые просторы впереди.
Улечу я ввысь мечтою смелою —
сердце не вмещается в груди.

Синий океан — дорога длинная.
Знаю, будет берег дик и крут.
Птицы-тучки, стая лебединая,
в дальние края меня зовут…

Кто-то легонько толкает меня в бок.

— Тала! Наталка!

Это Мурка. И я слышу голос учителя:

— …Пожалуйста, повторите!

Я встаю и, покраснев, пытаюсь вспомнить, о чем он говорил. Биография Коцюбинского… Но что именно? Нудно я начинаю:

— Ну, значит, Коцюбинский в это время… много работает, пишет.

Учитель, подняв брови, смотрит на меня, всем своим видом выражая крайнее удивление: ведь я отличница.

— Садитесь. Надо слушать, а не витать в облаках.

Как медленно тянется время!

В классе оживление — последние минуты перед звонком. Книги давно собраны, портфель в руках, и я, как бегун на старте,

жду сигнала, чтобы сорваться с места. Сегодня особенный день — сегодня я впервые поднимусь на планере! Но я никому ничего не говорю: а вдруг полет не состоится, что-нибудь помешает…

Звонок! Я выбегаю в коридор, но здесь мне преграждает путь Оля Кузьменко.

— Талка, ты куда?

Оля учится в параллельном классе. Мы с ней большие друзья, рядом живем, вместе занимаемся в гимнастическом кружке и обычно делимся всеми своими горестями и радостями. Но сегодня я, не задерживаясь, на ходу объясняю ей:

— Я очень спешу, Оля! Потом расскажу, вечером!

Прыгая по лестнице через две-три ступеньки, я почти спустилась с третьего этажа на первый, когда вспомнила, что могу встретить учителя физкультуры, Федора Ивановича, и тогда мне не поздоровится: уже два раза подряд я пропускаю гимнастику. Стоило мне об этом подумать, как сразу же я увидела его. Федор Иванович стоял в дверях спортзала и сурово смотрел на меня. С виноватой улыбкой я поздоровалась:

— Здравствуйте, Федор Иванович…

— Здравствуй. — Отступив от двери, он сухо пригласил меня в зал: — Проходи!

Боком, словно протискиваясь сквозь толпу, я вошла в пустой зал. Надо оправдываться, но я не знаю, что говорить: ни огорчать Федора Ивановича, ни лгать ему не хочется.

Неутомимый спортсмен, он многих в нашей школе заразил страстной любовью к плаванию, гимнастике, легкой атлетике. Я с удовольствием занималась под его руководством, но последнее время стала иногда пропускать гимнастику, потому что совпадали часы занятий в гимнастической секции и стрелковой школе. Теперь добавилась еще и планерная, или, как мы называли ее, планерка. О ней я вообще умалчивала.

— В чем дело? — спросил Федор Иванович. — Почему не была на гимнастике?

Стараясь не встретиться с ним глазами, я уставилась на мальчишек, которые в стороне барахтались на матах. Из раздевалки доносились голоса, смех.

— Так я же… Я просила Олю предупредить вас, Федор Иванович. Я была очень занята. — А сама краснею под его взглядом.

— Ну вот что, — сказал он, положив мне руку на плечо. — Скоро городские соревнования, ты это знаешь. Я на тебя надеюсь. И не один я, а вся школа. Сейчас нужно усиленно тренироваться. Запомни — усиленно!

— Я подготовлюсь, Федор Иванович!

— Все остальное пока забудь, поняла? — сказал он уже мягко.

Я с готовностью кивнула. В это время в зал заглянула Оля и воскликнула, потирая руки:

— Попалась! Хотела улизнуть? Федор Иванович, давайте привяжем ее к шведской стенке! Куда бежишь — опять на свою…

— Оля, Оля, — поспешно перебила я ее, — ты обещала показать мне новый комплекс вольных упражнений! Давай завтра…

Посмотрев на меня с удивлением, Оля расхохоталась. С короткой стрижкой, худощавая, жилистая, она была похожа на мальчишку, а лицо тонкое и огромные лучистые глаза с длинными ресницами.

— Ну и хитрюга!

— Завтра ровно в пять занятия секции, — строго предупредил Федор Иванович. — Если не явишься…

— Обязательно приду, Федор Иванович! — заверила я его, зная, что в этот день не будет ни стрельбы, ни планерки.

Оля подхватила меня под руку и потащила к двери.

— Ты домой, Оля? Пойдем вместе, — предложила я, когда мы вышли.

— Нет, у меня комсомольское бюро.

Олю, живую, энергичную, постоянно выбирали в школьное комсомольское бюро и взваливали на нее немыслимое количество нагрузок, которые она умела быстро и незаметно переложить на других, и не только переложить, но и самым категорическим образом потребовать их выполнения.

— Опять бюро?

— Опять. Ну говори: куда навострила лыжи?

— Знаешь, Оля, у нас сегодня полеты!

— По-ле-ты! — протянула она с иронией. — Верхом на на палочке! Представляю!

Оля делала вид, что полеты ее не интересуют, а сама ревниво следила за тем, как продвигаются мои летные дела.

— В самом деле — полеты на планере! Настоящие! — сказала я.

Помолчав, Оля сдержанно спросила:

— А как же гимнастика?

Я пожала плечами: не бросать же планерку!

— Как-нибудь смогу… Успею.

Мы с Олей соперничали, и еще неизвестно было, кто из нас лучше выступит на соревнованиях. И все-таки она не хотела, чтобы я забросила гимнастику.

— Как-нибудь нельзя!

Но я не могла думать ни о чем другом, кроме полетов, и у

меня вырвалось:

— Как жаль, что ты тогда не записалась! Мы бы сейчас вместе… — Я не договорила — на смуглом лице Оли выступил румянец.

Я же знала: если бы не больная сестра, прикованная к постели, Оля тоже спешила бы вместе со мной. Матери у Оли не было, и на ней лежали все домашние обязанности, так что она не могла позволить себе заниматься чем-нибудь еще, кроме гимнастики.

— Я пойду, — сказала я тихо.

В моих словах прозвучала жалость, чего Оля совершенно не выносила. Мгновенно вспыхнув, она грубовато спросила:

— Ты чего разнюнилась? Пи-лот! Топай!

Сильными руками она тряхнула меня за плечи и, повернув, подтолкнула вперед. Пройдя несколько шагов, я обернулась: уперев руки в бока, Оля провожала меня насмешливо-дружеским взглядом.

Я выбегаю на улицу, и стая резвых воробьев, вспорхнув из-под самых моих ног, садится на дерево. День яркий, солнечный. Хорошо!

Домой я не иду, а почти бегу, подпрыгивая, размахивая портфелем, совсем как первоклассница. Неужели я кончаю девятый? Туго заплетенные косы подрагивают на затылке. Под ногами мелькают солнечные пятна, веселыми зайчиками скачут по моему платью, красному в белый горошек, по черной коже портфеля.

Ноги сами бегут — вперед, вперед. Длинный ряд каштанов с розоватыми пирамидками свечей провожает меня до самого дома. Мне легко и хорошо, как бывает только в шестнадцать лет, когда жизнь еще свободна от забот, а впереди тебя ждет радость. И я мчусь то вверх, то вниз по зеленым улицам моего города, ни о чем не беспокоясь, твердо убежденная, что май — самый чудесный месяц года, а Киев — лучший из городов мира!

СЛАВА, ТИМОХА И ДРУГИЕ

Я шагала по улице Кирова, спускавшейся к Крещатику. В конце улицы находилось здание городского Дома пионеров, откуда вся наша группа должна была отправиться за город.

Хотя планерная школа работала при Доме пионеров, занимались в ней старшеклассники, уже давно вышедшие из пионерского возраста. В группе нас было человек пятнадцать, в основном парни. И только четыре девушки: Валя, сестры-близнецы Инна и Фаина, добродушные, смешливые, внешне

совсем не похожие одна на другую, и я.

Сначала мы изучали теорию — основы полета. Ее преподавал нам летчик-инструктор Короленко. Загорелый, статный, щеголеватый, в темно-синей летной форме и пилотке, лихо сдвинутой набок, он любил покрасоваться перед нами, рассказывая самые невероятные истории из жизни летчиков, где он был непременным участником и главным героем. Мы слушали его раскрыв рты, однако верили далеко не каждому слову.

Хотя курс теоретических занятий был и без того коротким, всем нам не терпелось поскорее его закончить и приступить к полетам. И вот наступил наконец день, когда мы должны были ехать на планеродром и, по выражению Короленко, «почувствовать воздух».

Я уже приближалась к стадиону «Динамо», входные ворота которого все еще были украшены первомайскими флагами, когда меня окликнули:

— Натка! Бежишь как на пожар.

Догоняя меня, Слава Головин шел быстро, пружинисто, и его прямые соломенного цвета волосы, аккуратно причесанные набок, вздрагивали в такт шагам. Мускулистые руки и худощавое лицо Славы уже успели покрыться загаром: он часто бывал на Днепре, плавал на яхте в спортивном клубе.

Слава был старше меня и в этом году заканчивал десятый класс. Два года назад, когда мы с ним случайно оказались вместе в Одесском доме отдыха для молодежи, я была свидетельницей того, как он, шестнадцатилетний паренек, рискуя жизнью, бросился в бушующее море, чтобы спасти девушку. Наглотавшись воды и потеряв последние силы, она уже шла ко дну, и если бы не Слава, не знаю, чем бы все это кончилось. Спасая девушку, Слава и сам чуть не утонул. К счастью, подоспел катер и подобрал обоих…

Мы дошли до конца улицы и у самых ворот Дома пионеров столкнулись с Валей.

— Наталка, мы не опоздали? Я так спешила!

Жила Валя в дальнем конце города и всегда боялась опоздать, хотя не было случая, чтобы она куда-нибудь опоздала.

Когда мы вошли в вестибюль, ребята, сгрудившись вокруг Короленко, слушали его, а он, возвышаясь над всеми, сидел на подоконнике и, как всегда, что-то увлеченно рассказывал, широко жестикулируя.

Наш староста Володя Тимохин, или, как мы называли его, Тимоха, повернулся в нашу сторону, бросил быстрый, настороженный взгляд на Славу и сказал, обращаясь ко мне:

— А, Птичка… Давай к нам!

Неизвестно почему, Тимоха недолюбливал Славу. К Вале он относился снисходительно, как и вообще ко всем девчонкам. Мне же он откровенно симпатизировал и считал своим долгом оберегать меня. Это он прозвал меня Птичкой. Вероятно, потому, что я была худенькой, тоненькой и вообще «мелкой». Как птичка. К тому же хотела летать.

— Сюда, Птичка, — повторил Тимоха.

Заметив, что мне стало неловко от его подчеркнутого внимания ко мне одной, он добавил, обращаясь к Вале и по-прежнему игнорируя Славу:

— Присоединяйтесь…

И хотя он слегка улыбнулся, его жесткие серые глаза остались серьезными. Вообще Тимоха был человеком строгим, прямым и непреклонным. Никогда не изменял своим взглядам. В любое дело, которым занимался, вкладывал всего себя без остатка. Казалось, он уже теперь, за два года до того, как Гитлер напал на нашу страну, чувствовал, что впереди его ждет нелегкая судьба военного летчика, и заранее готовился к тому, чтобы выдержать все, что ему выпадет в будущем.

Собранный и целеустремленный, Тимоха был абсолютно точно уверен в том, что добьется в жизни своего и что в мире нет такой силы, которая может сдвинуть его с намеченного пути. Как и другие ребята, он с увлечением строил модели самолетов и сам мечтал летать, ни капельки не сомневаясь, что скоро станет летчиком-истребителем, причем только отличным.

Забегая далеко вперед, хочу сказать, что вскоре после войны мне пришлось случайно встретиться с Тимохой. Выглядел он неважно, светлые глаза глубоко запали, лицо было землистого цвета. На нем был короткий стеганый ватник, на голове потрепанная шапка-ушанка. Озабоченный, с тревожным блеском в глазах, он куда-то спешил по важному делу, и разговаривали мы недолго: от того, как решится дело, сказал Тимоха, зависело многое в его жизни… Я поняла, что все эти годы судьба не улыбалась ему. На его долю выпало немало испытаний — не только фронт, бои, ранения, но и плен, лагеря и многое другое. Однако ничто не могло сломить Тимоху — по-прежнему он держался независимо, и в глазах его светились твердость и железная воля. Я видела все то же знакомое мне решительное выражение лица, тот же упрямо выдвинутый вперед подбородок и те же, только потемневшие веснушки на вздернутом носу, на щеках. И лишь одно непривычно было видеть на этом лице — морщинки. Они жестко прорезались у самых глаз и в уголках крупного рта — следы прожитых военных лет…

…Мы подошли к ребятам и поздоровались. Короленко

приветливо кивнул, не переставая рассказывать. Незаметно приблизившись ко мне, Тимоха оттеснил Славу — большой, широкоплечий, он всегда держался рядом со мной, будто хотел защитить от кого-то. Слава, относившийся к этому с юмором, никогда не противился и, охотно уступив место Тимохе, знаками объяснил из-за его спины: «Ничего не поделаешь — сила!»

Короленко посмотрел на часы:

— Кого еще нет?

Задрав веснушчатый нос, Тимоха глянул на собравшихся командирским оком. В этот момент в дверях появились еще двое.

— Все в сборе, товарищ инструктор! — четко доложил он. — Нет только Виктора Ганченко. Он предупредил меня, что встретит нас по пути.

— Время у нас еще есть, давайте побеседуем полчасика перед полетами, — сказал Короленко, направляясь к двери класса.

Мы переглянулись: никто к зачету не готовился.

Когда все уселись за столами, Короленко хитро сощурился:

— Тимохин, что будете делать, если высота падает, а под вами лес? Ведь у планера нет мотора!

Лицо и оттопыренные уши Тимохи медленно залились краской, в глазах появился дерзкий блеск.

— Буду садиться на лес! — категорически заявил он и добавил: — Только этого не может случиться!

— Почему же не может? — возразил Короленко, снисходительно улыбнувшись: уж он-то знает, что может, а что не может случиться с планером!

Перед тем как ответить, Тимоха весь напрягся, и я подумала, что действительно с Тимохой такое никогда не произойдет — просто немыслимо, чтобы с ним такое стряслось.

— Это же ЧП! Нельзя доводить до этого, нужно думать заранее! — отрезал он.

Короленко с интересом смотрел на Тимоху.

— Та-ак, — протянул он, решая, стоит ли развивать эту тему.

— Факт! — поддержал своего друга Лека-Длинный. — Нечего переть на лес, если высоты не хватает.

— Ну хорошо, — согласился Короленко. — Разберемся во время полетов.

Кивнув Тимохе, чтобы тот сел, он прошел к окну и постоял, слушая, как в кустах сирени оголтело щебечут птицы. В распахнутые окна врывались привычные звуки города: зазвенел трамвай, басовито зарычала машина, ей ответили несколько разноголосых гудков, где-то на Днепре протяжно крикнул пароход.

— Ну, а отчего возникают воздушные потоки? Чугарина! —

резко обернулся Короленко.

Валя шумно задышала, глядя в пол. Если Валя чего-нибудь не знала, то уж догадаться никак не могла, особенно когда ее спрашивали неожиданно.

— Садитесь!

— Вот Чугарина запросто сядет на лес… — раздался в тишине голос Леки-Длинного.

У Вали обиженно дрогнули губы, а Короленко строго сказал:

— Ответьте вы, Дубровин.

Распрямившись во весь свой огромный рост, Лека по привычке пригладил рукой волосы и начал обстоятельно рассказывать все, что знал о воздушных потоках. Валя оживилась: да ведь это так просто — как же она не сообразила!

Дошла очередь и до меня. Пока я говорила о том, что такое аэродинамическое качество и как оно влияет на полет, Короленко как-то странно присматривался ко мне, будто видел впервые и удивлялся тому, каким образом я сюда попала. Не понимая, в чем дело, я умолкла на полуслове.

Я видела, как Тимоха с пылающими ушами изо всех сил сжимал обеими руками край стола, словно пытался отломить изрядный кусок. Он ободряюще кивнул мне, и я, встрепенувшись, заговорила громким голосом. Когда я кончила, Короленко неопределенно хмыкнул и отпустил меня.

На свое место я села с таким чувством, будто в чем-то провинилась, и Тимоха, наклонившись ко мне, сочувственно шепнул:

— Что это с ним? Ты же правильно ответила, я сам слушал все до последнего слова.

Недоумевая, я пожала плечами. Однако все выяснилось в тот же день во время полетов.

— На этом мы закончим. Впереди — самое интересное! — пообещал Короленко. — Сейчас отправимся на планеродром. Вот теперь-то мы и узнаем, кто из вас будет летчиком, а кого придется отчислить…

И все мы, мечтавшие о полетах, затрепетали, в душе все же надеясь, что инструктор не окажется слишком придирчивым.

Несколько минут спустя веселой гурьбой мы ввалились в трамвай, который, часто позванивая, понесся вниз по улице. Инструктор и Слава сели у окна, а все остальные остались стоять на площадке, хотя трамвай был полупустой.

— Где же Виктор? — беспокоилась Валя, выглядывая из трамвая на каждой остановке.

Наконец в трамвай прыгнул Виктор.

— Здорово, хлопцы! А я давно жду вас — нет и нет. Думал,

прозевал. Хотел догонять, да вижу Лека-Длинный мотается в окне…

— А мы уже решили, что ты забросил авиацию! — сказала Валя, глядя на Виктора влюбленными глазами. — После поражения на соревнованиях…

Действительно, на республиканских соревнованиях авиамоделистов, где Тимоха и Лека заняли первые места, Виктору не повезло: его модель сломалась и совсем не взлетела.

— Ну, нет! Это мелочи жизни, — заявил Виктор, в глубине души все еще переживая свою неудачу. — Запомни, Валюха: с сегодняшнего дня кабина планера станет моим родным домом! Ты еще не раз услышишь имя Виктора Ганченко — обещаю тебе! И если когда-нибудь в центральных газетах будет написано крупными буквами…

— Громко сказано! — перебил Тимоха, который терпеть не мог выспренних фраз и всегда останавливал Виктора, когда тот начинал «разводить патетику».

— Я знаю, Тимоха, ты бы так не сказал, — стал оправдываться Виктор. — Ты другого склада человек. Ну, а я… Мне сначала слово нужно, просто не могу без слова, понимаешь?

Но Тимоха не понимал. Нахмурившись, он демонстративно отвернулся и молча стал смотреть в окно.

— А знаете, хлопцы, — продолжал Виктор, называя хлопцами всех, в том числе и нас, девчат, — когда мы с вами станем настоящими летчиками, у нас будет своя эскадрилья! Самым выдающимся летчиком среди нас будет, конечно, Тимоха, наш командир… И мы обязательно совершим групповой полет вокруг шарика!

У Тимохи от удовольствия порозовели уши, но, верный своему принципу, он счел необходимым спустить Виктора с небес на землю.

— Ты что-то, Виктор, спешишь. Сначала надо научиться летать! — усмехнулся он, на этот раз не рассердившись: идея группового полета пришлась ему по душе, а выражение «вокруг шарика» Виктор позаимствовал у Чкалова.

Короленко, разговаривавший со Славой, услышал последнюю фразу и покровительственно сказал:

— Ребята, не беспокойтесь — всех научу! Будете летать!

Он чувствовал себя всемогущим богом: от него зависело наше будущее, и ему хотелось быть добрым.

— Главное — это научиться драться в воздухе! — горячо заговорил Тимоха. — Обстановка накаляется.

Всего несколько месяцев назад кончилась гражданская война в Испании. А недавно мы узнали о событиях в районе реки

Халхин-Гол: японцы вторглись в пределы Монголии, и наши войска выступили против них. Об этом сейчас писали газеты.

— Да, воевать, конечно, есть где, — сказал задумчиво Виктор. — Год назад — озеро Хасан, теперь — Халхин-Гол.

— Мы должны быть готовы ко всему! — заявил Тимоха.

И он с жаром начал рассказывать о том, как воевали с фашистами наши истребители в Испании и почему фашисты все-таки победили в этой войне.

Я знала, что все это он слышал от своего брата, который сражался в испанском небе на самолете И-16 и даже получил боевой орден за то, что сбил несколько фашистских самолетов.

В это время Короленко, выглянув из окна, посмотрел вперед, проверяя, далеко ли еще ехать, и весело сообщил:

— Скоро прибудем! Давай-ка, Виктор, запевай нашу!

И Виктор сильным голосом запел:

Пропеллер, громче песню пой!
Неси распластанные крылья!
За вечный мир, в последний бой
лети, стальная эскадрилья!

Народу в трамвае почти не осталось, и мы, чувствуя себя свободно, громко пели. За окнами, совсем близко, мелькали стволы сосен. То и дело мохнатые ветки, шурша хвоей по стенке трамвая, заглядывали в окна.

Мы горланили песни, пока не доехали до конечной остановки, очутившись на опушке соснового леса. Дальше тянулось песчаное поле, на котором кое-где возвышались холмы с пологими склонами.

— Здесь мы будем летать, — сказал Короленко.

Поле было пустынно. Только редкие сосны, парами и поодиночке, стояли в некотором отдалении от леса, да еще виднелась хатенка, где жил сторож, и рядом с ней сколоченный из досок сарайчик с громким названием «ангар», в котором, по словам Короленко, стояли два красавца планера.

ЗАДНЯЯ ЦЕНТРОВКА

Первыми у ангара оказались Тимоха и Виктор. Когда подошли остальные, они уже отодвинули большой засов и открывали отчаянно скрипевшую дверь.

— Проходите! — пригласил Тимоха и сам вошел раньше всех.

Сарайчик был очень мал. Сквозь щели в стенах пробивались солнечные лучи, в которых купались тысячи светлых пылинок.

Переступив порог, мы замерли от восторга. Два стареньких, видавших виды планера, трогательно прижавшиеся друг к другу, потрепанные, исцарапанные и в заплатах, показались нам прекрасными сказочными птицами.

С минуту все стояли молча, почти не дыша. Наконец Виктор медленно погладил пыльное крыло планера и торжественно произнес:

— Вот она, моя мечта! Мечта, которую я давно носил в душе

своей и которая… — но, увидев, как смотрит на него Тимоха, осекся и тут же обиженно протянул, глядя с укором на своего друга: — Вечно ты, Тимоха, перебиваешь… Никогда не даешь человеку высказать свои чувства.

Тимоха мрачно взглянул на него, но тут Лека-Длинный вовремя предложил:

— Давайте его выкатим! Можно, товарищ инструктор?

— Выкатывай!

Облепив планер, мы потащили его из ангара. Я крепко держалась за конец крыла и шла рядом с планером, но почему-то получалось, что не я его тащила, а, скорее, он меня…

Через каких-нибудь две-три минуты сероватый планер, когда-то выкрашенный в красивый серебристый цвет, уже стоял на бугре с распластанными крыльями, готовый к взлету. Казалось, он давно ждал этого момента и теперь, выбравшись на волю после долгой зимней спячки, вздохнул полной грудью, набирая силы, радуясь наступившей свободе.

Некоторое время Короленко, сощурив глаза, молча наблюдал, как ребята ощупывают планер со всех сторон, вытирают пыль, трогают элероны, рули управления. Выждав немного, он приказал ввернуть в землю штопоры.

Поскольку ни буксировочного самолета, ни другой техники для запуска планера в воздух у нас не имелось, мы должны были просто «выстрелить» его, как из рогатки, с помощью резинового троса, натянув амортизатор своими же силенками.

Процесс запуска заключается в следующем. Пока мы натягиваем амортизатор, планер стоит на месте, удерживаемый тросом, который крепится к штопорам. По команде инструктора пилот, сидящий в кабине, двинув рычаг, сбрасывает удерживающий трос с крючка, и планер устремляется в воздух. Когда планер уже взлетел, сократившийся амортизатор, прикрепленный к носовой части планера, соскальзывает и падает на землю…

Наконец все приготовлено для взлета. Перед тем как сесть в кабину и продемонстрировать нам свое искусство, Короленко приказал Тимохе построить группу.

Моментально мы выстроились в две шеренги.

— Товарищ инструктор, группа выстроена для полетов. Старшина группы Тимохин! — бодро доложил Тимоха.

Но Короленко не спешил, важно расхаживая перед строем. Остановившись, медленно обвел всех взглядом, прикидывая что-то. Может быть, решал, в какой очередности нас выпускать. И опять на меня он смотрел дольше, чем на остальных. Я чувствовала, у инструктора есть какие-то сомнения, и,

переминаясь с ноги на ногу, ждала, что он скажет. Но, по-видимому, инструктор решил, что из-за меня не стоит беспокоиться, и, бодро вскинув голову, сказал:

— Внимание! Сейчас я сделаю два полета, а вы смотрите и запоминайте. В первом я опробую планер. Во втором сделаю то, что следом за мной должен будет повторить каждый из вас.

Короленко осмотрел планер и сел в кабину, закрывшись по пояс фанерным обтекателем. Затем он подвигал рулями, проверяя их, и громко скомандовал:

— На амортизатор!

— Бери концы! — весело крикнул Тимоха и сам взял один конец амортизатора.

Другой конец взял Лека-Длинный. Все остальные, разделившись на две группы, тоже ухватились за амортизатор и, натягивая его, двинулись гуськом, уходя от планера вперед и одновременно расходясь под углом в стороны. Таким образом, получалась «рогатка». Тимоха громко отсчитывал шаги:

— …двадцать семь, двадцать восемь…

Тянуть становилось все труднее, мы пыхтели, все больше и больше наклоняясь вперед, упираясь ногами в сыпучий песок, совсем как бурлаки, тянущие баржу. Туго натянутый амортизатор стремился отбросить нас назад, но мы упорно шли дальше.

Наконец Короленко подал команду:

— Внимание — сброс!

Он двинул рычаг, и трос, который удерживал планер на земле, соскользнул с крючка. Освободившись, планер рванулся вперед. Бросив амортизатор, мы замерли, наблюдая за полетом.

Планер взмыл кверху, набирая высоту, плавно перешел в горизонтальный полет и красиво полетел над землей. Сделав два разворота, Короленко посадил его на ровной площадке между двумя пологими склонами. Мы побежали к месту приземления и волоком по песку притащили планер на старт.

— А теперь я сделаю небольшой подлет: взлет и почти сразу за ним — посадка. Без разворотов.

Короленко снова сел в кабину.

И опять Тимоха, наш ведущий, громко считал шаги, а мы изо всех сил тянули амортизатор. Когда планер сел, мы приволокли его на бугор, весело распевая «Дубинушку».

Теперь была очередь Тимохи. Пока Короленко давал последние указания перед полетом, Тимоха стоял, наклонившись вперед, вытянув шею, и с нетерпением ждал команды садиться. Все его мысли были уже там, в полете.

— Все ясно? — спросил Короленко.

— Ясно, товарищ инструктор, — поспешил заверить его

Тимоха.

Он быстро уселся в кабине и с видом бывалого летчика уверенно подвигал рулями, будто собирался лететь уже в сотый раз.

Инструктор заметно волновался: ведь планер был одноместный, и он не мог лететь со своим учеником.

Мы запустили Тимоху и, забыв обо всем на свете, следили за полетом. Как и следовало ожидать, Тимоха выполнил его отлично. Когда планер сел, мы дружно крикнули «ура» и бросились к нему.

— Тимоха! Ты даже не понимаешь, что ты совершил! — издали кричал Виктор. — Ты открыл новую эру…

— Ой, как ты замечательно посадил его! Не хуже, чем инструктор! — восхищалась Валя.

Довольный собой, Тимоха не скрывал этого. Моментально очутившись рядом со мной, возбужденный, заглядывая мне в лицо, объяснял, уговаривая, будто я отказывалась лететь:

— Ничего сложного — простой полет… Вот увидишь… Только ручку сразу от себя…

И его оттопыренные уши розово светились.

Следующим был Слава, за ним Лека-Длинный. Оба выполнили полет хорошо. Потом в кабину села Валя, которая от волнения даже на земле стала делать все наоборот. Короленко хотел ее высадить, но она упросила его дать ей слетать. В воздухе Валя опять растерялась и перед самой посадкой двинула ручку управления не на себя, как полагалось, а вперед. Вместо плавного приземления планер под большим углом с силой ткнулся в землю, и Валя выпала из кабины вместе с фанерным обтекателем. Короленко накричал на нее, и, вконец расстроившись, она заплакала. Однако ей пришлось быстро успокоиться, потому что он пообещал за слезы отчислить ее из группы.

Сестры Инна и Фаина слетали хоть и не блестяще, но весело: со смехом они садились в кабину, со смехом взлетали и, вылезая из кабины, бурно радовались, довольные полетом.

Наступила моя очередь. Я села в кабину, поставила ноги на педали, взяла ручку управления. Мне показалось, что я утонула в кабине. Подвигав педалями, обнаружила, что в крайнем положении педали с трудом дотягиваюсь до нее ногой. Но об этом я решила пока не говорить, опасаясь, что инструктор не разрешит мне лететь.

— Давай, Птичка, веселее! — подбодрил меня Виктор. — Мы все на тебя смотрим, а особенно Тимоха!

Действительно, Тимоха смотрел на меня во все глаза, и короткие волосы на его голове стояли ежиком.

— Натяги-вай! — крикнул Короленко.

Из кабины я видела, как идут, согнувшись в три погибели, ребята, как постепенно удлиняются обе половины амортизатора, слышала, как считает шаги Тимоха, поглядывая в мою сторону. И мне вдруг стало казаться, что я иду вместе с ними, вцепившись обеими руками в резиновый трос, а в кабине планера сидит кто-то другой, и сейчас этот другой должен будет подняться в воздух, а я с земли увижу все это…

Но вот прозвучала команда, и я послушно отцепила трос. Планер рванулся вперед и сам поднялся в воздух, а я отжала ручку от себя, чтобы нос не задрался слишком высоко, иначе упадет скорость и планер просто грохнется на землю. Однако нос почему-то по-прежпему лез вверх, и мне пришлось двинуть ручку еще дальше, до упора. Нет, ничто не помогало — планер явно не хотел слушаться… Неужели я делала что-то не так?.. Я посмотрела вниз — до земли было довольно далеко, потому что бугор остался позади и теперь планер находился над впадиной между холмами. Скорость быстро падала, я с ужасом ждала, что же будет дальше, не зная, что предпринять. А дальше планер «посыпался» вниз и начал опускать нос, уже почти не имея скорости… К счастью, подоспел склон соседнего холма, и высота падения оказалась не так уж велика. Удар о землю хоть и был сильным, но не настолько, чтобы его нельзя было перенести с достоинством.

Вылезая из кабины, я старалась незаметно растереть рукой ушибленное колено. Нога болела, и я осталась стоять, опершись о планер. Ребята уже бежали ко мне со всех ног, и впереди всех Тимоха.

— Ты что же, Птичка… Не ушиблась?

Подошел Короленко, молча постоял, подбоченившись, оглядел меня критически с ног до головы. Потом вздохнул и, улыбнувшись, как мне показалось, насмешливо, сказал так, словно знал заранее, что я не справлюсь и дело кончится именно этим:

— Ну?

— Я все делала так, как надо!..

Ожидая, что сейчас он начнет разносить меня, я уже приготовилась возражать, но он только спросил совершенно спокойно:

— Ты сколько весишь?

От неожиданности я стала заикаться:

— Н-не знаю… К-кажется, сорок семь…

— Сорок се-емь?! — протянул он не то возмущенно, не то презрительно.

Я густо покраснела, словно меня уличили в чем-то предосудительном, и сразу почувствовала рукой локоть Тимохи, который стоял рядом, нахмурившись, глядя на инструктора немигающими глазами.

— Все ясно, — продолжал Короленко. — Центровочка… Весу маловато, поняла? Задняя центровка получается, вот нос и задирается! Куда же с таким весом летать — разобьешься!

Я растерялась: как же быть? Значит, и летать теперь нельзя? Не могу же я так сразу прибавить в весе! Да и не получится у меня…

Продолжая растерянно смотреть на инструктора, я чувствовала себя несчастнейшим человеком. Господи, ну почему я такая щуплая! Все люди как люди…

Тяжко вздохнув, я с нескрываемой завистью посмотрела на высокую полноватую Валю — у нее-то веса хватает… Да и сестры-близнецы были рослые, крепкие.

— Придется, видно, подождать с полетами, — уже сочувственно произнес Короленко.

— Ой, как же так! — воскликнула Валя с выражением ужаса в круглых глазах.

— Эх, Птичка…

Виктор произнес это укоризненно, будто я нарочно не хотела добавить себе весу. Тут Тимоха не выдержал и горячо вступился за меня, воскликнув с возмущением и даже с угрозой:

— Ну при чем тут она! «Вес, вес»… Что — вес самое главное?

Но предложить что-нибудь путное он так и не смог.

Ребята смотрели на меня как на обреченную, будто жизнь моя на этом обрывалась.

— Вот так, — произнес неопределенно Короленко и сделал шаг в сторону, как бы считая разговор оконченным.

Я готова была расплакаться от обиды, и первая горячая слеза уже медленно поползла по моей запыленной щеке, как вдруг Лека-Длинный, до сих пор не произнесший ни слова, сказал:

— Вот так петрушка! Хоть камни в кабину клади…

Камни!.. А может быть, и в самом деле камни? Хотя, конечно, это не годится: смешно, некуда, да и никто не разрешит. Но все-таки… И вдруг мне в голову пришла счастливая мысль.

Лицо у меня сразу посветлело, слезы высохли, и я почувствовала прилив радости, так что Тимоха спросил удивленно:

— Ты чего это… радуешься?

Действительно, радоваться пока было нечему. Но, чувствуя, что выход найден, я ответила, улыбнувшись:

— Ни-че-го!

На следующий день, к общему удивлению, я приехала на планерку в отличном настроении. Отойдя в сторону от ребят, развернула аккуратно сложенный мешочек, который накануне вечером сшила мне мама, и с невозмутимым видом стала набивать его песком. Откровенно признаться, я, конечно, боялась, что надо мной будут смеяться, но желание летать было так велико, что я согласна была выглядеть как угодно смешно, только бы меня оставили в планерной школе.

Виктор, наблюдавший за мной издали, желая отвести возможные насмешки, во всеуслышание стал расхваливать меня:

— А ты догадливая, Птичка! Ей-богу, ты молодец! Тимоха, посмотри, как Птичка вышла из положения!

И все же Лека-Длинный, увидев меня с мешочком, долго хохотал, пока Тимоха не остановил его:

— Не вижу ничего смешного, Длинный!

Я выпрямилась и, прижимая к себе обеими руками довольно тяжелый мешок, спокойно сказала Леке:

— Ты же сам и подсказал мне это.

— Я? — удивился Лека-Длинный. — Как это?

— А так. Про камни говорил?

— А-а-а. И куда же ты его денешь?

— Сяду на него! — ответила я гордо, будто теперь каждый мог мне позавидовать.

Лека недоверчиво покачал головой, но смеяться перестал.

И я стала летать, добавляя себе около восьми килограммов весу. Этого было достаточно для того, чтобы планер слушался меня и не задирал нос, когда этого не требовалось.

Очень скоро все привыкли постоянно видеть меня с мешочком, и никому не приходило в голову посмеиваться надо мной, тем более что Тимоха всегда был на страже.

ЛЕТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Обычно наш летный день начинался с того, что мы запускали в воздух Короленко, и он делал один полет или два, проверяя состояние погоды. Если он находил восходящий воздушный поток, это считалось большой удачей: значит, можно было парить некоторое время в воздухе, не теряя высоты.

После Короленко вылетал Тимоха, который считался у нас лучшим пилотом, а за ним по очереди все остальные. За день каждый из нас успевал сделать несколько полетов.

Как правило, полеты были непродолжительными. Но даже за те несколько минут, когда ты сидишь в кабине и послушный тебе планер как птица в полной тишине летит над землей, когда с высоты все далекое кажется близким, а сердце не может вместить всех ощущений, связанных с полетом, — даже за эти короткие минуты можно было отдать многое.

Однажды Короленко с гордостью сообщил, что на днях к нам приедет известный планерист-рекордсмен Ефименко, который

покажет нам высокий класс полета и проверит, как мы летаем.

— Это большой мастер и мой друг. Я специально пригласил его, чтобы вы у него поучились, — сказал с необычной для него скромностью Короленко. — Надеюсь, вы не подкачаете.

Он надел шлем, внимательным взглядом окинул небо, по которому плыли редкие облака, и направился к планеру.

Мы быстренько заняли свои места, чтобы тянуть амортизатор, и привычно двинулись вперед.

Пыхтя от натуги, упираясь в пересохший песок, который уходил из-под ног, мы делали последние шаги. Приближался момент, когда нам следовало остановиться и по команде инструктора запустить планер в воздух. Амортизатор почти уже не удлинялся и, как пружина, растянутая до предела, стремился сжаться, чтобы отбросить нас назад, в исходное положение.

Тимоха нетерпеливо поглядывал на инструктора, каждую секунду ожидая команды, которая почему-то не поступала. Силы наши иссякали. Ладони мои болели, натертые грубым тросом. Хотелось расслабить онемевшие от напряжения руки. Казалось, еще немного — и трос пересилит нас…

И вдруг Короленко, сидевший в кабине, попросил, спокойно поправляя перчатки, которые надевал в полет:

— Давайте-ка еще шагов десять. Сегодня можно посильнее.

Видимо, перед приездом знаменитого планериста инструктор хотел блеснуть своим искусством, и ему нужна была высота побольше. Надо сказать, что полеты Короленко казались нам верхом мастерства, и мы всегда с восхищением следили за тем, как он парит в воздухе, как взлетает, разворачивается, садится, — большего мастерства мы не могли себе представить.

Чувствуя, что Тимоха запаздывает с подачей команды, Лека бодро крикнул:

— А ну, ребятки-и!

— Р-раз-два! Взяли!.. — подхватил Тимоха.

Воодушевленные тем, что Короленко собирается чем-то поразить нас, мы рванули неподдающийся трос изо всех сил, какие только у нас еще оставались…

Дальше произошло что-то непонятное. Раздалось громкое шипенье, как будто сжатый газ с силой вырвался из баллона… Сначала я почувствовала на собственной шкуре, а потом уже догадалась, что это лопнул амортизатор и, сокращаясь, зашуршал по сухому песку. Оборвавшимся концом меня больно ударило пониже спины…

Потеряв равновесие, я упала, все еще крепко держа теперь уже ненужный трос. Все остальные тоже оказались на земле. Вставали, отряхиваясь, потирая ушибы, посмеиваясь над собой.

— Все живы? Ничего, бывает, — сказал Тимоха, который, вскочив с земли первым, теперь заботливо, по-командирски оглядывал каждого. — Трос был уже старый. Ну, зато теперь обязательно получим новый!

Я поднялась, держась за ушибленное место. Вероятно, у меня в этот момент было довольно кислое выражение лица, потому что Виктор, который находился рядом, участливо спросил:

— Что? Здорово досталось?

С трудом разгибаясь, по пытаясь улыбнуться, я попробовала отшутиться:

— Ерунда… Вот только место не очень удобное!

— Ничего, до свадьбы заживет! — успокоил меня Виктор.

Но Тимоха, который мгновенно очутился возле меня, сердито и осуждающе посмотрел на Виктора.

— Что ж это ты! — сказал он так, будто Виктор нарочно все подстроил или, во всяком случае, знал, что так произойдет, и все-таки не уберег меня.

Я поспешила успокоить Тимоху:

— Да все нормально! Уже прошло! Я даже танцевать могу…

Но продемонстрировать, как я могу танцевать, не решилась, так как с трудом стояла на ногах. Еще в течение нескольких дней мне трудно было сидеть…

Через три дня к нам приехал Ефименко. Он появился внезапно, когда наш летный день подходил к концу и мы уже перестали его ждать. В это время на посадку заходил планер, и Ефименко, остановившись, подождал, пока он сядет.

— Молодец, хорошо посадил! — похвалил он пилота, когда планер приземлился, и спросил у Короленко: — Как фамилия?

— Виктор Ганченко, — ответил инструктор.

Небольшого роста, коренастый, с красно-бурым от загара лицом и светлыми зоркими глазами, он поздоровался с инструктором и с нами, отошел в сторонку, постоял один на бугорке, осмотрел холмистую местность, над которой мы летали, взглянул на небо, усеянное пушистыми белыми облаками, и сказал коротко:

— Погодка есть. Что, подбросите меня?

Мы кинулись к амортизатору.

Прежде чем сесть в кабину, знаменитый планерист похлопал рукой по обтекателю, бросил критический взгляд на потрепанный, грязно-серого цвета планер в светлых заплатах и, обернувшись, с хитроватой улыбкой спросил:

— Как он, выдержит? Не развалится?

Мы переглянулись между собой — нам никогда не приходило

в голову сомневаться на этот счет.

— Меня выдерживает, — ответил, рисуясь, Короленко, хотя никаких фигур пилотажа на этом планере он не выполнял, кроме разве спирали.

— Посмотрим, — сказал Ефименко и, усевшись, подвигал рулями управления, оглянулся на хвост.

Мы добросовестно натянули новенький амортизатор, и планер взлетел. Спустя несколько минут он уже парил над лесом светлой легкокрылой птицей, набирая высоту. А вскоре мы увидели, как наш старенький планер, поблескивая в солнечных лучах, начал весело кувыркаться и резвиться в небе.

— Вот это да! Классная работа! Я еще не видел такого, — сказал Лека-Длинный и даже языком прищелкнул.

— Сразу видно, мастер своего дела! — подтвердил Виктор. — Внимательно смотрите, хлопцы, это великий момент!

Тимоха молча восторженными глазами следил за планером, который четко и красиво выполнял одну за другой фигуры высшего пилотажа.

— А наш инструктор тоже хорошо летает! — неожиданно заявила Валя, обидевшись за Короленко и желая поддержать его престиж. — Думаете, он так не умеет?

Никто не стал возражать, по и поддержки Валины слова не нашли: слишком впечатляющим было то, что мы сейчас наблюдали. Каждый, конечно, понимал, что не стоит сравнивать нашего инструктора с таким виртуозом, как Ефименко.

— Помолчи, Валюха! — коротко сказал Виктор.

Короленко, который стоял неподалеку, несомненно, слышал этот разговор, и самолюбие его было уязвлено. Он стал нервно теребить перчатки и нетерпеливо ходить в ожидании планера, который уже вошел в круг для посадки.

Сделав последний разворот, Ефименко приземлился точно в том же месте, откуда взлетел, так что нам даже не пришлось подтаскивать планер к старту — он стоял на самой вершине холма.

— Ничего, летать на нем можно, — сказал он, вылезая.

— Конечно, можно! — подтвердил Короленко, и в его голосе, непривычно высоком, прозвучали нотки вызова. — Вот мы сейчас и слетаем на нем!

Ефименко бросил на него быстрый взгляд, но почему-то промолчал.

Мы все еще находились под впечатлением полета, глазами, полными восхищения, смотрели на Ефименко, и, пожалуй, никто из нас, кроме Тимохи, не заметил того возбужденного состояния, в котором находился наш инструктор, а инструктор, в душе,

может быть, сознавая нелепость задуманного, не мог сейчас удержаться от того, чтобы не подняться в воздух немедленно и доказать нам, да и самому рекордсмену, что и он, Короленко, кое-что может.

— Тимохин! — позвал он.

— Я, товарищ инструктор!

— Сейчас я тоже слетаю. Натягивайте посильнее, но не перетяните, ясно? — сказал Короленко с видимым спокойствием.

— Есть натягивать посильнее! Только…

— Что только? — резко спросил Короленко.

Тимоха не трогался с места, продолжая в упор смотреть на инструктора: ждал ли он, что тот образумится и передумает, или хотел намекнуть, что сразу после Ефименко ему не следовало бы лететь, только он стоял и на этот раз не спешил выполнять приказание.

— В чем дело, Тимохин? Я же сказал — давай побыстрее! — поторопил его Короленко.

И мы запустили нашего инструктора, который был полон решимости сделать то же, что и Ефименко.

Набрав высоту, Короленко перешел в горизонтальный полет, но счастье не улыбнулось ему — он не попал в восходящий поток, на который так надеялся, и, сделав два разворота, стал быстро снижаться прямо на лес. Чтобы не врезаться в деревья, он резко отвернул в сторону, туда, где лес кончался, и, к нашему ужасу, понесся на высокие сосны, которые росли отдельными группами вблизи от леса. Когда планер был уже у самой земли и разворачиваться было поздно, Короленко, чтобы избежать лобового удара о дерево, направил планер так, чтобы он пролетел между двумя соснами, очевидно, рассчитывая, что ворота для пролета достаточно широки. Однако концы крыльев ударились о стволы сосен, планер резко остановился и, застряв между соснами, замер, как раненая птица, сложив крылья.

Несколько секунд мы еще стояли, не смея поверить в то, что произошло, и смотрели на поломанный планер, прижавшийся к земле. Короленко не было видно.

— Какой ужас! — воскликнула Валя. — А инструктор?

И мы, опомнившись, бросились бежать к планеру через поле. Тем временем Короленко, невредимый, вылез из-под обломков и медленно, согнувшись под тяжестью своей вины, обошел вокруг планера, потрогав рукой отвалившееся крыло, словно желая удостовериться, что все это не сон, а действительность.

Когда мы в полной растерянности остановились у разбитого планера, тяжело дыша и не зная, что сказать в утешение нашему бедному инструктору, он смущенно улыбнулся и еще раз оглядел

поломанный планер. Вид у него был жалкий. На лбу вспухла красная царапина, из ссадины на щеке сочилась кровь.

— Ну что…

Он развел руками, потрогал щеку, посмотрел на нас исподлобья и продолжал негромким голосом:

— Вот… сами видите, что произошло… Теперь будете знать, как надо летать и как не надо. А планер… Планер нужно ремонтировать. Своими силами, конечно…

— Ничего, товарищ инструктор! Мы починим! Сами все сделаем, не беспокойтесь… Будет как новенький!

Тимоха смотрел на него с искренним сочувствием, да и мы все очень жалели Короленко, и никто его не осуждал.

Короленко почувствовал это и как-то очень грустно улыбнулся Тимохе, но все сразу поняли, что настроение у него поднялось.

Пока мы стояли у планера, оставшийся в одиночестве Ефименко, о котором все забыли, немного подождал на бугре, убедился, что с Короленко ничего страшного не случилось, и незаметно уехал.

Больше он к нам не приезжал.

ПРЫЖОК С ВЫШКИ

Однажды, когда мы всей гурьбой возвращались после полетов, Виктор предложил:

— А ну, братва, пошли прыгать с парашютной вышки! Это так здорово — дух захватывает! Сердце уносится высоко в синее небо, и такая радость клокочет в груди, что словами невозможно передать. Об этом можно только петь…

— Чего там у тебя клокочет? — лениво отозвался Лека-Длинный. — Подумаешь, вышка! Шагнул — и уже на земле.

— Ты, Длинный, помолчал бы! — возмутился Виктор. — Ты же понятия об этом не имеешь, а я уже прыгал, понятно?

У Тимохи мгновенно заблестели глаза. Как это Виктор успел раньше него? И почему не позвал на вышку своего лучшего друга?

— Прыгать? — переспросил громко Тимоха, делая вид, что ничуть не обижен. — Конечно, пошли! А высота какая — метров пятьдесят будет? Или меньше?

Он посмотрел на меня выжидательно, как будто вопрос его относился ко мне и я должна была знать высоту вышки. На самом же деле Тимоха просто беспокоился, по струшу ли я. Мне стало обидно, и я отвернулась от него.

— Может, и будет, — с сомнением ответил Виктор.

Сунув руки в карманы брюк, Лека презрительно сказал:

— Да что я — из детского сада, что ли! Вот с самолета бы — другое дело!

— Придет время — будем и с самолета! — убежденно сказал Виктор. — Между прочим, говорят, с вышки прыгать страшнее, чем с самолета. Это я от летчиков слышал.

Слава, который до сих пор только с интересом слушал, мягко произнес:

— Начнем, Лека, с вышки. Выбора нет. Да и неизвестно еще, придется ли нам прыгать с самолета. Уж во всяком случае, не всем.

И, пожав плечами, он улыбнулся так, словно извинялся, что в его планы не входило ни стать летчиком, ни заняться парашютным спортом.

— Ну, хватит рассуждать! Решили — так идем! — категорически заявил Тимоха, словно отдал приказ.

Когда в разговор вступал Слава, Тимоха начинал нервничать. Не мог ли он примириться с тем, что у Славы есть то, чего не хватало ему, Тимохе, — врожденной интеллигентности, внутренней культуры, оскорбляло ли его отношение Славы к полетам — просто как к очередному виду спорта, в то время как Тимоха и другие ребята мечтали стать профессиональными летчиками, во всяком случае Тимоха чувствовал к Славе антипатию и часто не мог даже скрыть ее. К тому же он считал, что Слава непременно должен нравиться мне, и это, возможно, было главной причиной его недружелюбного отношения к нему.

Быстро наклонившись ко мне, Тимоха спросил:

— Ты как, Птичка, прыгнешь?

— Конечно, прыгну! Но только в том случае, если кто-нибудь столкнет меня с вышки!

— Ну, за этим дело не станет, предлагаю свои услуги! — вмешался Виктор. — А могу даже сбежать вниз и там поймать тебя!

— Не успеешь!

— Не успею? Да ты же зависнешь между небом и землей!

— Факт! — подтвердил Лека. — С таким-то весом…

— А у тебя есть мешочек с песком! — с радостью подсказала мне Валя.

— Ну уж нет!

В центре парка у деревянной вышки стояла очередь. Желающих прыгнуть оказалось не так уж мало. Мы к ним присоединились и, задрав головы, стали наблюдать, как с небольшой площадки на самом верху вышки прыгают парни и девушки.

Большой белый купол, наполнившись воздухом, уверенно опускал каждого на землю. Одни прыгали бойко, без всякой боязни, даже выкрикивали что-то при этом или пели, другие опускались с напряженными, каменными лицами, вцепившись в стропы и боясь шевельнуться. Были и такие, которые, поднявшись наверх по винтовой лестнице, спешили поскорее спуститься тем же путем.

Подошла наша очередь, и мы друг за другом стали подниматься по деревянным ступенькам. Первые минуты, чувствуя себя пока еще внизу, у земли, мы перебрасывались шуточками и еще по-настоящему не думали о предстоящем прыжке.

Я уверенно шагала вверх, и доски, которые изредка поскрипывали под ногами, казались мне прочными и надежными, а широкая у основания конусообразная вышка выглядела фундаментальной, крепко сколоченной. В просветы между ступеньками видна была зеленая трава, постепенно уходившая все дальше вниз. Но по мере того как земля отдалялась и вышка становилась все более узкой, я все чаще замечала, что доски, по которым я ступала, уже совсем старые, выщербленные и неприятно скрипят, потому что плохо прибиты, что щели между ними слишком велики, а тонкие перила, за которые я ухватилась, шатаются и, чего доброго, вот-вот рухнут совсем. Поверхность перил была гладкая, отшлифованная множеством рук, и я подумала, что вышка, видимо, построена очень давно и скоро развалится. Пожалуй, на нее и взбираться опасно…

Я взглянула вверх, чтобы определить, далеко ли еще до площадки, но увидела только фигуру Виктора, которая все закрывала от меня. Перед глазами мелькали его ноги в широких лыжных брюках и стоптанных матерчатых тапочках. Мне захотелось окликнуть Виктора, но в этот момент раздался пронзительный крик девушки:

— Ой, мама! А-а-а!

Вздрогнув, я невольно остановилась. Сердце тоскливо

сжалось. Мне показалось, что с девушкой что-то случилось: может быть, она оступилась и упала с вышки…

Кто-то громко засмеялся, и от этого смеха мне стало жутко. Но все было спокойно, а девушка благополучно приземлилась. Я оглянулась. Валя, вся раскрасневшись и сияя от радости, смотрела на меня снизу блестящими глазами.

— Ты чего? Тимоху ищешь?

Я молча кивнула, хотя о Тимохе и не думала.

— Он там, внизу, остался. Сказал, что будет прыгать последним. Тебя, видно, будет ждать!

Нет, я просто трусиха — все меня пугает. Вот не боится же Валя! И я снова зашагала вверх, стараясь думать о чем-нибудь постороннем. Винтовая лестница казалась бесконечной. Но вот и последний пролет.

Наверху гудел ветер, раскачивая вышку. Площадка оказалась небольшим пятачком, и я осторожно подвинулась к центру, боясь сделать лишний шаг, чтобы не свалиться вниз.

Валя, не чувствуя никакого страха, подошла к самому краю и, взявшись за перила, ахнула:

— Посмотри, Наталка, как высоко! Я думала, будет ниже. Да ты подойди, посмотри вниз!

Я хотела сделать шаг, но мои ноги словно приросли к полу.

— Я лучше здесь…

— Да ты не бойся, давай руку!

С большим трудом передвигая чугунные ноги, я заставила себя приблизиться к краю площадки и взглянуть на землю.

От высоты сразу закружилась голова, но я, вцепившись в перила, продолжала стоять и смотреть вниз. Земля была далеко и в то же время совсем близко. Люди внизу выглядели крошечными и странно плоскими. Если купол но наполнится, тогда… Нет, прыгать мне совсем не хотелось, и я попятилась…

Поняв мое состояние, Валя ободряюще улыбнулась и похлопала меня по плечу.

— Наталка, держись! Тебе надо сразу же прыгать! Понимаешь, сразу!

Я замотала головой, но Валя стала легонько подталкивать меня в ту сторону, где на крюке уже болтался обвисший, словно неживой, парашют.

— Давай начинай первая! — сказала она.

Я затопталась на месте, надеясь, что вдруг произойдет чудо и прыгать мне не придется. Но чуда не произошло.

— Следующий!

Высокий парень, который здесь распоряжался, уже протягивал мне подвесную систему парашюта. Почему-то мне

бросилась в глаза голубая футболка, которая была на нем, и развязавшийся черный шнурок у воротника. Шнурок был продет только в одну петлю и еле держался. Я подумала, что здесь, на вышке, где ветром продувает каждого насквозь, ему холодно в одной футболке. Надо бы завязать шнурок…

— Надевайте! — коротко бросил парень.

С ужасом смотрела я на несколько скрепленных ремешков, которые он держал в руках.

Заученным голосом, не глядя на меня, парень произнес:

— Сюда, поближе! Давайте руку. Теперь другую. Вот за эти лямки держитесь…

Голубая футболка приблизилась ко мне, и я почти уткнулась в нее носом. Прямо перед глазами болтался длинный конец шнурка. Надо бы завязать…

Парень быстро застегнул замок, увидел мое бледное лицо и улыбнулся:

— Да вы не бойтесь — это же раз плюнуть! Вот увидите — понравится! Во время приземления ноги держать вместе, чуть согнуть. Ну, пошел!

Перед прыжком я на мгновение зажмурила глаза, потом открыла и посмотрела на землю: на том месте, где мне предстояло приземлиться, стоял Тимоха и, задрав голову, ждал меня.

— Прыгай, Птичка, не бойся! — крикнул он.

Стоявшие в очереди оживились и тоже стали кричать:

— Эй, Птица! Воробей! Ворона! Прыгай же!

Парень слегка подтолкнул меня, и я шагнула куда-то в пустоту. В первый момент, когда я, потеряв под ногами опору, понеслась вниз, у меня перехватило дыхание. Сердце словно застряло где-то в горле, мешая вздохнуть, и я, как рыба, беззвучно открывала рот…

Но вот я, наконец, почувствовала собственный вес — это наполнился воздухом купол, который теперь надежно нес меня к земле. Сердце вернулось на свое место и начало бешено колотиться. Бурное, радостное чувство охватило меня, и теперь мне действительно показалось, что я на крыльях уношусь в синее небо.

Земля качалась подо мной, как огромная океанская волна, то вздымаясь, то опускаясь; купол раскачивался, и меня болтало из стороны в сторону, так что деревья, вышка и небольшая извилистая змейка очереди оказывались то впереди, то сзади, то выше, то ниже. И все же я снижалась.

Но почему-то опускалась я очень медленно, так медленно, что едва замечала, как приближается земля. Я даже подумала, что

права была Валя, когда напомнила мне о мешочке. Он и здесь пригодился бы…

Когда я находилась приблизительно на полпути к земле, кто-то из очереди, потеряв терпение, крикнул:

— Эй, воробей, а побыстрее нельзя?

В очереди засмеялись и наперебой стали торопить меня, вспоминая всевозможные названия птиц, одно другого обиднее. Мой затянувшийся спуск никому не нравился. Но вот какой-то молодой человек сжалился надо мной и встал на мою защиту:

— Товарищи, дайте девушке спокойно приземлиться! Нельзя же так…

До земли оставалось метра три-четыре, когда мне показалось, что я совсем зависла. Испугавшись, я стала беспомощно болтать ногами.

— За ноги хватайте ее, за ноги! А то улетит вверх! Тяните за ноги скорее! — крикнули из очереди.

Какой-то рыжий верзила лихо подпрыгнул и почти коснулся моих пяток, но Тимоха решительно и вовремя оттеснил его мощным плечом. Наконец ноги мои коснулись твердой почвы, и я почувствовала, что меня держат крепкие руки Тимохи.

— Поздравляю, Птичка! Все прекрасно, — сказал он, видя, как я смущена тем, что мой спуск прошел не совсем гладко и спокойно. — Отличный прыжок!

Поглядывая на меня, он начал отцеплять парашют. В очереди переговаривались и посмеивались. Некоторые отпускали в паш адрес шуточки.

— Ладно, я сама. Ты иди прыгать! — сердито буркнула я, как будто Тимоха был в чем-то виноват, и попыталась сама отстегнуть ремни.

— Успею, — сказал Тимоха. — Стой смирно и по мешай!

Я засмеялась. Ко мне снова вернулось чувство радости, которое появилось еще в воздухе. Ну конечно же, все прекрасно!

— А знаешь, Тимоха, прыгать приятно. Мне очень понравилось.

КОНЕЦ ПЛАНЕРКИ

Стояла сухая теплая осень, и до середины октября мы летали. Но вот наступил день, когда Короленко предупредил нас:

— Через три дня буду принимать зачет. Пора сворачиваться. Мы и так затянули сроки.

Планерка закрывалась. Короленко уходил в отпуск.

Прошло несколько дней. Последний раз отлетав на планере, который верой и правдой служил нам все лето, мы заперли его в ангар и распрощались с инструктором.

Когда веселый красный трамвайчик примчал нас в город, мы вышли и остановились в нерешительности: никому не хотелось домой. И мы все вместе побрели по Крещатику, залитому вечерним солнцем. Уже совсем пожелтели каштаны, длинными рядами выстроившиеся вдоль тротуара, и деревья в светлом уборе

выглядели празднично, нарядно. В окнах горели отблески заката.

— Зайдем сюда, что ли?

Лека-Длинный мотнул головой в сторону кафе, где над дверью рядом с надписью «Мороженое» на вывеске была нарисована чаша, наполненная шариками. Недолго думая, прямо в рабочей одежде, в спортивных тапочках, запыленные, мы ввалились в чистенькое кафе и, сдвинув два столика вместе, заказали мороженого. Комната была большая, светлая и уютная. Мягкие оранжевые лучи солнца освещали зал, падали на люстру, и казалось, что это горит электричество.

Было грустно от сознания, что предстояло расстаться, что вместе собрались мы уже в последний раз. Не будет больше ни песчаных холмов, через которые мы волокли планер, ни дружной «Дубинушки», ни жесткого амортизатора, от которого на руках мозоли, ни старенького планера…

— Ну вот, братва, и конец нашей планерке, — задумчиво произнес Виктор. — Хорошо было вместе. А теперь разбредемся кто куда.

— Почему? — встрепенулся Тимоха. — Разве ты в аэроклуб не собираешься? Мы же решили!

— Факт! — подтвердил Лека.

Виктор не ответил, а отвернулся и рассеянно уставился в окно. Там, за окном, под каштанами прогуливались по-вечернему нарядно одетые люди. Некоторое время Виктор сидел молча и смотрел на улицу. Потом как-то сразу, словно решившись, шумно вздохнул и, скользнув по нашим лицам большими печальными глазами, неожиданно поднял над столом левую руку.

— Ты чего? — не понял Тимоха.

Поставив локоть на стол, Виктор посмотрел на свою руку так внимательно, словно видел ее впервые.

— Видишь? — Он резко выпрямил пальцы — один, указательный, остался согнутым под прямым углом. Похоже было, что Виктор нарочно не разогнул его.

— Разогни! — быстро сказала Валя.

Мне тоже хотелось сказать «Разогни!», но я не посмела, догадываясь, в чем дело.

— Когда-то в детстве сломал, вот так он и остался на всю жизнь.

— Так это же чепуха! — воскликнул Тимоха. — Можно и без него — левая же! А ручку управления нужно держать правой!

— Факт. Да если бы и правая, все равно ничего, — убежденно сказал Лека. — Подумаешь — палец!

— Ты, Виктор, не обращай внимания на это! — посоветовала Валя и сразу умолкла, сообразив, что дело совсем не в том, как

сам Виктор относится к этому.

— Чепуха… — повторил Тимоха, но уже не так уверенно, а скорее для того, чтобы убедить самого себя.

И все замолчали, вдруг поняв, что даже такой пустяк может сыграть решающую роль в судьбе человека.

Виктор по-прежнему держал руку на столе и разглядывал указательный палец, словно ждал, что вот сейчас он, наконец, разогнется…

— Я тоже думаю, чепуха, — медленно произнес он. — И совсем не замечаю. Привык. А вот медицинская комиссия так не думает.

— А ты что, уже узнавал? — спросил Тимоха.

Виктор кивнул и спрятал руку под стол.

— Вот такие дела, хлопцы. Не так все просто в этом мире. Но планеры я не брошу! Когда-нибудь и до самолетов доберусь — торжественно обещаю! Провались я на этом месте, если не добьюсь того, что задумал…

Он говорил преувеличенно бодро и весело, но голос подводил Виктора: сегодня его мягкий, чистый баритон был с хрипотцой, а на лице оставалось грустное выражение даже тогда, когда он смеялся.

— Станете вы летчиками. Отличными. Знаменитыми…

И Виктор, как всегда, начал мечтать вслух. Но что бы он ни говорил, какие бы красивые и высокие слова ни употреблял, Тимоха ни разу не остановил и не упрекнул его.

— …Тимоха возглавит экипаж. Вторым летчиком у него будет Лека, а Птичка — штурманом…

Виктор умолк, и все, как по команде, посмотрели на меня. До сих пор я еще не решила твердо, хочу ли стать профессиональным летчиком и следует ли мне идти вместе с остальными в аэроклуб, чтобы потом навсегда остаться в авиации.

Ребята ждали от меня ответа.

— Ты пойдешь с нами, Птичка? — отрывисто спросил Тимоха.

И я почувствовала, как ему хотелось, чтобы я согласилась.

— Куда ей!.. — насмешливо произнес Лека.

— Сейчас девчат не очень-то берут, — тихим голосом сказал Виктор. — В прошлом выпуске было всего две девчонки. Но, принимая во внимание особые данные…

Он слабо улыбнулся, а Валя, не поняв шутки, быстро подхватила:

— Мы же все-таки летали! Должны ведь они учесть планерку! Не могут нас не взять!

Валя, которая страстно хотела научиться летать на самолете,

чтобы потом стать военным летчиком, верила в свою счастливую звезду, не допуская и мысли о том, что ее могут не принять. Посмотрев на Виктора, который сидел понурив голову, словно приговоренный к казни, я просто из солидарности сказала:

— Да меня не возьмут. Так что об этом и говорить не стоит.

Я и в самом деле была почти уверена, что медицинская комиссия забракует меня: вес малый, да и рост тоже не ахти какой. К тому же девушек и в самом деле принимали в аэроклубы неохотно.

Виктор с удивлением поднял на меня глаза, видимо, не понимая, как это можно колебаться и раздумывать, если есть возможность поступить в аэроклуб, и с укором произнес:

— Эх ты, Птичка! Тебя еще уговаривать нужно.

И тогда я поспешила согласиться, чтобы никто не подумал, будто я ломаюсь:

— Ну конечно, я попробую. Может быть, примут.

Мы вышли на улицу. Возбужденные, чувствуя на сердце какую-то особенную теплоту, которая обычно появляется у друзей перед расставанием, мы побрели по Крещатику, пересекли один парк, потом другой и очутились на высоком берегу Днепра. Здесь на кручах, устроившись на поваленных ветром стволах акаций, мы долго сидели все вместе и пели.

Солнце зашло, погас оранжевый закат. Светившиеся высоко в небе серебристые тучки потемнели, стали серыми.

Перед нами внизу отливали сталью воды Днепра. Дальше, за рекой, до самого горизонта тянулась приднепровская равнина.

Пел главным образом Виктор, а мы слушали его и подпевали. Он пел родные украинские песни — о Днепре, о несбывшейся мечте. Его сильный голос легко и свободно плыл над крутыми прибрежными холмами и замирал где-то вдали, сливаясь с бескрайним простором за могучей рекой.

— Хорошо ты поешь, Виктор, — сказала Валя. — Заслушаешься.

— Тебе бы в консерваторию, — поддержала я Валю. — У тебя талант!

Виктор не отвечал, а все пел и пел. Ему сегодня пелось…

Он и сам понимал, что ему прямая дорога в консерваторию. Но авиация… Она не давала покоя. Чего бы он не отдал за то, чтобы стать летчиком!

Пройдут годы. Много лет, вероятно — двенадцать. И однажды я увижу Виктора в Москве, куда он приедет специально для того, чтобы поступить в труппу Большого театра.

К тому времени, когда он как-то вечером ввалился ко мне и своим звучным голосом сказал: «Ну здравствуй, Птичка! Не

ожидала?» — Виктор, окончивший после войны консерваторию, был уже известным певцом. Однако он успел многое и в авиации: летал на различных самолетах, был чемпионом страны по планерному спорту, имел мировые рекорды.

Но с Большим театром договориться он не смог.

— Понимаешь, не повезло. Не нужны им баритоны, своих хватает. Вот если бы тенор или бас…

И Виктор продолжал петь в Киеве, был солистом филармонии, давал концерты. А еще — летал… Без этого он не мог.

Но все это будет потом, двенадцать лет спустя…

Сгущались сумерки. Затуманился горизонт, с реки потянуло прохладой.

— Вот и первые звезды показались на небе. А где же она, моя звезда? — задумчиво сказал Виктор, и слова его прозвучали как продолжение песни.

Никто ему не ответил. Мы находились под впечатлением его песен и боялись проронить слово.

Отсюда, с прибрежных холмов, видна была низкая часть города. В потемневших домах стали зажигать огни, с каждой минутой становилось все больше и больше освещенных окон.

Валя предложила спеть «Любимый город». Мы пели о родном городе, который нужно было защитить от врага, пели о войне, еще не думая о ней серьезно. Когда песня кончилась, опять наступила тишина. И вдруг в тишине раздался голос Тимохи:

— А ведь будет война, ребята…

Война… Вероятно, Тимоха слышал что-нибудь от своего отца, который был кадровым военным, занимал высокий пост и, по-видимому, знал что-то такое, чего не могли знать другие. Да и мой отец, работавший в штабе Киевского военного округа, все чаще поговаривал о том, что события, развивающиеся в мире, неизбежно приведут к столкновению с фашизмом.

Все это понимали и готовились к тому, что придется воевать, по как-то старались не говорить об этом вслух. Два месяца назад, в августе 1939 года, между Советским Союзом и Германией был заключен мирный договор о ненападении.

Всего через неделю после подписания этого договора фашистская Германия напала на Польшу и захватила бы ее целиком, если бы наши войска не поспешили вступить на польскую территорию и взять под свою защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Теперь, после присоединения этих областей к Советскому Союзу, наша западная граница отодвинулась, и непосредственными нашими соседями

стали немцы… Гитлер открыто стремился к захвату новых территорий… Долго ли просуществует мирный договор с фашистской Германией? Что нас ждет впереди?..

— Что ты, Тимоха? Какая война? — не выдержала Валя.

Но Тимоха, который не бросал слов на ветер, упрямо повторил:

— Будет война. С фашистами.

В АЭРОКЛУБЕ

В аэроклуб меня приняли, и я вместе со своими друзьями по планерке несколько месяцев по вечерам дважды в неделю ходила на занятия. Мы изучали самолет У-2, на котором нам предстояло летать, аэродинамику, наставления по полетам — словом, занимались теорией.

Так продолжалось до апреля. А когда подсохла земля и ожил аэродром, мы стали ездить за город, в Святошино, где находился аэроклуб. Летать начали не сразу, некоторое время тренировались на земле, учились управлять самолетом.

Я попала в группу, где инструктором был Касаткин, бывший военный летчик. Небольшого роста, в летной форме с голубыми петлицами, на которых поблескивали два кубика, он держался очень прямо и говорил с нами уверенно и несколько свысока.

— Сначала научитесь мыть самолет, протирать мотор, чтобы машина почувствовала, что вы ее любите. Тогда она всегда будет вас слушаться, — повторял он. — И не бойтесь испачкать свои

руки…

И хотя он избегал при этом смотреть в мою сторону, я чувствовала, что последние слова он адресует мне, единственной девушке в его группе. Мы усердно терли ветошью замасленный мотор, мыли и натирали до блеска весь самолет.

Мой первый полет с инструктором прошел не совсем гладко. Когда самолет, пробежав по земле, оторвался и я ощутила мягкость полета, то сразу же услышала резковатый голос Касаткина:

— Что смешного увидела?

Вероятно, я улыбнулась: мне всегда было приятно и радостно чувствовать, что я лечу. Мгновенно улыбка моя исчезла, и я нахмурилась: здесь, в самолете, нужно постоянно помнить, что в зеркальце, прикрепленное к левой стойке передней кабины, за мной наблюдает инструктор.

Самолет набирал высоту, непрерывно гудел мотор. После бесшумных полетов на планере этот назойливый гул мешал, казался лишним. Я сидела в задней кабине, через прозрачный козырек видела перед собой голову Касаткина в шлеме, и это было тоже непривычно: мы летали на одноместном планере.

После второго разворота Касаткин спросил:

— Где посадочное «Т»?

Я показала. Он молча продолжал набирать высоту, поглядывая на меня в зеркальце. Мне захотелось взять ручку управления, и он, словно угадав мое желание, сказал:

— Попробуй сама! Следи за горизонтом: держи правильно капот…

Некоторое время я вела самолет по прямой, и Касаткин остался доволен.

Потом он отобрал у меня управление и, набрав высоту побольше, стал показывать фигуры высшего пилотажа. Решив продемонстрировать все, что можно было выполнить на самолете У-2, Касаткин, бывший истребитель, легко и красиво вертел самолет как ему хотелось. Одна фигура сменяла другую: глубокие виражи, штопор, спираль, боевые развороты, мертвая петля…

Сначала мне было интересно. У меня дух захватывало, я чувствовала, как теряю ощущение веса, а вслед за этим меня вдруг прижимало к сиденью невидимой силой. Мне нравилось смотреть на плавную чуть выпуклую линию горизонта, видеть зеленоватое крыло самолета, плывущее в синем небе. Но вскоре все это пропало: я почувствовала в желудке тяжелый ком, который медленно перекатывался, подбираясь к горлу. Побледнев, я вцепилась в борта кабины… Теперь я уже не смотрела по сторонам, приковав неподвижный взгляд к затылку

Касаткина и желая только одного: поскорее очутиться на земле…

— Что, довольно? — спросил Касаткин, увидев мое лицо.

Кивнув, я выдавила жалкую улыбку, и он стал заходить на посадку.

Я вылезла из кабины и спрыгнула с крыла на землю, еле удержавшись на ногах. Касаткин, не обращая на меня внимания, крикнул:

— Тимохин, садитесь!

Бросившийся было ко мне Тимоха, на ходу застегивая шлем, скороговоркой спросил:

— Тебя укачало? Ну ничего — держись! Я скоро…

Он улетел, а я, пошатываясь, отошла в сторонку и села на траву, подставив лицо прохладному ветру.

— Водички попьешь? — услышала я голос за спиной.

Это был Леша Громов из нашей группы. Он протягивал мне железную кружку с водой.

Я отрицательно качнула головой — ком, застрявший где-то у самого горла, все еще мешал мне, и сейчас я не могла бы выпить ни глотка. Я сидела с несчастным видом, и говорить мне было трудно.

Леша присел на корточки.

— Ну, тогда дыши поглубже. Давай вместе… Вдо-ох!..

Он говорил со мной ласково, как с ребенком, и я послушно выполняла его инструкции. Стало легче.

— Ну вот и прошло.

Леша улыбнулся, и я вместе с ним. Не хотелось, чтобы он уходил, и я вдруг заговорила каким-то неестественно радостным голосом:

— Завертел он меня совсем! А я ни слова не могу сказать…

— Ничего. Скоро сама так сможешь.

— Да? — с сомнением сказала я.

И вдруг испугалась: что, если со мной всегда будет так, как сегодня?..

Но Леша будто читал мои мысли:

— Пройдет. Это потому, что ты еще не привыкла.

Глаза у него были такие темные и глубокие, что казались бархатными. Большой, по-мужски очерченный рот. Пряди черных вьющихся волос падали на крутой лоб. Увидев его в аэроклубе впервые, я потом всегда искала глазами его высокую фигуру. Сильный, широкоплечий, со спокойными движениями, он казался мне каким-то прочным и надежным. Друзья, которые ходили с ним, были, видно, искренне к нему привязаны. Несколько раз за ним заходила девушка с пышными светло-каштановыми волосами, красивым подвижным лицом и тонкой фигуркой.

Девушка, которую звали Вера, много смеялась и после занятий уводила Лешу с собой. Я заметила, что обращался он с ней так же просто, как со своими друзьями.

Леша сел возле меня. К нам подошли другие ребята. Мы отыскали в небе самолет, в котором улетел Тимоха, — он все еще виражил над озером, в специально отведенной для пилотажа «зоне».

— Вот крутится! — восхищенно воскликнул Мотя Шехтер, наблюдая за самолетом. — Тимоха выдержит! А вот я могу вроде тебя… Гм!

Он взглянул на меня и, широко улыбнувшись, засмеялся. И сразу на его круглом лице засмеялось все: большие доверчивые глаза, полные губы, щеки с глубокими ямочками и широкий нос, который раздвинулся еще шире.

— Что ты, Матвей! Ты же мужчина! — сказал Леша. — Тебе не подобает.

— Если мама узнает о полетах, больше не пустит, — шутливо произнес Мотя и опять добродушно засмеялся.

Глядя на веселого Мотю, все заулыбались, и только Лека-Длинный фыркнул.

— Ма-ма! — произнес он и, отвернувшись, презрительно сплюнул. Но, увидев, что на посадку заходит Касаткин, громко крикнул: — Тимоха садится!

Самолет сел, и Тимоха, счастливый и возбужденный, вылез. Сорвав шлем, пригладил свой ежик и направился к нам.

— Шехтер! — позвал Мотю Касаткин.

Мотя вскочил как ужаленный и, снова засмеявшись, сказал:

— Я думал, он меня последним… Ну, прощайте!.. Гм!

— Держись, Мотя! Ни пуха!.. — пожелал ему Леша.

Тимоха опустился рядом со мной и подозрительно покосился на Лешу.

— На самолете мне больше нравится, чем на планере, — мотор! Набирай высоту сколько хочешь! А тебе, Птичка?

Спохватившись, он спросил, не дожидаясь ответа:

— Ну как, тебе лучше?

Спустя некоторое время Касаткин сел, и улыбающийся Мотя вылез из самолета.

— Выдержал! — крикнул он нам. — Обязательно расскажу маме!..

После ознакомительного начались ежедневные полеты с инструктором по кругу над аэродромом, или так называемые полеты «по коробочке», потому что в действительности никакого круга не было, а летали мы по прямоугольнику с четырьмя разворотами на девяносто градусов. Мы учились не только водить

самолет и чувствовать себя свободно в воздухе, но главным образом отрабатывали посадку, так как, в сущности, как бы ты хорошо ни летал, а основное — это сесть на землю…

Научившись летать по кругу и садиться, мы стали овладевать фигурами высшего пилотажа. Для этого Касаткин возил каждого «в зону» и там, забравшись повыше, заставлял повторять за ним виражи, мелкие и глубокие, штопор, боевые развороты и прочее. Теперь, когда я уже хорошо знала, как выполняется каждая фигура и как в это время ведет себя самолет, со мной больше не случалось того, что произошло в первом полете.

Летала я неплохо, и Касаткин выпустил меня в самостоятельный полет в числе первых в аэроклубе. О том, что собирается разрешить мне летать самостоятельно, он ничего не сказал.

Накануне того дня, когда я впервые поднялась в воздух одна, без инструктора, Касаткин с особенным упорством и остервенением придирался ко мне.

— Ну что это за коробочка! — кричал он по переговорному аппарату. — Ничего похожего! Какая-то египетская пирамида! Учишь-учишь — все в трубу! Почему газ не убираешь? К четвертому развороту подходим, а ты спишь!.. Доверни влево — ветер сильный! Царица египетская, проснись! Весь полет спит…

Наслушавшись его замечаний, я чувствовала себя бездарнейшим человеком, которого к самолету и подпускать нельзя. Я уже решила, что летаю хуже всех и вообще меня следует отчислить…

— Что-то ты, маленькая, загрустила, — сказал Леша, видя, что я помрачнела. — В чем дело?

Последнее время Леша не отходил от меня, несмотря на то что Тимоха злился. Леша мне нравился, и я почти не обращала внимания на Тимоху.

— Да неважно у меня получается… Касаткин все ругает, — пожаловалась я.

— Плюнь, он всех ругает. Еще как — уши вянут! Надеюсь, тебе он не говорит того, что нам, а?

— Н-нет… Ничего такого. Просто ему не нравится, как я летаю. Все у меня плохо…

— А я слышал, он поспорил с командиром отряда, что выпустит тебя в первой пятерке.

Я не поверила Леше, подумав, что он просто хочет успокоить меня.

На следующий день, когда наш самолет вырулил на старт, Касаткин бросил мне небрежно:

— Ну-ка садись в самолет!

Не очень охотно я влезла в кабину, ожидая, что и сегодня повторится вчерашнее. Однако в течение всего полета Касаткин не проронил ни слова. Я была удручена: видимо, дело настолько плохо, что никакие замечания не помогут.

Когда я посадила самолет, он молча вылез и посмотрел на меня уничтожающим взглядом. Я покраснела. Вот сейчас перед всеми он и выскажется… Но он вдруг сказал:

— Давай сделай полетик одна.

Я была ошарашена. Одна? И это после того, как он вчера разругал меня в пух и прах!

Первый самостоятельный полет… Я сижу в передней кабине, а сзади никого нет. Странное ощущение… Вырулив на старт, взлетаю, набираю высоту, делаю первый разворот, а мне все кажется, что не я, а кто-то другой управляет самолетом. И хотя много раз я все это делала без помощи инструктора, который только наблюдал за полетом, сидя в кабине, тем не менее я никак не могу отделаться от этого чувства.

Я сделала «горку», качнула самолет с крыла на крыло и стала выделывать какие-то непонятные фигуры, которые совсем не должна была делать. Я засмеялась и запела — хорошо! Какое это счастье — летать! Как прекрасно жить на свете!

Прошло несколько дней. Вылетели самостоятельно Лека-Длинный, Леша и еще два человека из нашей группы. Мотю инструктор все не выпускал: что-то у него не ладилось с посадкой. Но Мотя не унывал и терпеливо ждал своей очереди.

Иногда на аэродроме появлялся Виктор, которого неудержимо тянуло к самолетам. Сначала он только издали наблюдал, как мы летаем, стараясь никому не показываться на глаза. То, что его одного не приняли в аэроклуб, больно ранило Виктора, и он никак не мог примириться с этим.

Но вот однажды он подошел к нам. Мы окружили его, стараясь подбодрить.

— Не приняли в этом году, примут в следующем! — убежденно говорил Тимоха, страстно желая, чтобы так было.

— Я не теряю надежды, думаю, что добьюсь… Осенью, наверное, возьмут в армию: буду проситься в авиацию. Ты же знаешь, Тимоха, без крыльев я не могу!

— А сейчас что ты делаешь? — спросила я.

— Сейчас? Устроился пока на работу — веду кружок авиамоделистов и еще кое-что делаю в Доме пионеров. Подлетываю на планере — Короленко разрешает…

Тимоха смотрел на друга и не знал, как помочь его горю.

— Сам уже летаешь? — спросил Виктор.

— Сам… И Птичка тоже!

— Молодцы! Я и не сомневался, что вы будете первыми, — сказал он дрогнувшим голосом. — Ну, мне пора: на работу надо.

Виктор ушел расстроенный. Некоторое время он не приходил, но потом стал опять появляться и даже летал иногда за пассажира в задней кабине.

Наступил день, когда Касаткин спросил Мотю:

— Шехтер, полетишь самостоятельно?

— Конечно! — с готовностью ответил Мотя.

Он храбро пошел к самолету. Тогда никто из нас еще не знал, что у него плохо со зрением: он был близорук. Каким образом Моте удалось пройти медкомиссию, выяснилось уже потом. Оказалось, что вместо него к врачу-окулисту ходил его брат…

Мотя улетел, а мы стали наблюдать за тем, как он выполнял коробочку. Все было неплохо, пока он не зашел на посадку. Но тут все заметили, что Мотя слишком поздно убрал газ. Стало ясно: он не сядет у посадочных знаков, а пролетит дальше и приземлится где-то на самом краю аэродрома.

— Ну подскользни чуть-чуть! — не выдержал Тимоха.

Но Мотя не скользил, и не пытался потерять высоту, и, самое страшное, начал выравнивать самолет, когда высота была еще велика. Видимо, был уверен, что сядет возле «Т».

— Рано, рано! — опять крикнул, волнуясь, Тимоха.

Касаткин закурил и молча стоял, мрачно следя за самолетом. Дежурный по полетам изо всех сил махал флажком и кричал Моте, чтобы тот уходил на второй круг, но Мотя был занят посадкой и все добирал ручку, сажая самолет…

Все напряженно ждали: вот сейчас самолет зависнет без скорости на высоте шести-семи метров и рухнет на землю… Касаткин сорвал с головы шлем, поерошил светлые жидкие волосы и выплюнул на землю недокуренную папиросу.

Все произошло так, как и должно было произойти: почти остановившись в воздухе, самолет качнулся и «посыпался» на землю, опустив нос. Уткнувшись в землю носом, медленно перевернулся и остался лежать вверх колесами.

Со всех ног мы бежали к месту аварии на посадочную полосу, и вместе с нами бежал Касаткин. Полеты были временно прекращены. Оставшиеся в воздухе самолеты продолжали летать по кругу.

Когда мы остановились возле перевернутого самолета, Мотя невредимый вылезал из кабины и растерянно улыбался. Шлем у него был сбит набок, спутанные волосы закрывали лоб.

Я облегченно вздохнула, а Касаткин свирепо уставился на бедного Мотю:

— Ты что, земли не видел? Сколько раз я тебя учил!

Опустив голову и все еще улыбаясь, Мотя виновато молчал.

Выяснилась причина аварии: Мотя действительно плохо видел землю и не мог точно определить высоту при посадке. От полетов его отстранили, а спустя несколько дней отчислили из аэроклуба.

Как и Виктор, Мотя стал приходить иногда на полеты, и мы возили его как пассажира.

В школе начались выпускные экзамены. Я заканчивала десятый класс. Ежедневно вставала рано утром и мчалась за город на аэродром, где проводила большую часть дня. Приходилось просыпаться в четыре часа, чтобы еще до отъезда просмотреть учебник, порешать задачи. В дни экзаменов я уходила с полетов раньше или же, наоборот, сначала спешила на экзамен и отвечала первая, а потом ехала на аэродром. Но ни разу за все это время не пропустила полеты.

Наступил день, когда мы должны были прыгать с самолета. Получив парашюты, мы толпились на зеленом поле, ожидая своей очереди. Валя возбужденно говорила:

— Ну, Лека, вот ты и дождался! Помнишь, ты все хотел с самолета? Не боишься?

— Еще чего! — отмахивался Лека-Длинный.

Тимоха поглядывал на меня озабоченно, но не подходил, так как рядом со мной был Леша. Он только справился мимоходом:

— Хорошо пригнала подвесную систему?

Я утвердительно кивнула, а Валя засмеялась:

— Что, боишься, как бы Птичка не выскользнула? Поздно!

Два самолета непрерывно летали, сбрасывая парашютистов. На этот раз я не очень боялась.

— Иди садись! — сказал мне Леша, когда пришла моя очередь. — Да посильнее дергай за кольцо!

У крыла стоял Тимоха и ревниво смотрел в мою сторону. Когда я направилась к самолету, он шагнул ко мне зачем-то, по сразу же остановился.

И вот я в самолете. В передней кабине — Касаткин. Хитро посматривает на меня в зеркальце, набирая высоту. Мы кружимся над аэродромом, и когда стрелка высотомера доползает до цифры «800», обернувшись, кричит:

— Вылезай!

Перекинув ногу через борт кабины, я выбираюсь на крыло. Вылезать неудобно — мешает парашют. Лямка цепляется за что-то в кабине, я вожусь с ней, высвобождая, а ветер такой, что вот сейчас меня сдует, даже не успею приготовиться к прыжку.

— Быстрее! — кричит Касаткин.

Очутившись на крыле, лицом к хвосту самолета, я посмотрела вниз и крепче ухватилась за борт. Но Касаткин, не давая мне времени на переживания, приказывает:

— Прыгай!

Сделав глубокий вдох, я шагнула прямо перед собой. Мне показалось, я падаю в пропасть. Падаю очень долго… И в следующее мгновенье я с силой рванула вытяжное кольцо. Толчок — это раскрылся купол парашюта…

Держась обеими руками за стропы, я повисла, совсем не ощущая, что опускаюсь. Как будто остановилась между небом и землей… Далеко внизу пересекались светлые дороги, на зеленом поле аэродрома крошечными мушками выделялись самолеты.

Но это ощущение неподвижности прошло, как только приблизилась земля, и я отчетливо увидела, как быстро увеличиваются в размерах квадраты полей, полоски дорог, домики в поселке. Снизу все быстрее набегала земля. Ветром меня сносило в сторону от аэродрома, куда-то в поле. Я еще не умела скользить и не пыталась бороться с ветром, думая лишь о том, как бы успеть приземлиться. Подо мной было огромное поле, все желтое, и я неслась прямо на него. Упав в это желтое море, я скрылась с головой во ржи.

Пока я пыталась собрать запутавшийся во ржи парашют, подъехал мотоцикл с коляской, в которой сидел Тимоха.

— Ты что это — в Киеве хотела сесть?

Он помог мне собрать парашют, и мы вернулись на старт. Здесь Лека-Длинный встретил меня громким смехом:

— Вот так Птичка! Каждый раз номер откалывает. Опять весу не хватило?

Действительно, все, кто прыгал, приземлялись на аэродроме, и только меня понесло в рожь. Леша, прыгавший следом за мной, опустился в самом центре летного поля.

Закончив прыжки, мы возвращались домой веселые, полные новых впечатлений. Остановили на шоссе полуторку, влезли в пустой кузов, заполнив его до отказа. Было тесно и весело, все стояли держась друг за друга, раскачиваясь и чуть не падая, когда шоферу приходилось тормозить или увеличивать скорость.

Я опиралась о крышку кабины водителя, а рядом стоял Леша, держа меня за руку. Плечом я чувствовала, как бьется его сердце. Встречный ветер отчаянно трепал мои волосы, они хлестали его по лицу, но Леша не отстранялся, а нагибался ниже, чтобы прикоснуться к ним.

В тот же вечер я сочинила какие-то нелепые стихи, которые долго вертелись в голове и очень мешали.

Оттуда, где Медведица созвездьем ярким светится,
где звездами усыпан Млечный Путь,
спешу скорей на землю я, и мне сегодня верится,
что встречу я тебя когда-нибудь.

Над тихими долинами, над горными вершинами
крылом рисую светлые круги.
И может быть, услышишь ты мой зов из неба синего
и глянешь вверх разок из-под руки.

Я выполню задание, вернусь из рейса дальнего,
увидеть тебя страстно захочу.
Приду к тебе доверчиво на первое свидание,
а завтра снова в небо улечу.

Стихи я показала Вале, и она воскликнула:

— Так это же песня! Вот слушай… — И она быстро напела мне мотив. — Покажи Виктору!

— Нет, нет, я только тебе… — Я отобрала у нее тетрадный лист и спрятала в карман. — Просто я должна была отделаться от них, понимаешь?

Но Валя, не поняв, посмотрела на меня с недоумением.

…В июле, когда вся программа была выполнена, в аэроклуб приехала специальная комиссия, которая приняла у нас зачеты по технике пилотирования. Эта же комиссия отбирала ребят для учебы в военных летных училищах.

Получив пятерку, я прибежала домой сияющая и показала маме свидетельство об окончании аэроклуба.

— Видишь, все хорошо! — похвасталась я. — И не нужно было так волноваться.

Мама вздохнула, поцеловала меня и призналась, что во время школьных выпускных экзаменов тайком от всех ездила к начальнику аэроклуба и просила его отчислить меня.

— Ну, а он что? — поинтересовалась я.

— Сказал, что ты уже научилась летать и причин для отчисления нет. Я его очень просила…

— Как же ты могла? — огорчилась я.

— Боялась, что трудно тебе: и экзамены, и полеты. Когда я рассказала папе, он отругал меня. Ты ведь больше не собираешься летать?

— Н-нет, наверное, — сказала я, чтобы не волновать маму.

В конце лета все разъезжались: я собиралась в Москву, в авиационный институт, где надеялась не только учиться, но и

летать в аэроклубе, а ребята — в летные училища. Сначала уехали Леша, Тимоха, Лека-Длинный и другие ребята, которых направили в школу летчиков-истребителей, потом остальные. Многие были приняты в училище, которое готовило летчиков для бомбардировочной авиации.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

В августе я уехала в авиационный институт вместе с Олей — мы по-прежнему дружили. К этому времени у нее дома произошли изменения, позволившие ей свободно решать свою судьбу. В Киев переехала ее родная тетка с мужем и все заботы об Олиной сестре взяла на себя.

В институт нас приняли без экзаменов, так как и у Оли, и у меня в аттестате были одни пятерки.

Осень, зима и весна в Москве пробежали быстро. Мы с Олей учились в одной группе, на факультете самолетостроения, жили в институтском общежитии. Как и в школе, занимались гимнастикой, продолжали стрелять.

Оля в основном жила на стипендию, но изредка получала немного денег от своего старшего брата, который работал мастером на киевском заводе «Арсенал». Мне же родители помогали более регулярно, и деньги, которые они присылали, мы

тратили сообща.

В институте Оля училась лучше меня: она любила точные науки. Меня же не очень тянуло к ним, и только теперь, поступив в авиационный институт, я поняла, что совершила ошибку — надо было идти в гуманитарный: мне легко давались языки, я пробовала рисовать, писать стихи. С трудом я заставляла себя сидеть вместе с Олей в читалке и готовиться к контрольным по математике, начертательной геометрии. Ноги сами несли меня в театр, в Консерваторию…

— Ты просто спятила! — возмущалась Оля. — Ты же провалишься на экзаменах!

— Обещаю тебе, все будет хорошо, — успокаивала я ее. — Вот увидишь, завтра засяду…

Уже кончался учебный год, когда я, наконец, взялась за учебу по настоящему.

Пришел июнь — началась весенняя сессия. Сдав зачеты, мы усердно занимались, часто засиживаясь до поздней ночи. Нам предстояло сдать пять экзаменов.

Я уже сдала три, как вдруг споткнулась на математике и получила двойку. Пересдавать мне разрешили только в самом конце сессии. Оля зверски ругала меня:

— Ну, что теперь делать? Эх, ты… вертихвостка!

На каникулы в Киев мы собирались уехать сразу же, как только сдадим последний экзамен. В тот же день. Теперь поездка откладывалась из-за меня. Из-за моего «хвоста» по математике. Это был первый «хвост» в моей жизни. Он так и остался у меня навсегда, потому что избавиться от него я уже не успела…

Накануне последнего экзамена, когда я сидела в общежитии и лихорадочно решала задачи по физике, в комнату ворвалась Оля. Ее смуглое лицо было бледно, короткие волосы в беспорядке. Никогда еще я не видела Олю такой взволнованной.

— Талка, война!.. По радио… Включай!

Не двинувшись с места, я смотрела на нее оторопело, стараясь понять, о чем она говорит. Оля сама бросилась к репродуктору, включила его в сеть, и я услышала голос Молотова, сообщавшего о том, что Германия вероломно напала на Советский Союз…

Узнав о том, что рано утром немцы бомбили наши города, бомбили и Киев, я побежала на почту дать телеграмму домой. Вскоре получила ответ, что дома все благополучно.

Шли первые дни войны. В Москве начались воздушные тревоги, сначала учебные. Надрывно гудели сирены, стреляли зенитки, ночью по небу шарили лучи прожекторов. От выстрелов зенитной батареи, стоявшей неподалеку от общежития, дрожали

стены, звенели стекла. С утра до вечера по радио передавали музыку — в основном марши. Сообщения с фронта не радовали: враг продвигался на восток, занимая наши города.

Немцы шагали по советской земле, по нашей родной земле. Это ни с чем не вязалось. Еще недавно мы пели, что «любимый город может спать спокойно» и «враг будет бит повсюду и везде»…

Теперь не могло быть и речи о том, чтобы ехать на каникулы в Киев. Какие каникулы, когда война!

— Слушай, Оля, — сказала я, — надо что-то делать…

— В самом деле, чего мы ждем? Пойдем в военкомат!

Мы уже строили планы, как действовать и что сказать в военкомате, чтобы нас взяли в армию. Но в военкомат идти не пришлось.

В первые же дни июля институтский комитет комсомола объявил, что комсомольцы МАИ поедут на трудовой фронт — рыть окопы на подступах к Москве. Как-то получилось так, что в суматохе никто не мог сказать точно, куда и на какое время мы едем. Было объявлено — на два-три дня. Но вместо двух дней мы копали два месяца…

Поездом мы долго ехали в сторону Брянска. Наконец, замедлив ход, поезд остановился. В окно я увидела пустынную платформу, за которой возвышалась стена леса. Здесь сошли мы, девушки. Ребята поехали дальше на запад.

Было раннее утро. Солнце уже взошло и, прячась где-то за лесом, слабо освещало верхушки сосен и дубов. Лес пробуждался, постепенно светлея. Пели птицы, встречая новый день.

Сгрудившись, мы стояли на платформе, поеживаясь от прохлады, молча провожая глазами уходивший поезд. Когда хвост поезда скрылся среди сосен и стук колес затих, наступила тишина. Стало грустно и одиноко, хотя нас, девушек, было много — человек двести. То, что ребят отправили дальше, подействовало удручающе. Я поняла, что мы покинули Москву не на два-три дня, а на более долгий и пока неопределенный срок.

Я вопросительно взглянула на Олю, и она, поняв мое настроение, толкнула меня локтем в бок, оглянулась на остальных.

— Ну, бабоньки, будем воевать одни! — громко, чтобы подбодрить девушек, сказала Оля. — А что нам — поднатужимся!..

— Мы смогём! И без хлопцев справимся! — засмеялись вокруг.

— Товарищи, пора отправляться! — подал команду Телегин, представитель райкома комсомола, единственный мужчина,

сопровождавший наш отряд.

Мы двинулись по лесной дороге. Вокруг высились огромные сосны, дубы, березы, реже — ели. Это был Брянский лес, который славился своей особой красотой.

Солнце поднималось все выше, и лучи его, пробиваясь сквозь чащу леса, светлыми стрелами пронизывали утреннюю дымку. Воздух, напоенный хвоей, бодрил, вселял уверенность, и я, прошагав немного по лесной дороге, уже смотрела в будущее с надеждой и верила, что все как-то обойдется — и фашистов остановят, и война ненадолго.

Дорога привела нас к большому пионерскому лагерю, который был пуст: детей увезли в первые же дни войны. Теперь здесь был сборный пункт. Сюда прибывали студенческие комсомольские отряды из высших учебных заведений Москвы и, получив задание, отправлялись в различные районы Брянщины копать противотанковые рвы, строить оборонительные полосы.

Рядом с лагерем протекала небольшая речушка с берегами, заросшими ярко-зеленой травой. Мы разбрелись по лесу, собирая цветы, перекликаясь в ожидании обещанного нам завтрака.

— Оля! Тут ландыши!

Я оглянулась. Оля уже раздевалась, чтобы войти в речку.

— Ты куда? Вода еще холодная! — воскликнула я.

— Это для тебя холодная!

Пробуя ногой дно, она входила в воду, такую чистую и прозрачную, что мне тоже захотелось искупаться.

Я прыгнула в речку, и мы, смеясь и радуясь чудесному утру, стали барахтаться в прохладной, бодрящей воде.

В это время где-то за лесом, невидимый, негромко загудел самолет. Оля подняла голову, прислушиваясь.

Гул усиливался, и вскоре мы увидели самолет, который не спеша пересекал голубой квадрат неба прямо над нашими головами. Он летел довольно низко, и я сразу определила, что это не наш самолет.

— Разведчик, — негромко произнесла Оля. — К Брянску летит.

У меня засосало под ложечкой: вот она, война…

Самолет улетел, а мы еще некоторое время продолжали молча смотреть ему вслед.

После завтрака нам выдали новенькие лопаты, «орудия производства», с которыми мы уже не расставались в течение всего лета. Наш отряд, включавший несколько бригад, двинулся к месту назначения, где нам предстояло выкопать первый противотанковый ров длиной в несколько километров.

Едва мы вышли из ворот пионерского лагеря, как нам

встретилась колонна девушек, направлявшаяся на сборный пункт. Поравнявшись с колонной, мы стали перекликаться:

— Привет пополнению! Откуда? Какой институт?

— МИСИ! А вы?

— МАИ! Встретимся на трассе!

— Желаем успеха! Счастливого пути!

Колонна остановилась, и девушки, видя, что мы с лопатами, стали махать нам платочками, разглядывая нас с любопытством и уважением, будто мы шли прямо в бой.

Сначала идти было интересно. Поля, речушки, леса, перелески. Временами деревни, большие и малые. Колодцы-журавли. За каждым поворотом — что-то новое, неожиданное. Мы любовались белым как снег полем ромашек, старым дубом в четыре обхвата, прозрачной как слеза родниковой водой.

Но вскоре проселочная дорога запетляла в открытом поле, и наш отряд, растянувшись на километр, двигался теперь уже не так быстро как вначале. Мы порядком устали, шагая под палящими лучами солнца, вдыхая сухую мелкую пыль, которая, как дымовая завеса, стояла над дорогой, поднятая сотнями ног.

Прошло два часа, три, пять… Я чувствовала, как горит обожженное солнцем лицо, текут струйки пота по спине. Ноги казались деревянными, на подошвах, у самых пальцев, вспухали и лопались водянки. Ступать было очень больно. Первое время я шла в спортивных тапочках, но потом сняла их и повесила на лопату, которую держала на плече, как ружье. На горячей дорожной пыли оставались следы босых ног.

Я с нетерпением ждала очередного привала, чтобы лечь на землю и полежать не двигаясь минут десять.

— Не отставай, не отставай! — подстегивала меня Оля. — Давай проберемся вперед — там меньше пыли.

— Оля, у меня водянки на ногах…

— У всех водянки! Подумаешь, неженка!

— Да разве я жалуюсь? Просто не могу быстро…

Оля была беспощадна, зато Лена — веселая, круглолицая девушка, которая все время держалась возле нас, ласково заглядывая мне в лицо, посоветовала:

— А ты наступай не на всю подошву. Вот смотри, как я делаю: несколько шагов — основной упор на пятку, потом — на правую часть ступни, потом…

— Да у меня на обеих ногах!

Прихрамывая, я старалась не отставать от нее. Говорливая Лена неутомимо шла рядом и всячески развлекала меня.

— Послушай, — сказала она, вдруг чему-то обрадовавшись, — а ты знаешь задачу про трех мудрецов?

Она повернула ко мне лицо, и я увидела под низко надвинутым на лоб платочком только нос, вздернутый, покрасневший, припухший.

— Нет.

Нос зашевелился, и Лена, смахнув со щеки капельку пота, быстро заговорила, словно боялась, что я ее остановлю.

— Ну так слушай. Есть три мудреца и пять шаров: два белых и три черных. Запомни: два и три. Мудрецы стоят лицом друг к другу, у каждого на голове — шар.

— Почему шар? Он же не удержится! — возражаю я, но Лену это не смущает.

— Какая разница — шар или… колпак! Пусть шар.

— Пусть, — соглашаюсь я.

— Они постояли, подумали и каждый, логически рассуждая, определил, какого цвета шар у него на голове. Давай соображай!

Но соображать было трудно: мне казалось, что мозги мои расплавились от жары. Пытаясь рассуждать логически, в определенном месте я спотыкалась и начинала сначала…

Во рту пересохло. Хотелось пить. Мы шли уже девятый час. Передвигая ноги автоматически, я уже не чувствовала боли. Стоят три мудреца. У каждого на голове шар. Почему шар?.. Лена что-то объясняла мне, но я не слушала, только согласно кивала. Хорошо бы сейчас — речка…

Под вечер мы наконец остановились в небольшом хуторе, прошагав за день сорок с лишним километров.

— Вот, девчата, мы и прибыли, — объявил Телегин, складывая карту, по которой ориентировался. — Тут за хутором и начнем копать. Сейчас восемь часов. Сегодня отдыхайте, а завтра в шесть утра — на работу.

Мы осмотрелись. В хуторе — единственная улица, по обе стороны которой стояли старенькие деревянные избы. Вот и все, если не считать небольшого грязного болотца или, скорее, большой непросыхающей лужи в самом центре хутора. В жидкой грязи барахтались утки, с довольным видом покрякивая и ныряя в темное месиво — снаружи оставался только подрагивающий кончик хвоста. Возле лужи не переставая блеяла коза, привязанная к колу.

— Да тут настоящий рай! — воскликнула Оля. — Грязевый курорт!

— А где мы будем жить? — спросила одна из девушек.

— Чур, первый от дороги стог — мой! — махнула рукой Лена в сторону поля, где стояли стога скошенной травы.

НА ТРАССЕ

Кубометры, кубометры. Земля, глина, песок. Сгибаешься, разгибаешься. Сначала, вогнав блестящее лезвие в грунт и набрав полную лопату, выбрасываешь землю подальше вперед. Потом постепенно опускаешься глубже, насыпь растет, вот она уже выше головы, и ты бросаешь землю вверх — все выше, выше, пока глубина рва не достигнет трех с половиной метров.

Чтобы не израсходовать силы в первые же трудовые часы, я подбираю определенный ритм работы и стараюсь не выходить из него. Все движения точно рассчитаны, ничего лишнего. Войдя в ритм, можно копать таким образом долго, не ощущая большой усталости. И только вечером, после работы, чувствуешь, как ноет окаменевшая поясница и как тяжело двинуть рукой, будто держишь пудовую гирю…

Время от времени я делаю передышку: минуты две-три стою,

опершись о древко лопаты. Смотреть, как работает Оля, — одно удовольствие: она копает легко и красиво, одинаково ловко всаживая лопату и в податливую землю, и в твердую глину. И хотя сама я тоже наловчилась быстро орудовать лопатой, перевыполняя норму, все же я никак не могла угнаться за Олей, нашим бригадиром.

Стояла жара, и мы работали полураздетые. От солнца на голове косынка или какой-нибудь лоскут. Единственное платье, в котором каждая из нас приехала из Москвы, приходилось беречь — должны ведь мы в чем-то возвратиться!

На трассе, протянувшейся на несколько километров, работали сотни девушек. Бригады соревновались между собой, и первый наш ров был готов раньше, чем намечалось. Дня через три мы собирались закончить и этот, чтобы копать такую же заградительную линию в другом месте.

Мы знали, что эти оборонительные полосы должны на какое-то время задержать продвижение вражеских танков. И с утра до вечера яростно копали. Копали и верили, что фашистские танки непременно застрянут в наших рвах, если вообще им удастся сюда прорваться.

До обеда оставалось еще полтора часа. Обычно в это время общий темп работы ослабевал: действовала жара, сказывалась усталость. Неутомимая Оля была всегда начеку и старалась подбодрить нас:

— Бабоньки, скоро перерыв! Давайте поднажмем! Вон соседняя бригада обгоняет нас…

И мы «поднажимаем».

Но вот кто-то из девушек радостно кричит:

— Девочки, смотрите, Красотка едет! Наконец-то!

Действительно, вдоль трассы, временами останавливаясь, плетется Красотка. Она везет огромную бочку с водой для питья. Красотка умная лошадка: на повозке никого нет, никто ее не погоняет, никто не говорит, когда и где остановиться, — она сама все знает. Золото, а не животное. Неопределенной масти, с большими печальными глазами под аккуратно подстриженной светлой челкой, она идет, понуро опустив голову, кивая в такт каждому шагу, тощая, низенькая, покорная. Мы любим Красотку, которая честно и добросовестно выполняет свою работу. Красотка это чувствует. Она знает, как нужна нам, и от сознания этой своей необходимости полна собственного достоинства.

Мы с нетерпением ждем ее.

— По очереди, бабоньки! Не устраивайте столпотворения! — предупреждает Оля, зная, что сейчас мы все бросимся к бочке.

Для нас Красотка — не только вода, но и случай на несколько

минут оторваться от однообразной работы, хоть как-то переменить обстановку.

— Внимание! — кричит Лена. — На абордаж!

Опа первая выскакивает из рва, но, подбежав к повозке, сначала останавливается возле Красотки, ласково проводит рукой по морде, по шее лошади, и та, скосив на Лену умные глаза, приподняв большую влажную губу над крупными зубами, улыбается.

— Красоточка, бедная! Жарко тебе… Лошадка моя хорошая, сейчас я тебя угощу.

Она дает ей кусочек сахара, который специально оставила от завтрака, — половину своей порции.

Напившись воды, мы с новыми силами беремся за работу.

Однажды, в разгар работы после такого перерыва в небе раздался звук мотора и два самолета на небольшой высоте выскочили из-за леска. Парой они стали набирать высоту.

— «Мессеры», — сказала я. — Что-то, наверное, задумали…

— По-моему, они улетают, — возразила Лена.

Поглядывая на пару «мессершмиттов», которые, казалось, уходили дальше на восток, не обратив на нас внимания, мы продолжали копать: уже не раз узкобрюхие истребители, свободно разгуливая над трассой, кружили и снижались, рассматривая, чем мы занимаемся. И мы к этому привыкли.

Но «мессеры» не улетели, а, набрав высоту, стали разворачиваться и круто снижаться в направлении трассы.

— Они пикируют! — воскликнула я.

— Зачем… пикируют? — спросила Лена, никак не предполагая, что самолеты могут обстрелять нас, безоружных девчонок.

— Расходись! — крикнула изо всей силы Оля. — Живо!

Бросив лопаты, мы кинулись врассыпную, падая на землю где попало, а истребители, спикировав на траншею и не сделав ни одного выстрела, круто, горкой, ушли вверх, только земля задрожала от рева.

— Пугают, проклятые… Порезвиться захотели, гады! — сказала Оля.

В это время громко и визгливо заржала Красотка, перепуганная ревом моторов. Став на дыбы, она дико озиралась, мотая головой, и вдруг бросилась вскачь прямо по полю, куда глаза глядят. Повозка подскакивала на ухабах, громыхая, бочка качалась из стороны в сторону, расплескивая воду, пока не свалилась на землю, а Красотка, слыша за собой грохот повозки, еще больше пугалась и неслась неведомо куда.

— Красо-отка-а! — заорала Лена.

Она вскочила и, забыв обо всем на свете рванулась к лошади, но я вцепилась в нее обеими руками и не пускала.

— Ленка! Куда?! Видишь — опять заходят…

— Дура! — крикнула Оля. — Лежи, тебе говорят!..

На этот раз «мессеры» выбрали своей мишенью Красотку и пикировали прямо на нее. В ужасе смотрела Лена на обезумевшую лошадь, а я крепко держала ее за руки, боясь, как бы она не вырвалась и не побежала…

Истребители снижались, рев моторов нарастал, а бедная Красотка, ошалев от гула, надвигавшегося на нее откуда-то сверху, заметалась и резко повернула назад, опрокинув повозку. Лошадь упала на колени и, безуспешно пытаясь встать, снова заржала дико и протяжно.

Но рев снижающихся самолетов заглушил ее ржанье. Раздались пулеметные очереди, и Красотка, последний раз дернув головой, рухнула на землю и затихла.

Лена закрыла лицо руками и горько заплакала. Я тоже готова была зареветь и до боли кусала губы, чтобы не расплакаться.

— Ах, сволочи!.. — со злостью выдохнула Оля.

Низко пролетев над трассой, истребители выпустили еще несколько пулеметных очередей и скрылись. С тяжелым чувством, жалея нашу бедную Красотку, мы стали подниматься с земли, отряхиваясь, как вдруг услышали крик:

— Ой, девочки, Веру убили!.. Уби-ли!..

Я оглянулась на крик. Метрах в пятидесяти от нас на земле неподвижно застыла девушка. Возле нее уже собрались подруги, остальные шли, бежали со всех сторон. Мы тоже подошли.

Девушка лежала на боку, согнув ноги и повернув лицо к земле. Длинная темная коса тяжело свисала с плеча. Под косой на затылке растеклось кровавое пятно: пуля попала прямо в голову…

Все молча стояли, окружив убитую, и не знали, что делать. Я впервые так близко видела мертвого человека, и у меня было странное ощущение нереальности всего происходящего. Казалось, вот сейчас девушка встанет и, забросив косу за плечо, с удивлением скажет, обведя собравшихся глазами: «Что это вы тут столпились вокруг?..»

— Ленка, помоги… — Оля приблизилась к убитой.

Девушку повернули на спину, сложили на груди руки. Я узнала ее — она училась на втором курсе. Лена закрыла ей глаза и, сняв с головы косынку, прикрыла бледное заострившееся лицо.

Подошла Зина, бригадир той бригады, в которой работала убитая девушка, и сказала Оле:

— Мы сами все сделаем…

Лена тяжело вздохнула, постояла. Губы у нее вспухли, под глазами оставались грязные разводы. Сипловатым голосом она произнесла, ни к кому не обращаясь:

— Я пойду туда…

И она зашагала в поле, где одиноко лежала Красотка…

ГРОЗОВАЯ ТУЧА

Получив задание копать в другом районе, мы отправились в путь и, пройдя километров двадцать, остановились в деревне. Оля, Лена и я, устроились ночевать в избе у местных жителей. Но деревня была слишком мала для того, чтобы вместить всю нашу трудовую армию, — в каждый дом народу набилось до отказа. В избах было тесно, душно, к тому же хозяева, как правило, держали в комнатах малых козлят и другую живность. Мы решили найти себе жилье поудобнее.

— Давайте переселимся в сарай, — предложила Лена. — Там по крайней мере свободно.

Несколько дней мы ночевали в сарае, куда к нам перешли на жительство еще две девушки: толстая, неповоротливая Нина и тихая застенчивая Катя.

— Можно, мы будем с вами? — робко спросила Катя.

— Давайте, места хватит! — ответила Оля.

— Милости просим! Апартаменты у нас роскошные — в нашем распоряжении весь второй этаж, — расхваливала сарай Лена.

Сарай был никудышный, кое-как сколоченный из досок разного размера, с большими щелями.

На второй этаж забирались по шаткой узенькой лесенке. Спали на соломе, набросав ее на доски и жерди. До того как мы поселились на чердаке, здесь обитали куры. Первый этаж служил хлевом — тут жила корова Машка, довольно спокойное животное, которое относилось к нам вполне лояльно. Мычала Машка очень редко, правда громко, протяжно и в самое неподходящее время: вечером, когда мы уже спали, и утром, за час-полтора до подъема.

В основном же Машка вела себя тихо и мирно. Не обращая на нас внимания, молча жевала свою жвачку и упорно размышляла над какой-то неразрешимой проблемой, временами тяжко вздыхая.

Но куры, которых мы бесцеремонно выселили, возмущались изо всех сил, предпринимая попытки отвоевать свой насест. Когда вечером, уставшие, мы забирались наверх и укладывались спать, они ходили внизу встревоженные, надутые, кося глазом на нас, непрошеных гостей, а ночью, забравшись на свое привычное место, пытались прогнать нас с чердака.

Прошло несколько дней. Ров наш бьет почти готов, и мы работали на глубине трех метров, выбрасывая песок вверх примерно на два человеческих роста.

С утра небо заволокло прозрачной белесой пленкой. Сильно парило, в воздухе стояла невыносимая духота. Подняв кверху облезший нос, Лена посмотрела на небо и авторитетно заявила:

— Девочки, будет дождь!

Мы ей верим, мы хотим верить и радуемся: пусть — дождь! Хоть немного освежимся.

В обеденный перерыв мы с Олей первыми побежали домой и, захватив с собой раздобытые у хозяйки кувшины и кастрюли, поспешили за обедом. Сегодня была наша очередь приносить еду.

Завтрак, обед и ужин варили дежурные, которых каждый день выделяли для этого — по человеку от каждой бригады. Еду готовили прямо на открытом воздухе. За деревней на лугу были подвешены большие котлы, под которыми в специально вырытых ямках разводили костры. Котлы, как и другое наше имущество, перевозили на единственной машине — полуторке. В кузов брали также заболевших, которые пешком идти не могли.

Еще издали мы увидели, как из черных, закопченных котлов валит пар. Возле них уже выстраивалась очередь. Оля ускорила шаг.

Запах щей приятно волновал и поднимал настроение. Принюхавшись, Оля удивленно вскинула брови:

— Ого! Пахнет мясом! Чувствуешь?

— Похоже. Только откуда оно?

Я с кастрюлей стала в одну очередь — за кашей, а Оля с кувшинами в другую — за щами.

— Талка, иди помоги! — позвала меня Оля, когда я получила кашу.

Я подошла к ней и взяла у нее один кувшин. Худенькая девушка с острыми глазками, наливая щи, спросила:

— Мяса побольше?

— Побольше, побольше! — откликнулась Оля. — Мясо мы любим!

— Ешьте, ешьте, сегодня мяса много: корову зарезали. Весь скот угоняют, вот нам и перепало кое-что…

— Куда угоняют? — не поняла я.

Девушка просверлила меня глазками и, тряхнув светлыми кудрями, выбившимися из-под косынки, сказала:

— Не оставлять же немцам! А идти далеко. Слабые коровы не выдержат. Ясно?

В это время Оля внимательно изучала содержимое котла.

— И еще вон тот кусочек положи, — распорядилась она.

Девушка охотно добавила в кувшин большой кусок мяса.

— Ешьте на здоровье! Теперь отходи. Следующий, давай посуду…

И она взяла протянутое ведерко.

Не успели мы пройти и двадцати шагов, как со стороны поля внезапно подул сильный ветер, подпимая пыль и песок. Надвигалась большая черно-синяя туча. Она быстро расползалась, заволакивая все небо. Где-то недалеко раскатисто громыхнуло.

— Ну вот! — воскликнула Оля. — Это все Ленка! Дождь, дождь! Нет чтобы хоть на часок позже…

Ветер скоро утих, и стало темно. На землю упали первые крупные капли. С полными кувшинами, стараясь не расплескать драгоценные щи, мы побежали по лугу к деревне. Капли падали все чаще, дождь усиливался и скоро превратился в сплошной поток воды, лившийся с неба.

Промокнув до нитки, мы добежали до крайнего домика. На крыльце уже собралось несколько человек. Подбегали еще и еще. Отдышавшись, мы вошли в комнаты. Здесь было душно, жарко и полно мух, которые облепили окна, потолок, стены. Поставив кувшины на подоконник, мы поспешили выйти на крыльцо, где и остались пережидать дождь под навесом.

Дождь барабанил по крыше, веселые струйки танцевали на

ступеньках крыльца, по земле текли пенящиеся потоки воды. Темная густая туча нависла над деревней, волоча, как шлейф, рваные клочья по земле. Вдруг яркая молния сверкнула совсем близко, за бугром, причудливый зигзаг вонзился прямо в землю, и сразу небо раскололось громовым раскатом, задрожала изба, зазвенели оконные стекла.

Я невольно съежилась, но под насмешливым взглядом Оли быстро выпрямилась.

— Холодновато стало…

— Хорошо! — воскликнула Оля, глубоко вдыхая свежий грозовой воздух. — Люблю, когда гремит и сверкает!

Вспыхивали молнии, гремело небо. Вдруг откуда-то из сплошной стены ливня появились три девушки, которые, согнувшись, с трудом тащили на руках четвертую. Она была без сознания. Голова в белой косынке безвольно склонилась к плечу.

Мы бросились помогать. Лицо у девушки было бледное, синеватое, струйки воды стекали с него на грудь. Из-под косынки свисали совершенно мокрые кудряшки. Я узнала девушку, наливавшую нам щи.

Мы втащили ее в комнату и уложили на широкую лавку. Вокруг пострадавшей стали хлопотать подруги, приводя ее в чувство. Одна из них, захлебываясь от волнения, рассказывала:

— Как молния ударит! Прямо рядом с Шуркой…

Но вот Шура открыла глаза. Мы с Олей вышли на крыльцо.

Дождь по-прежнему лил, но было уже не так темно — туча, светлея, рассасывалась. Наконец дождь прекратился, и остатки туч, уплывая, открыли чистое голубое небо.

— Оля, пошли за кувшинами. Там девчата умирают с голоду — перерыв уже кончился.

— Жрать хочется до чертиков! — вспомнила Оля. — А там мясо!

Она даже прищелкнула языком, предвкушая удовольствие, которое получит от вкусного обеда.

В избе пахло капустой, щами, мясом и еще чем-то — не то скипидаром, не то спиртом. Шура, улыбаясь, расспрашивала подруг:

— Как же вы меня тащили? Ничего не помню!

— Ты была вся синяя. И такая тяжелая…

— Правда? — удивлялась Шура. — Ничего не помню!

Я отыскала глазами кувшины, которые стояли на подоконнике среди разной посуды, и уже хотела взять, но в ужасе замерла на месте: сверху в каждом кувшине темнел толстый слой мух, утонувших в жирных щах…

Увидев, что произошло, Оля взяла кувшин и, словно не веря

своим глазам, некоторое время смотрела в него. Мы переглянулись и молча, с кувшинами в руках, вышли из дома.

Совершенно расстроившись, Оля ругала себя и меня:

— Черт побери! Такие щи! С мясом! Две идиотки…

За обедом мы ели кашу, сказав девушкам, что из-за грозы не успели получить щи. Оля еще долго вздыхала: запах мяса преследовал ее…

После обеда мы, как обычно, копали до восьми вечера.

Среди ночи я проснулась от шума, поднятого курами. Не открывая глаз, повернулась на другой бок. Долго негнущимися пальцами пыталась ухватить край ветхого одеяла, чтобы натянуть его на голову, но затекшие руки, в течение двенадцати часов державшие лопату, одеревенели и совсем не слушались. Наконец, щелкнув в суставах, пальцы шевельнулись — я накрылась одеялом с головой и попробовала уснуть.

Вдруг я почувствовала боль в ноге, будто меня кольнули чем-то острым. Открыв глаза, увидела, как взъерошенная курица отчаянно набрасывалась на меня, стараясь клюнуть, а другая, напыжившись и взмахивая крыльями, вертелась рядом и громко тараторила, подбадривая подругу.

— Кыш! Кыш отсюда!

Шепотом, чтобы никого не разбудить, я стала прогонять кур, махая руками и ногами, но они не унимались, хлопали крыльями, кудахтали. Внизу тяжело, с неодобрительным мычанием вздохнула Машка.

Сбросив с себя одеяло, я собралась было принять неравный бой, но вдруг сквозь кудахтанье услышала какой-то странный звук, который заставил меня насторожиться и забыть о курах. Это был гул, низкий, непрерывный, который постепенно усиливался.

С тревожным чувством кинулась я будить Олю, но ее не оказалось рядом. Не было и Лены. Катя мирно спала, свернувшись клубочком. Нинка похрапывала, чмокая во сне губами.

Отодвинув плохо прибитую доску, я выглянула: начинался рассвет, все кругом было еще серым, неясным, и только небо, уже начинавшее бледнеть, зеленовато светилось на востоке.

Гул нарастал с каждой минутой, и теперь я совершенно ясно различила, что доносился он с запада.

Выскочив из сарая, я увидела Лену, одиноко стоявшую в картофельном огороде. Чуть сгорбившись и зябко прижав руки к груди, словно пытаясь унять дрожь, она смотрела куда-то на запад.

— Лен, — позвала я негромко. — Что это гудит?

Но она даже не обернулась.

В полутьме я не сразу заметила Олю, которая, опершись о стенку сарая, неотрывно смотрела в том же направлении. Что-то они там видели… Я тоже стала вглядываться в сероватый мрак, но ничего не увидела, кроме туманной предрассветной мглы, скрывавшей горизонт, и темной тучи чуть повыше. Сердце дрогнуло: мне показалось, что в туче что-то шевелится… Нет, это мне, конечно, почудилось… Туча как туча, ничего в ней особенного…

Но я уже не могла отвести глаз от этой странной черной тучи, — я уже догадалась, что это за туча, но все еще не могла, не хотела осознать до конца… Она медленно ползла по сероватому небу, увеличиваясь в размерах, и земля дрожала от низкого гула, который от нее исходил.

Из сарая тихо вышла Катя, за ней выплыла Нина, протирая заспанные глаза.

— Чего это? — спросила Нина и умолкла.

Небо заметно светлело, и все яснее выступали на бледном фоне силуэты множества самолетов с распластанными заостренными крыльями. Громада бомбардировщиков двигалась на восток.

Бомбардировщики летели строем в два яруса. Когда первая группа приблизилась, стали отчетливо видны черные кресты на крыльях. Строй за строем появлялись самолеты в западной части неба и, натужно прогудев над нами, исчезали на востоке.

Мы стояли ошеломленные, подавленные и смотрели, смотрели вверх. А бомбардировщики все летели и летели, закрыв собой все небо, и было их так много, что казалось, это могло происходить только во сне…

Когда прошел над нами последний строй и небо очистилось от темных силуэтов, мы все еще продолжали слышать этот страшный гул, только теперь он постепенно слабел. Но вот за дальним лесом растаял последний еле слышный звук, и все стихло.

Я дрожала мелкой дрожью. Мне было страшно, и я зачем-то крикнула:

— Оля!..

Она вздрогнула и произнесла каким-то усталым голосом:

— Ну чего ты? Я же слышу…

— Ой, девочки, сколько же их! — воскликнула Катя с выражением ужаса в глазах. — А куда они? На Москву, да?

Никто не ответил. Мы хорошо понимали — куда, но говорить об этом не хотелось.

Молча поднялись к себе на чердак. Расшвыряв кур, которые уже успели занять наше место, улеглись и долго лежали, не

произнося ни слова.

Наконец Лена сказала негромко:

— Они же все с бомбами…

Сказав это, она быстро села, вся сжавшись, обняв колени руками, и уставилась невидящими глазами куда-то в пространство.

— Так же нельзя! Их нужно остановить! — воскликнула она, повернувшись ко мне и глядя так, будто все зависело от меня.

Вздохнув, я предположила:

— Там зенитки. Они не пустят…

Но всем было понятно, что никакие зенитки не смогут остановить такую громаду. Тихо всхлипнула и заплакала Катя.

— Сейчас же перестань! — прикрикнула на нее Оля. — Разве плакать теперь надо!

Испуганно шмыгнув носом, Катя притихла.

Нина, ворочаясь с боку на бок, запыхтела, засопела и наконец села, уставившись с виноватым видом на Олю.

— Ну что? Давай, высказывайся! — рявкнула на нее Оля, чувствуя, что та хочет что-то сказать.

— Мне бы лопату сменить… Расшаталась… Трудно копать.

Все удивленно посмотрели на Нинку, которая всегда ленилась и еще ни разу не выполнила своей нормы. Но Оля, ничуть не удивившись, коротко бросила:

— Сменим!

До подъема оставалось полтора часа. Внизу завозилась и глухо замычала корова.

Уснуть никто уже не смог.

ДАЙТЕ ПОСТРЕЛЯТЬ!

Недалеко от нашего рва, за оврагом, расположилась воинская часть. Ничего особенного там не происходило: стояли брезентовые палатки, спокойно ходили люди в военной форме, разговаривали, сидели, курили. И это удивляло: шла война, и нам казалось, что все войска должны быть на фронте. Мы никак не предполагали, что фронт уже рядом.

На дне оврага красноармейцы упражнялись в стрельбе из винтовки. И это они тоже делали совсем по-мирному, так, словно им никуда не нужно было спешить. Может быть, и они не очень-то знали, где сейчас находятся немцы.

Обед кончился. Оля ушла по своим бригадирским делам, а мы с Леной некоторое время постояли на краю оврага, наблюдая, как внизу стреляют по мишеням. Лена предложила:

— Спустимся вниз, посмотрим. У нас еще полчаса времени.

И мы стали спускаться по крутому склону. Из-под ног посыпались комки глины, камешки. Никто нас не окликнул, даже, как нам показалось, не заметил, и, очутившись на дне оврага, мы остановились в нерешительности — не задержат ли нас. Тут мы увидели, что навстречу быстрой подпрыгивающей походкой шел молоденький лейтенант. Худощавый, длинноногий, он приветливо поглядывал на нас и, приблизившись, поздоровался, неловко поклонившись и почему-то приподняв фуражку, как шляпу:

— Здравствуйте, девушки!

— Здравствуйте, товарищ лейтенант! — бойко ответила Лена.

Он переступил с ноги на ногу и, улыбнувшись, спросил, одергивая гимнастерку и тщательно расправляя складочки под ремнем, хотя форма сидела на нем аккуратнейшим образом:

— Вы не записываться ли к нам в часть?

Лейтенант оглянулся на бойцов, стоявших поодаль, как бы приглашая их принять участие в разговоре. Те стали подходить один за другим.

— Дайте пострелять! — задорно сказала Лена, рассматривая молоденького лейтенанта.

У лейтенанта оказались веселые синие глаза и короткий нос с раздвоенным кончиком, который смешно шевелился, когда он говорил. Продолжая улыбаться, лейтенант поднял брови, поняв ее слова как шутку. Ему было приятно видеть перед собой девушек.

— Пострелять? А у нас винтовки боевые!

— Тяжелые, не удержите, — поддержали его красноармейцы. — И в плечо здорово отдают. А у вас плечики вон какие…

— А мы из боевых тоже можем! — уверенно заявила Лена, не сводя глаз с лейтенанта.

— Лена, — тихонько сказала я, взяв ее за локоть, — ну зачем ты…

Я знала, что Лена умела стрелять из малокалиберной, но никогда не держала в руках боевой винтовки.

— А что, — обратился лейтенант к своим подчиненным, — дадим попробовать? Проверим, как девушки стреляют…

Видно, он не сомневался, что все это просто шутливый разговор.

— Ясное дело. Проверим, — заговорили они одобрительно. — А как же!

— Вот из этих ямок вы стреляете? — с наивным видом спросила Лена, показывая на окопчики.

Красноармейцы засмеялись, а я опять незаметно толкнула Лену, которая не обратила на это никакого внимания.

— Это не ямки.

— Ну, окопы! — поправилась Лена.

— Оказывается, девушки знают! — обрадовался лейтенант. — В школе, наверное, проходили. По военному делу…

— Был такой предмет, — подтвердила Лена. — Так дадите пострелять или нет?

— Ну а если промахнетесь? — сощурился лейтенант.

— Или, не ровен час, в обратную сторону…

Все опять засмеялись, и лейтенант громче всех. При этом он поглядывал то на меня, то на Лену, и кончик его носа двигался.

— Может, мишени поближе передвинуть? — предложил он, подмигнув красноармейцам. — Триста метров — далековато для девушек.. Разве что двадцать…

Он с удовольствием шутил, ему нравилась эта игра, нравилось вот так постоять и посмеяться, забыв о том, что, может быть, уже завтра ему придется заняться совсем другим, важным и опасным делом. Да и красноармейцы были не прочь поболтать с девушками.

— Нет, уж мы на равных условиях. Триста так триста! — храбро ответила Лена. — Давайте винтовку!

Взглянув на меня многозначительно, Лена уверенно протянула руку к винтовке, которую держал один из красноармейцев, и тот уже готов был отдать ее. Я поняла, что Лена надеется на меня.

— В самом деле умеете?

Лейтенант неуверенно поправил скрипучую портупею на новенькой гимнастерке, зачем-то снял и опять надел фуражку. Он медлил, а красноармейцы переглядывались, ожидая, что скажет командир.

— Конечно, умею! — твердо заявила Лена.

Лейтенант в раздумье почесал кончик носа, взял винтовку и, решившись, быстро протянул ей:

— Вот, берите! Три выстрела…

Он бросил смущенный взгляд на красноармейцев: как они, не осуждают ли его, командира. Но те добродушно посмеивались.

Взяв обеими руками тяжелую винтовку, Лена сказала, обращаясь ко мне:

— Давай-ка сначала ты.

— А вы… тоже умеете? — недоверчиво спросил лейтенант.

Но я уже отобрала у Лены винтовку и, прыгнув в окопчик, устраивалась в нем поудобнее. Крепко прижав приклад к плечу, я вспомнила, как стреляла на соревнованиях еще до войны, когда занимала призовые места: Сделав глубокий вдох и выдох, задержала дыхание и замерла, прицеливаясь. Неужели теперь

промахнусь?

Все ждали.

Только бы не дрогнула рука… Выстрел!

Он прогремел неожиданно громко в тишине оврага. Я выстрелила еще раз, потом — еще.

Мы подошли к мишеням. Оказалось, все три пули попали в мишень — фигуру по пояс.

— Н-ну… — протянул, обрадовавшись, лейтенант. — Здорово! Вот как надо стрелять! — обернулся он к удивленным красноармейцам с гордостью, будто это его заслуга.

Видно было, что он доволен больше, чем я, чем Лена. Когда я протянула ему винтовку, он взял ее осторожно, как хрупкую вещь, и, качнув головой, посмотрел на нее так, будто в ней заключался какой-то секрет, неизвестный ему.

— Где же вы так научились? — спросил он с уважением.

— В стрелковой школе.

— Молодцы, девчата! — Он протянул винтовку Лене: — Попробуете?

— У меня плечо побаливает… Но я могу! — сказала она.

— Нет, нет! У нее сильная отдача.

Он сосредоточенно уставился на винтовку, потом посмотрел на меня, на Лену и весело предложил:

— Знаете, девчата, оставайтесь-ка у нас в части, а? Возьмем вас на довольствие, как положено. Будете довольны.

Мы с Леной переглянулись: может, и в самом деле остаться? Ведь мы хотели воевать — вот и случай подвернулся.

Но вдруг Лена, напустив на себя важность, насмешливо спросила:

— А воевать-то вы умеете?

Лейтенант густо покраснел и, опустив глаза, стал рассматривать носок своего сапога, слегка постукивая им по комку глины. Сапоги у него были новые, как и вся форма. Совсем еще мальчишка, примерно нашего возраста, он, видно, только недавно прибыл в часть из военного училища.

Наступило неловкое молчание. Лена, которая не собиралась обижать лейтенанта, теперь жалела, что так получилось.

— Нет, мы хотим, мы очень хотим остаться!

Наступив на комок глины, лейтенант с силой раздавил его, как бы желая этим сказать, что он хоть и молод, но сумеет справиться с врагом не хуже других…

— Завтра мы придем. Можно? — спросила я, и он, вскинув голову, уже весело посмотрел на Лену.

— Приходите, девушки, приходите!

— А если нас будет трое, возьмете? — справилась Лена, имея

в виду Олю.

— Возьмем, возьмем! Приходите обязательно!

Нам пора было возвращаться. Попрощавшись с лейтенантом и красноармейцами, мы уже направились к узкой тропинке, по которой спускались со склона, когда Лена, вдруг остановившись, спросила:

— А как вас зовут?

Лейтенант, смотревший нам вслед, смущенно улыбнулся:

— Толя…

— Мы придем, Толя! Вечером, после работы! — крикнула она.

Поднимаясь по тропке, Лена несколько раз оглянулась: Толя стоял на том же месте, словно ждал, когда она обернется.

— Слушай, Лена, как же быть? Может быть, останемся? Ведь будут же они воевать! — говорила я Лене, когда мы вернулись к себе.

— Конечно, будут! Давай сходим к ним сегодня после ужина.

— Тогда надо найти Олю! Она бригадир, ей же нельзя так, сразу, все бросить, — сказала я, считая дело решенным.

Мы поспешили рассказать обо всем Оле, которая, естественно, должна была присоединиться к нам. Однако Оля, выслушав все до конца, подняла нас на смех.

— Значит, лейтенант Толя! — медленно и раздельно произнесла она, переводя взгляд с Лены на меня. — Так?

— Почему лейтенант? Не лейтенант, а в воинскую часть мы хотим… — стала оправдываться я.

— Вот дурочки! Да этот Толя просто разыграл вас!

Лена начала горячо возражать, защищая Толю:

— Нет! Не такой он, чтобы обманывать! Мы стреляли лучше всех, понимаешь! Он серьезно!

— Серьезно! Тоже еще — главнокомандующий нашелся! — продолжала Оля. — Да у этого вашего Толи есть командир, а у того — еще командир! Ясно?

— А может быть, они не возражают, — сказала я.

— Вот и узнайте, возражают или нет! Лейтенанта обворожили! Вот потеха!

— А мы узнаем! Сегодня же! — пообещала Лена.

Но когда, поужинав, мы отправились за овраг, чтобы серьезно поговорить с Толей и обязательно с его командиром, то никого там не нашли: воинская часть срочно снялась и куда-то ушла. Возможно, прямо в бой…

УХОЖУ В АРМИЮ

Уже почти два месяца мы ходили по лесам и полям Брянщины и Орловщины, копая противотанковые рвы. Фронт приближался. Иногда мне казалось, что в сутолоке разных дел и событий, связанных с войной, о нас могут забыть или спохватятся слишком поздно и мы останемся здесь совсем одни, безоружные. Может быть, даже окажемся во вражеском тылу. Но нас не забывали: время от времени к нам приезжал представитель из Брянского обкома партии, привозил газеты, письма, сообщал новости. Правда, сводки о положении на фронте были неутешительные, но все же мы находились в курсе событий и не чувствовали себя отрезанными от внешнего мира.

Все чаще летали над нами вражеские самолеты, держа курс на Брянск. По ночам слышны были глухие взрывы. В небе вспыхивали зарницы.

Однажды после работы Оля сообщила:

— Бабоньки, пришло распоряжение срочно возвращаться в Москву. Выйдем в одиннадцать вечера, после ужина.

Наш последний переход мы совершали в темноте. В той стороне, где находился Брянск, небо розово светилось. По мере того как темнота сгущалась, небо становилось все ярче, пылая оранжево-красным заревом, и было похоже, будто среди ночи из-за горизонта вдруг показалось солнце.

Когда ночью мы вошли в город, кое-где после бомбежки еще пылали дома, рушились стены. Низко над Брянском стлался багровый дым.

На станции стоял эшелон, который должен был увезти нас в Москву. Пришлось долго ждать, когда починят железнодорожные пути, разрушенные бомбами.

И вот мы едем. Лениво постукивают колеса, будто спешить некуда. Медленно уплывает вокзал, освещенный заревом пожара. Проходит минут пять, когда мы слышим раскатистые взрывы…

— Бомбят, — говорит тихо Лена.

Вскоре, уставшие, мы засыпаем, сидя в тесноте.

Ритмично стучат колеса, и кажется, что они говорят: «Е-дем в Моск-ву… Е-дем в Моск-ву…»

Лена во сне что-то бормочет, потом, застонав, вскакивает и кричит:

— Стреляют!.. Бежим!.. Бежим!..

— Успокойся, Лена, мы в поезде.

Я осторожно усаживаю ее на место и глажу по спине. Сонная, она вздыхает и, медленно опустив тяжелые веки, кладет голову мне на плечо.

Стучат, стучат колеса: «Е-дем в Моск-ву…»

На Белорусский вокзал поезд прибыл днем. Толкаясь, все высыпали из вагонов — вот она, Москва! За два месяца бродячей жизни мы совсем отвыкли от городского шума, от гудков машин, звона трамваев. Теперь, окунувшись в сутолоку города, обрадовались ей, нашей Москве. И были благодарны за то, что она существует, что в ней по-прежнему кипит жизнь.

Заполнив вагоны метро, шумно и возбужденно переговаривались. Все обращали на нас внимание: загоревшие до черноты, запыленные, мы были похожи на чертей. Только зубы да белки глаз резко выделялись на лицах. Москвичи разглядывали нас, строили предположения.

— Это беженцы! Из Белоруссии! — уверенно заявляла полная

дама в шляпе.

А мы смеялись. Нам было смешно слышать это и было весело оттого, что наконец-то мы дома. Пусть думают, что беженцы. Пусть думают что хотят.

А мы — в Москве…

Вот и наш институт. Длинное приземистое здание с боковыми крыльями. И кирпичные корпуса общежития. Все на месте, никаких изменений, если не считать того, что вместо большой клумбы напротив главного входа в институтское здание теперь глубокая воронка от бомбы. Стекла в окнах уже вставлены…

Сентябрь промчался быстро. Занятия, которые шли своим чередом, никого сейчас особенно не интересовали, тем более что учебный год только начинался. Субботники, воскресники.

Нас постоянно куда-то «бросали»: то мы ездили на уборку овощей, то строили склады, то рыли окопы, делали песчаные дорожки и рисовали зеленые деревья на аэродроме, чтобы сверху летное поле было похоже на парк.

Мы втроем, Оля, Лена и я, посещали школу медсестер, организованную в институте, совершали марши в противогазах, шагая по шоссе в студенческой колонне, а я, кроме всего прочего, ходила еще и в дальние походы по лесам Подмосковья.

Однажды, в начале октября, я вернулась из очередного похода, длившегося два дня. Переходя вброд лесную речку, я простудилась. Меня лихорадило.

— Ты что это такая красная? — встретила меня Оля, когда я вошла в комнату общежития.

Я устало опустила на пол рюкзак и повалилась на кровать. Не было сил даже раздеться.

— Горло болит… И голова…

Она быстро раздела меня, сунула мне под мышку термометр и, как всегда, принялась ругать:

— Какого черта ты суешься в ледяную воду?! Ночью было минус три! Тоже мне — умники! Если б действительно нужно было…

Оля не очень-то одобряла походы по лесу, считая, что сейчас это пустая трата времени. Зато в школе медсестер она была одной из лучших: быстрое всех могла сделать любую перевязку, наложить шину, перенести «раненого»…

Вынув термометр, она мрачно посмотрела на меня: оказалось — 38,2°.

— Ты полежи, — сказала Оля. — Я тебе чаю горячего дам. Хочешь?

Она поставила на плитку чайник, постояла возле меня,

нахмурилась и вдруг сказала:

— Институт на днях эвакуируется в Алма-Ату… Ты как? Поедешь?

Я поднялась и села на кровати, глядя воспаленными глазами на нее. Теперь я вспомнила, что, возвращаясь, заметила во дворе какую-то суматоху и беготню — в проходной толпился народ, все куда-то спешили…

— Нет, никуда я не поеду!

Об отъезде из Москвы не могло быть и речи. Зачем же тогда все эти походы, школа медсестер и прочее… Алма-Ата — это же тыл! Глубокий тыл… Конечно, для занятий хорошо…

Оля молча кивнула, потом, посмотрев на меня пристально, сказала:

— Там, знаешь, некоторые уходят в женскую авиационную группу. Набор идет сейчас в ЦК комсомола… У нас в комитете дают комсомольские путевки тем, кто умеет летать или прыгать с парашютом…

Она замолчала, глядя на меня вопросительно и настороженно, а я, вскочив, стала лихорадочно одеваться.

— Поедешь? — спросила Оля.

— Что ж ты сразу не сказала?! А ты, Оля? — спохватилась я.

— Меня не отпускают. Куда-то в другое место пошлют… С группой сандружинниц.

Она отошла к окну и теперь стояла спиной ко мне, делая вид, будто ее что-то заинтересовало внизу, во дворе. Я поняла: сейчас решится наша судьба. Мне хотелось быть вместе с Олей, по так не получалось…

— А Ленка? — спросила я.

— Ленка со мной…

— Значит, я без вас?..

Оля не ответила, все еще глядя в окно.

— Где она, Ленка? — спросила я тихо.

— Уехала на картошку. Послезавтра вернется.

— Ну… Я готова…

Одевшись, я уже стояла в дверях, готовая бежать в институт. Оля подошла ко мне. Вероятно, она надеялась, что и я останусь с ними… Я виновато опустила глаза.

— Ну, лети, пилот! А то не успеешь… — И она хлопнула меня по спине, прощая измену.

А я, забыв о своем горле и температуре, помчалась в институт, боясь опоздать.

Ровно через час, раздав подругам свои вещи, я с небольшим узелком и комсомольской путевкой ехала в центр, на Маросейку. Там, в ЦК комсомола, проводился набор девушек-комсомолок в

авиационную группу, возглавляемую известной летчицей Мариной Расковой.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Войдя в комнату, где заседала отборочная комиссия, я сразу узнала Раскову, которую видела только на снимках. На ней была военная форма с голубыми петлицами, а на гимнастерке — Золотая Звезда Героя Советского Союза.

— Из МАИ? Летали когда-нибудь? — спросила Раскова, просмотрев мои документы.

— Окончила аэроклуб в Киеве.

Меня зачислили в штурманскую группу. Мне, конечно, хотелось быть летчиком, но летчиками брали только тех девушек, которые уже имели летный стаж.

Десять дней мы пробыли в Москве. Жили в Академии имени Жуковского. Каждый день сюда прибывали девушки из разных

городов — летчики и техники из аэроклубов и Гражданского воздушного флота, и наше авиасоединение разрасталось.

Нам выдали обмундирование, в котором мы все буквально утопали. Огромные кирзовые сапоги, несмотря на плотные портянки, болтались на ногах, шинели волочились по земле, а из широкого ворота гимнастерок торчали худые девичьи шеи. Орудуя ножницами и иголкой, девушки быстро пригнали форму по себе, насколько это было возможно…

Я с интересом смотрела на опытных летчиц, которые были лет на пять-шесть старше меня, восемнадцатилетней девчонки, и держались независимо и уверенно. Для них не существовало непререкаемых авторитетов, и хотя они и прибыли сюда, в распоряжение Расковой, но, видимо, еще не до конца верили, что ее идея создать женские полки будет претворена в жизнь.

Слышала я и такие разговоры:

— Куда это мы попали? Одни бабы… Думаешь, на фронт пошлют? Не очень-то мне тут нравится. Может, вовремя смыться?

— Не спеши. Раскова — человек энергичный, добьется. Ее все знают — знаменитость!

— Ладно, посмотрим. Но если с фронтом затянется…

Здесь были студентки из университета, из институтов — авиационного, педагогического, авиатехнологического, — девушки моего возраста, в основном с первого — третьего курсов, безоговорочно верившие каждому слову Марины Расковой. А она твердо обещала, что мы будем воевать.

Морозным утром 16 октября 1941 года я шагала в длинной колонне одетых в шинели девушек к Казанскому вокзалу. Мы уезжали в один из городов на Волге, в летную школу, где должны были пройти ускоренный курс подготовки, перед тем как отправиться на фронт. До самого вокзала шли пешком: метро, служившее москвичам бомбоубежищем, не работало.

На вокзале долго грузили в теплушки товарного поезда свое имущество: матрацы, одеяла, продовольствие, разную утварь. Только вечером, когда стемнело, поезд отошел от вокзала. Выли сирены, ревели заводские гудки: в Москве была объявлена воздушная тревога. Из вагонов-теплушек мы смотрели на вечернее небо, исполосованное лучами прожекторов. Под грохот зениток мы покидали Москву. Из вагонов неслась песня:

Дан приказ ему на запад,
ей — в другую сторону…

До города ехали девять дней — поезд часто останавливался, подолгу стоял на перегруженных станциях. Прибыв на место, к

авиагородку шли ночью, в дождь, по густой грязи. Под общежитие нам отвели часть местного Дома культуры: в огромных комнатах тесно стояли двухэтажные железные койки, на них — жесткие матрацы, серые суконные одеяла.

Одним из первых приказов Расковой, которая командовала всей женской авиагруппой, был приказ о стрижке. Никаких кос и локонов, всем — короткую мужскую стрижку.

Началась новая жизнь. Подъем — в половине шестого. Зарядка на улице, в предрассветной темноте. Целый день занятия.

Зимой начались тренировочные полеты. На Волге держались сильные морозы — больше 30°. В открытой кабине самолета продувало насквозь, и хотя мы надевали меховые комбинезоны, унты из собачьего меха, лицо закрывали шерстяным подшлемником, тем не менее отмораживали себе щеки, нос, руки. Ходили с коричневыми, загоревшими на морозном ветре лицами.

В феврале были сформированы три женских полка: истребительный, полк дневных бомбардировщиков и полк ночных бомбардировщиков. С этого момента каждый полк тренировался отдельно. В полку легких бомбардировщиков, куда я попала, полеты проводились ночью. Нашим командиром была назначена Евдокия Бершанская, известная летчица, награжденная орденом «Знак Почета» за успешную работу в гражданской авиации. Мы летали на новеньких, только что полученных с завода самолетах У-2, которые были оборудованы как ночные бомбардировщики: на самолетах имелись бомбодержатели и прицелы.

Наступила весна. Однажды командир полка собрала нас и сообщила:

— Скоро отправимся на фронт. Готовьтесь к большому перелету.

В мае сорок второго мы улетели на Южный фронт, в Донбасс. Здесь, в районе реки Миус и под Таганрогом, мы делали первые боевые вылеты…

Девичий полк, в котором ни одного мужчины. Многие не верили, что такой полк боеспособен, относились к нам критически. И мы сразу почувствовали это на фронте. Полные решимости утвердить свое право воевать, мы не просто выполняли боевые задания, летали бомбить врага, а прилагали все силы и умение, чтобы делать это не хуже мужчин. И мы добились своего: наш комсомольский полк стал по-настоящему боевым. Нередко случалось, что именно нам, девушкам-летчицам, поручались самые ответственные задания, именно мы летали в плохую, даже нелетную погоду, когда этого требовала обстановка. Все это было не просто.

Прошел год. Осталось позади много фронтовых дорог — от Донбасса до Терека и от Терека до Кубани. Полк получил гвардейское звание. Лучшая летчица, Дуся Носаль, посмертно была удостоена звания Героя Советского Союза — она стала первым Героем в женском полку.

К этому времени я уже летала в качестве летчика. Нас было четверо штурманов, которые окончили аэроклуб, но не имели летного опыта. Тут же, на фронте, не прекращая полетов на боевые задания, мы прошли необходимую подготовку и, сдав зачет, стали сами водить самолеты ночью.

Началось лето 1943 года, наше второе фронтовое лето. Мы бомбили врага на Кубани и под Новороссийском. Летали ночи напролет — с вечера до утра, уходя с аэродрома, когда уже всходило солнце.

Часто я брала в руки карандаш и в минуты перерыва между вылетами наскоро писала стихи прямо в кабине или под крылом самолета…

Еще светло. Еще не спится.
Еще видны вершины гор.
Белеют домики в станице.
Вечерний слышен разговор.

А за околицею в поле —
полынный запах горьких трав.
И самолеты на приколе
стоят, носы свои задрав.

Погас последний луч заката,
взошла луна в туманной мгле.
Под звук далекого раската
уснул кузнечик на крыле.

Но лишь зажгутся в небе звезды,
ракеты вспыхнут над рекой,
и трассы пуль прочертят воздух,
нарушив призрачный покой,

мой самолет уже рокочет,
на цель привычно курс берет
и под покровом темной ночи
летит, невидимый, вперед.

Летит, готов любой ценою

прорвать завесу черной мглы.
Спешит туда, где перед боем
зенитки подняли стволы.

…Ночь была звездная, безлунная. Внизу чуть светлела излучина Кубани. Сегодня мы летели бомбить аэродром под Анапой, где базировались немецкие истребители. Задание не из простых: аэродром защищен, вокруг него кольцо прожекторов и зенитных пулеметов.

— Давай заберемся повыше, — предложила Нина Реуцкая, мой штурман. — Будем бомбить с планирования.

Я согласно кивнула и стала набирать высоту. В гуле мотора появились высокие нотки: он работал на полной мощности. Голубоватые вспышки пламени из патрубков освещали тупые рыльца бомб, чуть видные из-под передней кромки крыльев, — четыре фугаски по пятьдесят килограммов.

— До цели пять минут, — предупредила Нина. — Доверни правее, зайдем с курсом 100°.

Впереди, левее мотора, слабо проглядывали на земле контуры аэродрома. Отсюда немецкие истребители взлетали, чтобы штурмовать наш передний край, сбивать наши бомбардировщики. Но сейчас, ночью, они стояли в своих капонирах и отдыхали.

Развернув самолет, я взяла боевой курс. Высотомер показывал 1200 метров. Сейчас включатся прожекторы — они могут вспыхнуть каждую секунду… Я вся напряглась: сколько я ни летала, а все никак не могла заставить себя спокойно переносить этот момент ожидания — мне всегда было страшно. Позже, когда начинался обстрел и положение становилось более определенным, уже не хватало времени на то, чтобы бояться: я была слишком поглощена выполнением задания и старалась поскорее выбраться из-под обстрела.

— Так держи! — сказала Нина и бросила прямо из кабины светящуюся бомбу.

Вспыхнув через несколько секунд, она озарила землю голубоватым светом, и стали отчетливо видны колечки капониров, расположенные дугой по краю аэродрома. Сразу зажглись прожекторы — их было пять. Когда широкие лучи заскользили по небу, я убрала газ до минимального, чтобы внизу не могли определить точно, где находится самолет. Планируя, поглядывала на капониры, в которых светлели маленькие самолетики, похожие на мушек.

— Видишь самолеты? — спросила я Нину.

Но она была занята прицеливанием.

— Правее! Так! Сейчас брошу…

Самолет слегка качнуло — это отделились бомбы. Не теряя времени, я заложила глубокий крен, чтобы развернуться и взять обратный курс. Внизу раздались взрывы — серия бомб перекрыла капониры: четыре огненные вспышки со снопами искр. Во время разворота хорошо видно, куда упали бомбы.

Застрочили зенитные пулеметы, длинные очереди трассирующих снарядов брызнули фонтаном рядом с самолетом. Я продолжала планировать, лавируя среди лучей и трасс. Высота быстро падала, но включать мотор не хотелось: сразу поймают, и тогда будет плохо — два крупнокалиберных пулемета посылали вверх пучки снарядов, стараясь пройтись по всему пространству над аэродромом.

— Левее, левее! — кричала мне Нина. — Справа трасса! Прожектор!

Я бросила самолет влево, потом глубоким скольжением ушла под луч, но в этот момент другой прожектор стал быстро наклонять свой луч и уткнулся прямо в самолет, осветив его. К нему присоединились остальные, и мы очутились в перекрестье. Сразу вокруг самолета замелькали огненные шарики трасс. Казалось, они прошивают самолет насквозь… Взглянув на прибор, я отметила: шестьсот метров. И резко дала полный газ: теперь, когда нас обнаружили, планировать не имело смысла.

Под обстрелом мы уходили от цели все дальше, и зенитчикам становилось все труднее вести прицельный огонь. Вот один прожектор отключился, погасли еще два, потом и остальные. Стало темно. Прекратили огонь и пулеметы. Я вздохнула свободно: ушли…

Некоторое время мы с Ниной летели молча: говорить не хотелось. В эту ночь мы летали на цель еще три раза. Во втором полете удалось подорвать самолет: одна из бомб упала в капонир.

Утром, зарулив самолет на стоянку, мы позавтракали в столовой и, усталые, легли спать в девять. Стояла жара, спалось плохо, я часто вскакивала: снились прожекторы…

Проснувшись, вышла в садик умыться и вдруг увидела на скамейке Лешу, который ждал меня! Было около четырех часов дня.

— Я летал в дивизию, отвозил донесение. Решил заглянуть по пути, — говорил Леша, как-то странно рассматривая меня. — Я так рад видеть тебя! Знаешь, мне сказали… Ну в общем, ты жива — и все прекрасно!

Я сразу поняла, что ему сказали. Два дня назад в нашем полку с задания не вернулся самолет. Кто-то из летчиков видел,

как при обстреле он загорелся и горящий упал на землю…

— Я тоже рада. Только ты не беспокойся! Хорошо?

Он кивнул. Мы еще немного посидели на скамье под акацией.

— Мне пора, — поднялся Леша.

Я проводила его до самолета.

— Тебя можно уже поздравить? — спросил он. — Пятьсот?

— Можно.

Накануне у меня был юбилейный вылет — пятисотый. По этому случаю меня поздравили и в столовой вывесили плакат-приветствие.

— А я еще не достиг… Но постараюсь! Тебя трудно догнать.

Леша обнял меня и влез в кабину. Махнув на прощанье рукой, порулил на старт.

На фронте с Лешей я встретилась неожиданно. Это было год назад под Грозным, осенью сорок второго года. В то время наш полк после тяжелого отступления через Дон, через Сальские степи и Ставропольщину прилетел к предгорьям Кавказа. Немцы дошли до Терека и здесь были остановлены. Имея уже некоторый опыт боевой работы в районе Донбасса, мы продолжали бомбить врага на Тереке.

В полку отмечалось 25-летие Октябрьской революции, и к нам на праздник приехали летчики соседнего «братского» полка. Летали они на таких же самолетах, какие были у нас, бомбили те же цели, что и мы. Среди гостей оказался Леша.

— Я узнал, что ты в женском полку, — сказал он. — И поспешил к тебе. Как это здорово, что меня направили именно сюда, на Северный Кавказ!

В «братский» полк Леша прибыл совсем недавно: немцы наступали, и с наступлением немцев летную школу, в которой он учился, расформировали, а всех курсантов отправили в боевые полки. Когда мы встретились, у меня было уже двести вылетов и я носила новенький орден — Красную Звезду.

Наша дружба возобновилась. Мы часто писали друг другу записки, передавая их при удобном случае, а иногда виделись, если оба полка стояли по соседству или работали с одного и того же аэродрома.

В начале сорок третьего наш фронт пошел в наступление, освобождая Северный Кавказ от врага. Двигаясь вперед, мы каждую ночь бомбили отступающие немецкие войска. Днем отдыхать почти не приходилось — мы перелетали на новое место базирования. Во время коротких встреч мы с Лешей едва успевали перебросить несколькими словами.

Мы дошли до Краснодара, когда в марте немцам удалось задержаться на Кубани. Им помогла весенняя распутица: дороги

развезло, машины застревали в глубокой грязи, наши тылы отстали. Одно время мы даже не летали; сидели без горючего на раскисшем аэродроме и питались только кукурузой: подвезти бензин, бомбы и продукты не было никакой возможности.

Линия фронта стабилизировалась. Укрепившись, немцы создали прочную оборонительную полосу, так называемую «Голубую линию», которая тянулась вдоль рек и плавней от Темрюка на Азовском море до Новороссийска на Черном. Понадобилось полгода подготовительных боев на земле и в воздухе, чтобы прорвать эту укрепленную полосу и освободить от врага Таманский полуостров.

Здесь, на Кубани, летом сорок третьего года происходили жестокие сражения не только на земле, но и в воздухе. Именно в это время наша авиация завоевала господство в небе. Нам часто приходилось слышать имена Покрышкина, братьев Глинка и других асов, защищавших кубанское небо.

Все лото наш женский полк работал с большим напряжением — каждую ночь под обстрелом зениток, в лучах прожекторов мы бомбили ближние тылы и оборону врага. За полгода, которые мы провели на Кубани, в полку погибло шестнадцать летчиц…

Тревожная ночь над Кубанью сгустилась,
на старте взлетают цветные ракеты.
Дугою по небу звезда покатилась,
прощально сигналя серебряным светом.

Уставился месяц на землю с укором
и силится-силится вымолвить что-то.
Притихли машины. Умолкли моторы.
Как долго с задания нет самолета…

Тревожная ночь над Кубанью сгустилась.
На старте взлетают цветные ракеты.
А звездочка так неохотно скатилась,
как будто хотела дожить до рассвета.

…Леша улетел, и мне стало грустно: прощаясь, мы никогда не знали, увидимся ли снова. Всю следующую ночь мы бомбили опорные пункты вражеской обороны, а утром стало известно, что наши войска прорвали «Голубую линию» и начали наступление.

К середине сентября весь Таманский полуостров был освобожден от врага. Наш полк перелетел на новое место — поближе к Крыму. Теперь нам предстояло бомбить немцев в

районе Керчи.

Приближались Октябрьские праздники. «Братцы» базировались недалеко от нас, в семи километрах, и однажды Леша приехал на часок, чтобы вместе со мной порадоваться: был освобожден наш Киев.

— Слышала? Немцев прогнали из Киева! Дело теперь пойдет — наши рванули вперед!

Мы с ним ходили по обрывистому берегу, смотрели на бушующее Азовское море, над которым плыли черные дождевые тучи. Дул порывистый норд-ост, кричали чайки. Говорили мы о нашем городе, вспоминали аэроклуб, друзей. Невольно приходили невеселые мысли: Киев освобожден, но скоро ли нам придется там побывать? И вообще — придется ли…

А через день я узнала, что ночью аэродром «братцев» подвергся бомбежке. Несколько человек были ранены, в том числе и Леша. У него самое тяжелое ранение — в спину. В ту ночь Леша дежурил на аэродроме, и, когда стали падать бомбы, он с товарищами бросился рассредоточивать самолеты, сгрудившиеся на старте перед вылетом.

Днем я вылетела в Краснодар, куда увезли раненых. Попутно в штабе полка мне дали задание — отвезти в дивизию пакет. Приземлившись на большом краснодарском аэродроме, я сразу увидела возле ангара палатки с красным крестом и подрулила прямо туда. Оказалось, что в госпитале мест не было, и ребята ждали пока здесь, в палатках.

Откинув полог, я заглянула в первую палатку и вошла, узнав Лешу. Он лежал на животе и не мог повернуться. Говорить стоило ему больших усилий: болела спина, горели внутренности… Он сдерживался, чтобы не стонать.

Я присела, опустилась перед ним на колени, чтобы он видел меня. Лицо у него было бледное, на лбу испарина. Но он улыбался…

— Вот я и отлетался…

— Ты поправишься, Леша. И опять будешь летать.

— Ничего, бывает… Ты не смотри так — я выдержу! Постараюсь…

Я не могла сдержать слез, и они сами катились, катились по щекам. Поцеловав его в холодный лоб, я ушла, чтобы узнать, когда раненых поместят в госпиталь. Обещали к вечеру.

Не дождавшись вечера, я улетела в полк. Больше я Лешу не видела. Он умер от гангрены — слишком глубока была рана, и спасти его не могли…

* * *

Война продолжалась уже третий год. Впереди был еще длинный путь…

Я ничего не знала ни об Оле, ни о Тимохе, ни об остальных моих друзьях. А между тем друзья мои тоже воевали.

СЛАВА

Мой самолет летел в черноте сырой осенней ночи. В небе, сплошь затянутом облаками, не было ни звездочки. На земле — ни огонька. Только изредка на проселочной дороге вспыхивали фары машин и тут же гасли — это какой-нибудь шофер, нарушая правила светомаскировки в прифронтовой полосе, ненадолго включал свет на крутом повороте.

Ровно гудел мотор, выбрасывая из патрубков голубоватые языки пламени. Справа под крылом извилисто тянулась еле заметная песчаная полоска таманского берега. Дальше, за этой полоской, лежала огромная темная масса — Азовское море.

Я летела из района Темрюка привычным маршрутом, по которому наши самолеты По-2 летали десятки раз в Крым, через пролив, к Керченскому полуострову, где сосредоточились отступившие с Тамани вражеские войска. Уж много ночей мы бомбили укрепленные районы, высоты, на которых стояла артиллерия, склады с боеприпасами, машины, танки, скопления

войск…

Но сегодня, когда на Крымское побережье высаживался морской десант для захвата плацдарма, нашему полку дали другое задание: мы должны бросать бомбы на вражеские пулеметы и прожекторы, которые препятствовали высадке десанта.

Давая последние указания перед вылетом, командир полка Бершанская сказала:

— Прожекторы и пулеметы стоят на самом берегу. Наши катера могут причаливать в разное время. Следите за обстановкой.

Подлетая к Керченскому проливу, я увидела, что на том, на Крымском, берегу, где пока еще хозяйничали немцы, вражеские прожекторы ведут себя не так, как обычно: их яркие лучи сейчас не были устремлены вверх в поисках самолетов, а лежали горизонтально на земле, направленные в сторону пролива. Весь пролив, по которому плыли катера с десантом, был освещен. Выключались прожекторы только в том случае, когда приблизившийся гул ночного бомбардировщика предвещал, что на прожектор будут сброшены бомбы.

Широкие лучи медленно ползли по кипящей от мелких волн поверхности моря, выхватывая из темноты отдельные катера, лодчонки и тендеры, которые двигались к вражескому берегу. Нащупав катер, белый луч словно прилипал к нему и, полностью осветив его, скользил вместе с ним, пока с берега в упор по катеру бил пулемет.

Катера отвечали пулеметным огнем, обстреливая берег.

К тому времени, когда мой самолет приблизился к берегу, многие катера уже горели. Горели и плыли дальше. Полосы дыма тянулись от них по ветру, и сверху было похоже, будто Керченский пролив заштрихован. Сквозь густой дым пробивался огонь, бросая на воду красноватый свет.

Там, на катерах, были люди. Десантники, которым предстояло не только высадиться, но с боями отвоевать у врага хотя бы небольшую часть крымской земли и потом удержать этот плацдарм.

Самолет был уже над сушей, когда ближайший прожектор, оставив один из катеров, плывших через пролив, переключился на другой, вырвавшийся вперед. На этом катере начался пожар, но он упрямо двигался к берегу. Я услышала взволнованный голос Нины, штурмана:

— Наташа, держи на прожектор! Быстрее!

Но быстрее я не могла: слишком мала скорость у нашего По-2. Пока я летела к прожектору, с берега по освещенному

катеру открыл огонь пулемет. С катера тоже вели огонь. Когда мы наконец очутились над прожектором, Нина бросила на него одну бомбу. Только одну, чтобы там, внизу, знали, что у нас осталось еще несколько бомб. Прожектор немедленно выключился и, пока мы над ним кружили, не подавал никаких признаков жизни. Ловить нас он даже не пытался. Сегодня вообще все было не так, как обычно: вместо того чтобы избегать прожекторов, мы искали их, а немцы, занятые обстрелом наших катеров, не успевали оказывать противодействие самолетам.

Покружившись над прожектором, мы повернули в сторону пулемета, который обстреливал катер. Едва отошли немного, как прожектор снова включился.

— Выдерживай курс поточнее! — предупредила Нина.

Тщательно прицелившись, она бросила бомбы на пулемет, который строчил без устали, и мы опять поспешили к прожектору. Видимо, Нина попала точно в цель, потому что пулемет замолчал. Но зато соседний, стоявший неподалеку, перенес свой огонь на наш катер. Мы не успевали…

— Скорее! Надо погасить прожектор! — волновалась Нина. — Наши уже подплывают к берегу, а он светит!

Она торопила меня, а я злилась, что у нашего самолета черепашья скорость, и на полной мощности выжимала из него все, что могла.

— Катер! Смотри, как горит!

Действительно, пламя разгоралось все сильнее, и я живо представила себе горстку людей на пылающем катере, под пулеметным огнем. По спине пробежали мурашки.

Больше не было бомб, но мы не сразу улетели, а некоторое время еще кружили над прожектором, который боялся включиться. А тем временем горящий катер подплывал все ближе и ближе к берегу…

Уже потом, после войны, я узнала, кого мы с Ниной прикрыли с воздуха при высадке десанта, кто был командиром катера, который первым причалил к неприятельскому берегу. Слава Головин, тот самый Слава, с которым мы учились летать на планере, сам же и рассказал мне впоследствии подробности высадки.

…Огонь вспыхнул на корме, встречный ветер сносил его в сторону моря, и все же он быстро расползался, перемещаясь к центру катера. Никто не гасил пламя: для этого не оставалось ни сил, ни времени. Катер, опередив остальные, шел к берегу.

Вражеский пулемет, стрелявший с высотки на берегу, косил людей, но прыгать в воду было еще рано, и Слава напряженно ждал, не подавая команды. Он знал, что десантники давно готовы

покинуть катер, и стоит ему сейчас сказать всего одно слово, как все, кто уцелел, бросятся в море.

Но Слава не спешил: нужно было определить этот решающий момент с максимальной точностью. Подать команду раньше времени — и многие десантники, даже те, кто не ранен, утонут, выбившись из сил, если глубина моря окажется большой. В то же время и медлить нельзя, так как пулемет может скосить людей до высадки.

Отыскав глазами лейтенанта Савкина, своего заместителя, которому верил, как самому себе, и на которого опирался в трудную минуту, Слава увидел, что тот, согнувшись, помогает раненому передвинуться подальше от огня, и немного успокоился, как бы убедившись, что можно выждать еще чуть-чуть и от этого ничего страшного не случится.

Стоя у борта и вглядываясь в море, Слава пытался определить, какова обстановка сейчас, когда катера уже пересекли Керченский пролив и подходят к берегу. Соседний катер, освещенный лучом прожектора, яростно отстреливался, и длинная лента трассирующих пуль тянулась от него к вражескому пулемету. Некоторые катера горели, застряв в проливе на полпути, и дым стлался низко над водой, словно дымовая завеса. В лучах прожекторов шевелились розовато-серые клубы, а небольшие волны, освещенные с одной стороны, отбрасывали зловещие тени и казались огромными.

Слава поправил на груди автомат, посмотрел на темневшую впереди землю, которую предстояло отвоевать у врага, и сжал зубы так крепко, что свело скулы. Позади было море, впереди — вражеский берег с пулеметным огнем, атаками, рукопашными боями…

Огонь на катере полыхал, в спину жарко ударяло горячим воздухом, от дыма слезились глаза. Славе на мгновение показалось, что катер вообще не движется, а стоит на месте. «Еще немного…» — подумал он, усилием воли заставляя себя ждать. Мысленно он отсчитывал секунды, и они толчками отдавались в висках. Последние минуты были самыми тягостными и мучительными.

Один из десантников, не выдержав напряжения, крикнул, яростно выбросив кверху сжатые кулаки:

— Пора, командир! А то сгорим к…

Савкин, мгновенно очутившись рядом с ним, положил десантнику на плечо руку и резко встряхнул, призывая к порядку. В эту последнюю минуту перед высадкой очень важно было не допустить никакой паники, сохранить дисциплину.

Словно ожидая, когда ему напомнят и подтолкнут к

действию, Слава оглянулся, нашел глазами Савкина, который молча кивнул ему, окинул зорким взглядом горящий катер и оставшихся в живых десантников, будто хотел на всю жизнь запечатлеть в памяти эту картину, и, надрывая голос, натужно крикнул:

— К берегу! За мной!

Своего голоса он почти не услышал, только увидел, как взмахнул рукой Савкин, повторяя его команду.

Прыгнув прямо с борта в неспокойную холодную воду, Слава уже приготовился плыть, держа в поднятой руке автомат, но оказалось, что глубина здесь была чуть выше пояса и можно было без особого труда идти по дну.

Справа и слева прыгали в воду десантники и, наклонившись вперед, шли к берегу. Прожектор, отключившийся перед этим на некоторое время, снова зажегся и теперь светил прямо в лицо, ослепляя и мешая идти. Казалось, он совсем рядом, рукой подать. Слава послал автоматную очередь в сверкающее зеркало, но до прожектора было слишком далеко.

Освещенные пламенем, полыхавшим сзади, и светом прожектора, десантники, тяжело дыша, выбирались на берег. Где-то недалеко послышался рокочущий звук мотора, и вскоре раздался грохот взрывов — это рванули бомбы. «Кукурузник», — подумал Слава, — на помощь прилетел». После того как самолет бросил бомбы, стоявший на высоте пулемет перестал стрелять. Нужно было воспользоваться моментом, чтобы приготовиться к бою.

Отяжелев от намокшей одежды, Слава делал последние шаги в воде. Но вот и берег, каменистый, скользкий. Выбравшись на сушу, он заметил впереди, совсем недалеко от берега, траншею и, взмахнув автоматом, крикнул:

— Давай в траншею! Выбить их оттуда!

Ему казалось, что никто его не слышит в страшной сумятице высадки, когда шум прибоя сливался с криками, пулеметными и автоматными очередями, с гулом самолетов. Он часто и тревожно оглядывался, но каждый раз с удивлением убеждался, что за ним идут, его понимают с полуслова и даже без слов.

С группой высадившихся Слава бежал к траншее, когда начал бить дальний пулемет, прежде стрелявший по соседнему катеру. Немцы пытались преградить десантникам путь, но было поздно: моряки уже прыгали в траншею с автоматами наперевес, готовые схватиться с врагом. Однако брать траншею с боем не пришлось, так как немцы, опасаясь остаться отрезанными, заранее сами ушли оттуда.

Теперь Слава мог осмотреться. Пулемет продолжал

обстреливать десантников, но это не представляло большой опасности, если из траншеи не выходить. В море, покачиваясь на волнах, догорал оставленный катер. В нескольких местах пролива дымились подожженные катера, из-под дыма поблескивало пламя. Но часть катеров все же дошла до берега, и десантники высадились на крымскую землю. Прожекторов и пулеметов на побережье стало совсем мало, в основном они действовали теперь у самой Керчи, где высадка была особенно трудной и, по-видимому, не удалась. Оценив обстановку, Слава понял, что в целом первый этап операции — высадка десанта — завершен. Предстоял второй, не менее важный, — удержаться и закрепиться на побережье.

После небольшого перерыва снова зажегся прожектор, который выключался, пока над ним виражил самолет. Теперь, когда самолет улетел, он повернул свой луч в сторону катера, подходившего к берегу. Слава подумал, что прежде всего нужно вывести из строя этот прожектор, который слишком активен.

К Славе подошел Савкин и, словно читая мысли своего командира, кивнул в сторону прожектора:

— Убрать бы его. Мешать будет.

— Выдели двух-трех человек, — распорядился Слава. — Больше, я думаю, не требуется. Только…

Он не договорил. Ему не хотелось, чтобы группу повел Савкин, не хотелось отпускать его от себя. Слава чувствовал себя уверенней, когда этот тихий, белобрысый, ничем не примечательный лейтенант с внимательными серыми глазами находился рядом или даже просто поблизости.

И Савкин понял, опустил глаза, словно был виноват в том, что пользовался таким безграничным доверием командира. Однако, твердо решив, что поступает правильно, произнес:

— Я сам поведу. Все будет в норме.

Это было его любимое выражение: «В норме». Слава молча кивнул и не стал возражать. Савкин с группой ушел.

Скользнув взглядом по звездному небу, Слава определил: до рассвета осталось часа два. Нужно было спешить, так как наверняка с рассветом немцы попытаются сбросить десант в море.

Пока к траншее подтягивались отставшие и раненые, Слава установил связь с соседними группами и устроил короткое совещание. К высотке, которую предстояло захватить, были отправлены разведчики. Действовал он быстро и решительно, сознавая, что, если до рассвета не будет захвачена высота, дело кончится плохо: назад пути не было.

За время войны у Славы накопился немалый боевой опыт: оборона Севастополя, Новороссийск, Малая земля…. Воевал он

третий год, и большую часть этого времени — в пехоте. Правда, пехота называлась морской. Когда Славу призвали в армию, он попросился на флот. Однако началась война, и плавать на кораблях ему почти не пришлось: многих моряков очень скоро перевели на сушу.

Чтобы захватить высоту, Слава детально продумал все действия. Как только прожектор будет выведен из строя, десантники, пользуясь темнотой, должны поодиночке подползти поближе к высоте и затаиться до наступления рассвета, спрятавшись в мелком кустарнике, за камнями, в воронках. Едва забрезжит рассвет, сразу же по команде все пойдут в атаку. При этом, как было условлено, соседи слева должны поддержать атаку огнем.

Слава понимал, что овладеть высотой — дело не простое, но это его задача, и он обязан ее выполнить. Конечно, немцы будут ждать атаки, и застать их врасплох просто невозможно. Значит, будут потери. Большие. Но кто-то все же дойдет до вершины. Кто-то обязан дойти. И те, которые дойдут, должны выбить немцев. Может быть, ему, Славе, не суждено пройти весь путь. Может быть, он доберется лишь до половины. Тогда его заменит Савкин, который завершит дело.

Не суждено… Раньше он никогда об этом не думал, а сегодня такая мысль почему-то не выходила из головы. Он вспомнил сына Володьку, которого никогда не видел, потому что родился он уже после того, как Слава ушел в армию. Вспомнил его таким, какой он был на фотографиях: на одной — голенький карапуз с удивленным выражением темных, как у Славы, глаз, на другой — смеющийся, в клетчатой рубашечке и вязаной шапочке. Мурка писала о сыне длинные письма, так что Слава знал о нем почти все: когда у него прорезались зубки, как он перенес корь, когда начал ходить, какое первое слово произнес…

Немцы методически стреляли вверх белыми ракетами, освещая высоту и подступы к ней. В промежутках между вспышками ракет ненадолго наступала темнота, темнота относительная, потому что ярко-белый луч прожектора служил мощным источником света. Но прожектор не будет светить, его уничтожит Савкин.

Посмотрев на часы, Слава подумал, что пора бы группе уже дойти до прожектора, и в этот момент услышал сильный взрыв и короткую перестрелку. Словно прося о помощи, луч дрогнул, мигнул два-три раза и медленно погас. Больше он не загорался.

— Молодцы ребята, — тихо произнес Слава, тепло подумав о Савкине.

До последней минуты он не был до конца уверен, что

прожектор удастся вывести из строя, и на всякий случай готовился к атаке при свете луча.

На высотке ракеты стали взлетать чаще: немцы заволновались, услышав взрыв и перестрелку у себя в тылу.

Вернулись разведчики и сообщили, что путь к высотке свободен и внизу можно укрыться в кустарнике и окопчиках. Возвратился и Савкин с тремя десантниками. Один из них был ранен в руку.

— Готов, — коротко сказал Савкин о прожекторе. — Сняли.

Наступило время действовать. Как было условлено, десантники поодиночке начали подползать к высоте, выбирая для этого интервалы между ракетами, когда наступала темнота. Время от времени по траншее, которую они оставили, бил миномет. Траншея молчала, зато соседи слева отвечали огнем, отвлекая врага.

Прилетев на свой аэродром, мы с Ниной доложили о высадке, которую наблюдали, и обстановке в районе Керчи. Пока техники заправляли самолет горючим, а оружейники подвешивали бомбы, я под впечатлением полета набросала стихи.

Плывет десант во тьме холодной.
За строем — строй. За рядом — ряд.
Сгустился дым над гладью водной.
К Керчи направился отряд.

Вот катер вспыхнул, строй нарушив.
Вскипела пеною волна.
Моряк спешит скорей на сушу —
душа отвагою полна.

Ты смел, моряк. Ты много вынес.
Ты стал грозою для врага.
Огнем кинжальным ощетинясь,
десант встречают берега.

Тельняшку на груди откроет
моряк, бросаясь в смертный бой:
полоска — море голубое,
другая — вспененный прибой.

Когда самолет был готов, мы снова отправились на боевое задание. Перед вылетом командир полка предупредила нас:

— Будьте внимательны. Бомбить только в районе,

прилегающем непосредственно к городу, — там враг оказывает сильное сопротивление. Наши высадились к востоку от Керчи.

Полчаса спустя мы приближались к берегу Крыма. Пролив был погружен в темноту. Кое-где еще оставались дымные следы — несколько сгоревших, но не утонувших катеров плыли по течению, неуправляемые. Не было видно прожекторов и пулеметов на самом берегу — они переместились в глубь полуострова. Тот прожектор, за которым мы охотились, теперь не включался. Что за перемены произошли здесь?

Внимательно разглядывая берег, куда высадились десантники с горевшего катера, я пробовала определить, что там сейчас происходит. Недалеко от того места, где раньше стоял прожектор, шла перестрелка, вспыхивали ракеты. Значит, десантники продвинулись и пока держатся. Как им помочь?

— Может, спустимся? Можно покричать своим, — предложила Нина.

— На обратном пути.

У нас было задание: подавлять огневые точки у самой Керчи, где вражеские пулеметы вели интенсивный огонь. И мы поспешили туда, все время оглядываясь назад, словно можно было увидеть, как действует десант с нашего катера.

Слава полз, прижимаясь всем телом к земле, и замирая, когда белый, неестественный свет ракеты освещал местность. В этот момент, не поворачивая головы, он старался увидеть как можно больше: что делается впереди, где находятся десантники, есть ли препятствия на пути.

На востоке у самого горизонта небо начинало слабо бледнеть, но звезды над головой ярко блестели и было темно. Прошло минут пятнадцать. За это время все подползли к высоте и залегли за укрытиями. Никто не подавал голоса. Соседи упорно продолжали перестрелку с немцами, создавая впечатление, будто именно там, левее, и сосредоточились все силы десантников.

Надвигался рассвет. Выждав некоторое время, Слава, наконец, кивнул лейтенанту Савкину и приготовился дать команду.

Как только взлетела с шипеньем красная ракета, выпущенная Савкиным, он крикнул так, чтобы слышали и те, кто находился с другой стороны:

— Бей фашистов!

— Вперед! — подхватил Савкин, срываясь с места.

Пригнувшись, Слава побежал, стараясь не отстать от Савкина. Он видел, что десантники бегут справа и слева, окружая высоту со всех сторон.

— Гранаты! — крикнул Слава.

— Гранаты-ы! — повторил высоким голосом Савкин.

Пулемет, замерший на некоторое время, вдруг опомнился и стал неистово строчить. Захлебываясь, стрелял он по десантникам, но они продолжали бежать с автоматами наперевес. Слава заметил, как кто-то остановился и со стоном рухнул на землю, кто-то другой замедлил бег, размахнулся и бросил гранату. Она разорвалась, не долетев до цели.

Часто оглядываясь, Савкин бежал впереди Славы, словно хотел защитить его от пуль. Вот он на бегу швырнул гранату и присел, пригнув рукой и Славу. Рвануло прямо в траншее, пересекавшей закругленную вершину. Пулемет, гнездо которого находилось в отростке траншеи, ненадолго умолк, но вскоре опять заработал, повернувшись в их сторону.

До траншеи оставалось всего несколько шагов, когда Слава увидел перед собой подрагивающую голубоватую вспышку и в то же мгновение почувствовал сильный толчок, будто он с разбегу наткнулся на препятствие. Подозревая что-то неладное, Слава стал искать глазами оторвавшегося от него Савкина, словно единственное спасение было в нем. Вдруг он почувствовал боль где-то возле сердца и понял, что ранен.

«Эх, некстати…» — подумал Слава, еще не определив, куда же он ранен. Он хотел поднести руку к левой стороне груди, но не смог: правая рука не слушалась. Ноги не двигались. Раньше так у него случалось во сне: нужно бежать, а ноги как свинцовые…

«Где Савкин? Ему теперь вместо меня…» Беспокойство охватило его, и он опять попробовал поднять руку. Теперь болело правое плечо, болело страшной разламывающей болью, а рука совсем не двигалась. Ему даже показалось: что-то было лишнее и очень тяжелое там, где правая рука. Слава наконец взглянул туда и увидел совершенно ясно, что руки вообще нет… Там, где кончался локоть, свисал узкий лоскут оборванного рукава, и на нем болталось что-то тяжелое…

Ноги стали мягкими, ватными, голова закружилась. Теперь уже болело везде, болело все тело, и особенно плечо и рука. Наступившая слабость мешала сделать шаг, и он стоял, покачиваясь и медленно оседая на землю. В голове еще вертелась беспокойная мысль: «Где Савкин? Ему теперь…»

Как сквозь сон, Слава услышал чей-то голос:

— Бей их, гадов!..

Опустившись на колени, он здоровой рукой оперся о землю, усилием воли заставляя себя удержаться и не упасть. «Савкин… Что там… Встать, встать…» Но не было сил не только встать

самому, но даже приподнять голову.

Слабость одолевала его, впереди все покачивалось, и на миг ему показалось, что он еще на катере, который плывет через пролив и никак не может доплыть до берега…

Выстрелов больше не было слышно, и он все силился разглядеть, что делается в траншее, где, видимо, шел рукопашный бой. Глаза застлало пеленой, и, уже ничего не различая, не чувствуя, Слава повалился на землю лицом вперед.

Он лежал на сырой от утренней росы траве и не слышал, как закричали победное «ура» десантники, выбившие немцев из траншеи, как подбежавший к нему Савкин, разрывая индивидуальный пакет, чтобы сделать перевязку, дрожащим голосом твердил одно и то же:

— Товарищ старший лейтенант! Все в норме… Товарищ старший лейтенант, все в норме…

Первое, что увидел Слава, когда открыл глаза, было женское лицо, окутанное туманом. Черты лица расплывались, вокруг него что-то белело. Лицо медленно плыло в воздухе, как легкое облако. Оно показалось Славе знакомым.

— Мурка…

Голос его был слабым, еле слышным, но девушка услышала.

— Очнулся, миленький? Не Мурка я, а Надя. Надя!

Она тронула его за плечо, натянула повыше одеяло.

Теперь Слава и сам видел, что это не Мурка. Мурка осталась там, дома, в Киеве. С сыном. Нет, не в Киеве… Они уехали оттуда на Урал. А это — Надя…

На девушке был белый халат и белая косынка. Под косынкой темные, гладко зачесанные волосы и черные, пушистые, как у Мурки, брови.

— Что, больно? Потерпи, потерпи. Пройдет.

Она говорила и одновременно что-то делала на тумбочке рядом с койкой, вероятно, готовила лекарство.

Слава скользнул взглядом по брезентовому потолку, брезентовой стенке: палатка… Медсанбат. Вспомнил горящий катер, голубоватое дрожащее пламя из пулемета. А рука?..

Он скосил глаза на забинтованную руку: она была неправдоподобно короткой… Двинул этой короткой рукой и сразу застонал. На лбу появилась испарина.

— Лежи спокойно! — приказала сестра. — Не шевели рукой!

Слава молча смотрел на нее, ожидая, что еще скажет она.

— Была операция. Зашили, сделали все, что надо. Теперь все будет хорошо, — сказала она ровным, успокаивающим голосом.

Закрыв глаза, Слава слушал. Не было сил ни говорить, ни

думать.

— Тебя отправят в тыл, — слышалось ему, как сквозь сон. — Катером через пролив. Обещали вечером.

Катером… Значит, он еще в Крыму. На захваченном плацдарме.

— Я сделаю тебе укол. Спи, набирайся сил. Все хорошо.

Укола он почти не почувствовал, сразу куда-то провалившись.

ЛЕКА-ДЛИННЫЙ

Если Родина в бой зовет,
комсомольская клятва — свята.
Вот и мой наступил черед,
Чтобы выполнить долг солдата.

Наша юность на смерть идет.
От рожденья мы все крылаты.
Я готов. Ухожу в полет.
Ожидайте меня, ребята!

Не сверну, не согнусь — не трус!
Пусть машина огнем объята.
Я домой уже не вернусь…
Вспоминайте меня, ребята!

Лека-Длинный, который здесь, на фронте, был для

подчиненных лейтенантом Дубровиным, перед вылетом проинструктировал летчиков своей эскадрильи и сказал:

— А теперь — по самолетам! Будьте готовы и ждите сигнала. Две зеленые ракеты — взлет. Черняк, как самочувствие? Пойдете на задание?

Молодой паренек, стоявший с унылым видом и неуверенно поглядывавший на Леку, словно чувствовал за собой вину, вдруг преобразился и радостно воскликнул:

— Так точно, товарищ лейтенант!

— Отлично! — сказал Лека. — Полетите со мной в паре.

— Есть! — с детским восторгом крикнул Черняк.

Летчики разошлись, а Лека, оставшийся у своего самолета, еще долго смотрел вслед Коле Черняку, думая о том, что надо его подбодрить. Совсем недавно Коля пришел в эскадрилью прямо из летного училища, ему было всего девятнадцать, и хотя самому Леке было ненамного больше, двадцать один, он считал себя уже «стариком» по сравнению с молодым летчиком, сделавшим свой первый боевой вылет только вчера. Вылет прошел не совсем удачно: Коля все время отрывался от ведущего и, когда отстал на изрядное расстояние, на него чуть не напали два «мессера», внезапно выскочившие из облака. Только благодаря Леке, вовремя заметившему опасность, все кончилось благополучно. Естественно, сегодня Коля рвался в полет, чтобы реабилитировать себя, и Лека понимал это.

До вылета оставалось четверть часа. Отойдя от самолета в сторонку, Лека закурил и по привычке посмотрел на небо, определяя погоду на ближайшее время. С утра шел дождь, но уже к полудню распогодилось, и теперь, к шести часам вечера, в степи дул небольшой ветерок, шевеля густую траву, а по синему небу плыли на восток редкие серебристо-серые тучки. В этот день Лека уже дважды по тревоге вылетал на боевое задание со своими ведомыми и даже сбил «юнкерс», восьмой самолет, уничтоженный им здесь, в небе Донбасса.

Опустившись на сочную апрельскую траву, Лека выбросил недокуренную папиросу и потянулся, весь расслабившись. Можно было полежать так несколько минут, ни о чем не думая.

Но не думать Лека не мог. Снова и снова мысли его возвращались к Тимохе. Вместе они по окончании военного летного училища прибыли сюда, в отдельную истребительную эскадрилью, полгода назад, воевали все это время рядом. Часто летали парой, выручая друг друга в бою, и никогда Леке не приходило в голову, что Тимоху, лучшего летчика эскадрильи, могут сбить раньше него. Прошло три недели с того дня, когда Тимоха, погнавшись за «рамой», не вернулся на аэродром, и Лека

даже не знал, жив ли он. В тот день Лека вылетал на разведку глубоко в тыл врага, и только потом товарищи рассказали ему, как это случилось.

Лека поднялся с земли, еще раз посмотрел на стоянки, где ожидали сигнала истребители, и подошел к своему «Яку», который был полностью готов к вылету. Сейчас ему предстояло повести шестерку Як-9 «на укол». Это был один из тех полетов, когда, залетев глубоко во вражеский тыл, часто на полный радиус действия самолета, истребители сами выбирали себе цель на земле и, неожиданно поразив ее своим огнем, сразу же возвращались домой.

Здесь, в Донбассе, линия фронта долгое время была стабильной, и немцы вели себя сравнительно спокойно. Но последние полмесяца во вражеской прифронтовой полосе стало заметно некоторое оживление: все чаще по дорогам двигались на восток колонны войск и техники, обозы, а это было признаком того, что враг что-то замышляет. Полеты «на укол» стали обычным явлением.

В эскадрилье сейчас насчитывалось всего шесть летчиков, из них двое новеньких, прибывших несколько дней назад. Теперь, когда Тимохи, заместителя командира эскадрильи, не было, а комэск Логинов лежал в госпитале после ранения, эскадрилью водил Лека, заменивший командира. Он еще не привык к своему новому положению и каждый раз тщательно продумывал весь полет, чтобы не упустить какую-нибудь важную деталь. Вот и сейчас, в последние минуты перед вылетом, он мысленно пролетел все расстояние до цели и назад.

Лека уже надевал парашют, когда откуда-то из-под мотора вынырнул техник Гриненко и, вытирая замасленные руки ветошью, с сочувствием спросил:

— Что, товарищ лейтенант, опять будете за «рамой» гоняться? Или какое другое задание?

Когда-то Гриненко мечтал стать летчиком, но в летное училище не попал: его забраковала летная комиссия. Однако он всегда живо интересовался всем тем, что происходило в воздухе.

— Другое.

— А как же «рама»? Так и будет своевольничать?

— Ничего, когда-нибудь я все-таки подловлю ее, проклятую! Не уйдет! — ответил Лека со злостью.

— Не уйдет! — уверенно повторил за ним Гриненко, но в голосе его прозвучали тревожные нотки.

В Донбассе воевал его младший брат, поэтому Гриненко был особенно заинтересован, чтобы «раму», которая наводила свою артиллерию на наши цели, сбили поскорее.

Лека молча влез в кабину, надел шлемофон. «Рама» не выходила из головы. Именно из-за этого самолета-разведчика, двухфюзеляжного «Фокке-Вульф-189», прозванного «рамой», был сбит Тимоха. Теперь Тимохи не было, а «рама» продолжала систематически появляться в районе передовой на том участке, где действовала эскадрилья.

Немецкая «рама» была неуловима. Почти каждый вечер, когда было еще светло, она прилетала к передовым позициям, неожиданно появлялась с запада, где опускалось солнце, и ходила вдоль линии фронта, корректируя расположение огневых точек и указывая цели своей артиллерии. Заметив «раму», дежурные истребители немедленно поднимались с аэродрома и спешили ей навстречу. Но догнать ее никто не мог. Она всегда успевала вовремя развернуться и скрыться, маскируясь в лучах заходящего солнца.

Чтобы встретиться с «рамой», Лека перепробовал все возможные варианты: дежурил на аэродроме в полной боевой готовности, сидя в кабине самолета и ожидая сигнала на вылет; барражировал в воздухе в том районе, где она обычно появлялась; выжидал на соседнем аэродроме, чтобы потом зайти наперерез ей, сбоку, — все напрасно. Летчик «фокке-вульфа» как будто заранее знал все планы Леки и читал его мысли. Ни разу «рама» не попала впросак.

Раньше за «рамой» охотился Тимоха. Когда однажды он все-таки выследил ее и, зайдя незаметно с тыла, с запада, попытался атаковать «раму», на него напали два «мессера», появившихся неизвестно откуда. Возможно, они охраняли самолет-корректировщик. Одного «мессера» Тимоха сбил, а что было дальше, никто не знал.

Лека ходил мрачный и злой. Его эскадрилья истребителей Як-9, приданная стрелковому корпусу, выполняла самые разные задания в интересах наземных войск, и только одно задание оставалось невыполненным. «Рама» неизменно уклонялась от встречи с истребителями. Она продолжала точно наводить свою артиллерию на цели, расположенные вблизи от передовой. Войска несли потери.

Наступило время вылета. По сигналу Лека поднялся в воздух первым, за ним взлетели остальные самолеты. Шестерка строем ушла на запад.

Полеты «на укол» проходили, как правило, успешно и почти без потерь. Внезапно появляясь над целью, истребители штурмовали вражеские аэродромы, железнодорожные станции, эшелоны, автоколонны на дорогах и вообще все, что представляло военный интерес. На этот раз Лека выбрал колонну грузовых

автомашин, которая двигалась по шоссе к фронту.

Истребители один за другим пикировали, штурмуя колонну. Сделав несколько заходов, «Яки» подожгли все двенадцать машин.

Домой Лека летел в отличном настроении. День был удачным: в первом вылете он сбил «юнкерс», теперь — успешный полет «на укол». Поглядывая на своих ведомых, он ни на секунду не прекращал следить за воздухом, чтобы избежать неожиданной встречи с немецкими самолетами: вступать в бой сейчас, когда почти все боеприпасы израсходованы, было бы неразумно.

Рядом летел Коля Черняк. Лека видел его лицо, обрамленное шлемом, и ему казалось, что это Тимоха. Сегодня Коля не отставал, во время штурмовки поджег две машины, и Лека был им доволен.

До линии фронта было уже недалеко, высоко в небе висели розовые пушистые облачка, и Лека подумал, что через какие-нибудь три-четыре минуты, когда самолеты приземлятся, он непременно объявит Коле благодарность, как вдруг он увидел ее… «Рама»! Двухфюзеляжный самолет, освещенный лучами закатного солнца, был отчетливо виден на фоне предвечернего неба. «Рама» ходила вдоль передовой и, как всегда, уточняла цели для обстрела. Видимо, она еще не успела заметить истребители, летящие с запада, и спокойно выполняла свою работу. От радости Лека задрожал. Нет, сегодня ему чертовски везло! Редкий случай. Теперь ненавистная «рама» не ускользнет! Сегодня он, Лека, зайдет со стороны солнца, и ей некуда будет деваться…

Вот только горючее… Полет «на укол» был долгим, и горючего оставалось в обрез. Лека быстро проверил количество бензина: стрелка показывала почти нуль. В баках осталось ровно столько, сколько было необходимо, чтобы дойти до своего аэродрома. Но размышлять об этом теперь, когда «рама» находилась под самым носом, не имело смысла. Отлично понимая, что другой такой возможности разделаться с пей уже не представится, Лека готов был идти на любой риск, только бы уничтожить проклятый самолет.

Зная, что у ведомых горючее тоже на исходе, он решил действовать один. Покачав крыльями, Лека приказал всем истребителям продолжать полет к аэродрому, а сам резко отвернул в сторону и стал набирать высоту, чтобы оказаться выше «рамы». В этот момент он увидел, что Коля по-прежнему летит рядом, отколовшись от группы. «Вот чертов парень! Лезет на рожон!» — выругался про себя Лека и снова приказал всем без исключения ведомым идти на аэродром. Неохотно Коля подчинился.

Ругая молодого летчика за непослушание, Лека в глубине души был признателен ему, что в трудную минуту он не хотел оставлять своего командира одного. Точно так поступил бы и Тимоха… Бросившись навстречу «раме» почти без горючего, Лека отчетливо представлял себе, чем это может кончиться.

Его истребитель мчался наперерез «раме», которая уже обнаружила самолеты и, не теряя времени, увеличила скорость, пытаясь отойти на большее расстояние. Крепко сжав ручку управления, Лека весь напрягся. Только бы не упустить! Догнать! Теперь, когда корректировщик наконец попался, он должен его уничтожить!

Лека заходил сверху сзади. «Рама» пыталась менять курс, виляя то вправо, то влево, но он упорно преследовал ее. Маневрируя, она стремилась уйти на север, туда, где линия фронта делала изгиб, и таким образом увлекала Леку глубже в свой тыл.

Но Лека теперь не думал ни о какой линии фронта. Удобнее момента не найти… Сейчас он выпустит в «раму» все снаряды до последнего! Прицелившись, Лека с силой нажал гашетку… Тишина!.. Эта тишина оглушила его сильнее, чем самый громкий взрыв. И хотя Лека отлично понимал, почему не стреляет пулемет и молчит пушка, понимал, что боеприпасы полностью израсходованы при штурмовке колонны, он продолжал яростно нажимать гашетку…

Воспользовавшись моментом, «рама» резко изменила курс, нырнув куда-то вниз. На какое-то время Лека потерял ее из виду, чертыхнулся, но тут же отыскал самолет и пошел прямо на него со снижением. Нет, не уйдет проклятая «рама»! И он снова вспомнил Тимоху, который, ничего не боясь, бросился за «рамой», охраняемой двумя истребителями… Лека мгновенно принял решение. Собственно говоря, он принял это решение еще тогда, когда заметил «раму», но только сейчас осознал по-настоящему. Ведь он с самого начала предполагал, что ему может не хватить ни горючего, ни боекомплекта. И тогда останется единственный способ — таранить «раму».

«Рама» отстреливалась. Но Лека подходил к ней сзади все ближе и ближе, стараясь уклониться от летящих в его сторону пулеметных трасс. Вражескому стрелку, сидевшему за турелью пулемета, трудно было вести прицельный огонь, так как «рама» виляла из стороны в сторону. Немецкий летчик еще не догадался, что истребитель стрелять не может.

Стиснув зубы, подавшись вперед, Лека слился со своим «Яком», ощущая любое движение истребителя как свое собственное. Перед ним был большой силуэт двухфюзеляжного

«фокке-вульфа» — больше для него ничего не существовало. Только «рама», которую он должен сейчас таранить.

Ближе… Еще… Вот он, хвост… Черные кресты на фашистском самолете выросли до небывалых размеров. Остаются считанные метры… Секунда — и воздушный винт «Яка» коснется хвоста… «Лучше рубить сверху», — подумал Лека и двинул ручку управления вперед, опуская нос истребителя на хвост «рамы».

При ударе самолет сильно затрясло, и Лека быстро отвалил в сторону. Тряска прекратилась. Винт истребителя продолжал вращаться, мотор работал: удачно… «Рама» клюнула носом и резко пошла вниз, кренясь набок. Теряя высоту, она валилась то на одну, то на другую сторону, и Лека с чувством удовлетворения подумал, что сейчас она упадет на землю и это будет ее конец. Он уже отвернул к линии фронта, думая теперь, как бы дотянуть до своих, потому что горючее могло кончиться с минуты на минуту, как вдруг заметил, что «рама», прекратив снижение, выровнялась, приняв нормальное положение, и, спокойно развернувшись, как ни в чем не бывало продолжала лететь на запад. Лека не поверил своим глазам — уходит! Значит, все напрасно? Значит, справилась или обманула?!

И опять он рванулся к «раме». Используя высоту, сумел догнать ее и занял выгодную позицию, чтобы повторить все сначала. Лека действовал обдуманно, сознавая, что на этот раз все будет гораздо сложнее. Чтобы сбить «раму» наверняка, он решил таранить ее на большей скорости.

Летчик «фокке-вульфа» уже не боялся обстрела, зная теперь совершенно точно, что истребитель стрелять не может. На полной скорости «рама» уходила на запад, увлекая за собой истребитель. Но Лека не отставал от нее.

И вот перед ним опять хвост «рамы». С двумя килями. Хвост, по которому сейчас с силой ударит воздушный винт истребителя… Снова Лека вспомнил Тимоху. Тимоха не успел… Значит, должен он, Лека… Факт! Ну, Лека!

Раздался сильный треск. Такой треск, что в первое мгновение Леке показалось — это разваливается на части его истребитель. Потом сразу стало тихо… В этот момент Лека не думал о себе. Важно было одно: свалить «раму».

Качнувшись с крыла на крыло, «рама» стала падать… Пронеслась мысль: неужели — опять?! Опять справится и… Нет, на этот раз удар был сильным, даже, кажется, слишком сильным…

При ударе о вражеский самолет пострадала и Лекина машина. На истребителе сломался винт, поврежденный мотор заглох. В наступившей тишине Лека перевел «Як» в

планирование, направив его в сторону линии фронта. Сам Лека был цел и невредим.

Истребитель, опустив нос, со снижением шел к земле, за ним тянулся дымный шлейф. Высота быстро падала, и уже не могло быть никаких сомнений, что до своих не дотянуть.

Несколько раз Лека оглянулся назад, следя за «рамой», которая, беспомощно кувыркаясь, неслась к земле.

Неожиданно откуда-то сверху на снижающийся «Як» спикировали два «мессера», развернулись над ним и, не сделав ни единого выстрела, ушли на восток. Очевидно, немецкие летчики решили, что на самолет, который был обречен, не стоило тратить ни времени, ни снарядов.

Мотор дымил все сильнее, в кабину стало пробиваться пламя. Хорошо понимая, что остается только одно — покинуть самолет, Лека медлил. Внизу были немцы. Прифронтовая полоса… Но прыгать надо было. Прыгать как можно скорее, пока еще возможно, пока есть высота…

Лека открыл фонарь кабины и, нащупав кольцо парашюта, вывалился из самолета, подхваченный струей воздуха. Когда над ним раскрылся белый купол и он почувствовал, что повис в воздухе, он стал разглядывать землю, проплывавшую внизу. Где-то на этой земле ему предстояло опуститься. В стороне у дороги что-то вспыхнуло, оттуда повалил дым. Лека догадался, что это взорвалась «рама»…

Вскоре он отыскал на земле свой истребитель, от которого тянулась светлая полоса дыма. Лека определил, что дым уносит ветром в восточном направлении, и это его обрадовало.

Он искал глазами траншеи передовой линии, но никак не находил. Парашют медленно вращался вокруг оси, и земля плыла, плыла по кругу, словно карусель. Но вот вдалеке блеснула извилистая лента реки, а перед ней Лека различил прерывистую ломаную линию траншей. Нет, слишком далеко… За рекой тоже были траншеи, еле заметная полоска, где находились паши позиции. Лека скорее угадывал, чем видел эту полоску. Нет, не дотянуть, факт…

Сердце сжалось… Никогда еще он не чувствовал, как больно сжимается сердце.

Если раньше, всего несколько минут назад, Леке было почти безразлично, что с ним произойдет и останется ли он жив, то сейчас, когда «рама» была уничтожена, когда сам он, потеряв самолет, опускался на территорию, занятую врагом, и почти не оставалось шансов, что его не заметят и не схватят сразу же после приземления, он страстно хотел спастись, не попасть в руки немцев, добраться до своих.

Солнечные лучи уже покинули землю, и она потеряла свою яркую окраску, но здесь, на высоте, Лека еще видел кусочек ослепительно багрового диска, медленно уходившего за горизонт, словно погружавшегося в далекое невидимое море. Исчезало солнце, и ему казалось, что вместе с солнцем исчезает надежда на спасение.

Парашют сносило на восток, и мало-помалу Лека стал замечать, что движется в сторону линии фронта гораздо быстрее, чем предполагал сначала. И вновь у него появилась слабая надежда, что, может быть, ему удастся перелететь узенькую полоску реки. Если, конечно, ничего не случится… А могло случиться самое страшное… Но сейчас Лека даже думать об этом не хотел. Только на всякий случай вытащил пистолет из кобуры и сунул в карман брюк.

По мере того как Лека снижался, предметы на земле становились все более крупными, и земля все быстрее набегала на него снизу. Теперь уже он совершенно отчетливо видел машины, стоявшие группами, ехавшие по дорогам, огневые позиции, отдельные деревья в садах и вдоль дороги, людей, которые снизу наблюдали за ним.

Приблизились и траншеи. Глубокие, разветвленные, с отростками, в которых были оборудованы пулеметные гнезда, они напоминали Леке длинных хвостатых ящериц с широко расставленными лапами. В траншеях ходили, сидели, стояли немцы в серо-зеленой форме. Многие, запрокинув голову, смотрели вверх, ожидая, когда приземлится летчик. Лека даже различал их лица…

Сильный ветер уносил парашют дальше, вот уже немецкие траншеи оказались прямо внизу, а высота еще есть, и Лека, боясь в это поверить, теперь уже точно определил, что опустится за рекой, где-то возле своих траншей. Он уже высматривал удобное для приземления место и даже нашел ровную, почти не изрытую площадку, когда увидел, что солдаты в немецких траншеях, спокойно стоявшие и наблюдавшие за ним, вдруг зашевелились, задвигались. Чувствуя, что движение это имеет прямое отношение к нему, Лека старался не думать о том, что вот сейчас-то и произойдет то страшное, чего он больше всего боялся…

На какое-то мгновение Лека закрыл глаза. И вспомнилась ему планерка, парашютная вышка, ребята-планеристы. И никакой войны еще нет, просто он прыгнул с вышки и летит вниз… А на земле ждут ребята, и Тимоха кричит: «Длинный, подогни ноги — запутаешься!..»

Когда он открыл глаза, то увидел, что немецкая траншея уже начала медленно уплывать назад, а немцы поспешно вскинули

автоматы, приготовившись стрелять. По спине у Леки пробежал холодок, и волосы зашевелились под шлемом. Неужели убьют?! Сейчас, когда он почти на земле, когда его ждут свои… Он это видел, видел, как махали из дальних траншей солдаты и что-то кричали. Может быть, кричали не ему а немцам, чтобы те не стреляли. Леке и самому хотелось крикнуть: «Подождите! Не стреляйте!»

Немецкая траншея медленно уплывала, и ветер сносил Леку дальше, к своим, за речку. Еще немного, всего несколько секунд — и он приземлится на ровной площадке, которую выбрал, сразу же за длинной изогнутой траншеей, где Леку ждали…

Но немцы целились в него, и Леке казалось, что целятся они уже целый час. Нет, не думать об этом! Не думать!.. Вот они, свои… Еще самую малость… Чуть бы подскользнуть — рановато… Только не смотреть в ту сторону, где целятся…

Один из немцев, махнув рукой, что-то крикнул остальным, присел, сдвинул каску назад и выпустил длинную автоматную очередь. Почти одновременно раздались другие выстрелы — немцы стреляли со всех сторон, прямо в Леку…

И сразу послышалось тяжелое уханье миномета, который стоял за дальними траншеями, — по немецкой траншее открыли огонь наши минометчики.

Сначала Лека почувствовал боль в ноге, потом толчок в грудь… Земля завертелась перед глазами. «Убьют!.. Не успею… Факт…» — мелькнуло где-то в гаснущем сознании.

Изрешеченный парашют камнем понесся вниз, не долетев до переднего края. Когда Лекины ноги коснулись земли, он уже не дышал.

Упал Лека на нейтральную полосу, и долго еще, до наступления темноты, из-за мертвого летчика велась перестрелка. А когда стемнело, его вынесли с нейтральной полосы свои разведчики.

Похоронили Леку в полку. О том, как он погиб, рассказал мне много лет спустя Виктор, узнавший об этом от Коли Черняка.

ТИМОХА

Поезд стоял на станции уже минут десять, но немецкие часовые все не открывали дверь вагона. Тимоха слышал, как снаружи, возле поезда, ходили люди, что-то перетаскивали, гремели ящиками, выкрикивали по-немецки.

Прикинув, сколько сейчас может быть времени, Тимоха решил, что, вероятнее всего, уже полночь. Какая-то крупная станция. Но какая? Куда идет поезд? И сколько времени они проехали?

Он лежал на полу, подложив под голову свернутую рубаху. В вагоне-теплушке смешались запахи пота, табака, пропитанных гноем бинтов. Было жарко и душно.

У двери негромко ругнулся Степан:

— Сволочи! Откроют или нет?

Пока шел поезд, Степан с остервенением работал перочинным ножом, вырезая отверстие в стенке вагона, через которое можно будет рукой открыть запертую снаружи дверь. Крепкое дерево не поддавалось, Степан весь взмок, работая, и теперь ему хотелось глотнуть хоть немного свежего воздуха, охладиться.

Прильнув к двери, он прислушался, потом обернулся к Тимохе:

— Ты спишь?

— Кто ж тебе откроет ночью? — сказал Тимоха. — Да и ни к чему: заметить могут.

— Не заметят. Темно сейчас.

— Этот рыжий такая собака — все видит.

Степан сел на пол и вытянул ноги, опершись спиной о дверь: во время остановки следовало отдохнуть. Да и шум, даже слабый, мог привлечь внимание часовых. Как ни трудно было долбить стенку тупым ножом, Степан никому не хотел доверить эту работу.

В углу вагона мерцал желтоватый огонек коптилки, и неверный свет его освещал лежащих на полу людей. Многие спали, изредка тревожно вскрикивая во сне, раненые тихо кряхтели. Все это были летчики со сбитых самолетов, взятые немцами в плен. Сначала немцы держали их вместе с другими пленными во временном лагере в прифронтовой полосе, где сортировали всех по группам, но потом, отобрав отдельно летчиков, которых оказалось пятнадцать человек, привели их однажды вечером на вокзал, посадили в поезд и теперь везли куда-то на запад в специальный лагерь.

Тимоха никак не мог смириться, что он в плену, что его увозят все дальше, в глубокий тыл к немцам. Он задумал бежать и среди летчиков быстро нашел себе товарищей, которые поддержали его план и согласились бежать вместе с ним. Собственно, над планом особенно думать не пришлось: главное — выбраться из поезда, а там уже оставалось действовать соответственно с обстановкой. Могло случиться так, что беглецов схватят сразу же. Если же им удастся каким-то чудом продержаться некоторое время, то и в этом случае добраться до линии фронта и перейти ее было делом почти невозможным. Однако Тимоха и его товарищи твердо решили бежать, независимо от того, чем это кончится.

Многие хотели присоединиться к ним, по большинство летчиков были ранены и слишком слабы физически. Прежде всего они были не в состоянии прыгнуть с поезда на полном ходу…

— Тронется поезд — я буду долбить. Моя очередь, — сказал Тимоха.

— Лежи. Я сам справлюсь, — решительно возразил Степан и, словно извиняясь перед Тимохой, добавил: — Силу приложить хочется. Понимаешь, такая энергия появилась — не могу ждать, на волю хочется!

Тимоха не возражал: Степан был крупным, сильным, а точнее выразиться, могучим человеком. Летал он на бомбардировщике СБ, а до войны на тяжелом четырехмоторном ТБ-3. Дважды его подбивали, по первый раз он посадил самолет на своей территории, а во второй, когда его бомбардировщик загорелся в районе Киева, он прыгнул с парашютом, но, неудачно приземлившись на лес, ударился головой о дерево и потерял сознание. Немцы быстро нашли его…

— Надо успеть до рассвета. Успеешь? — спросил Тимоха.

— Успею. Ты же сам знаешь, быстрее меня никто не сможет.

В этот момент послышался свисток, стукнули буфера, и поезд тронулся, постепенно набирая скорость. Степан поплевал на руки и, не теряя времени, принялся за работу.

Вагон слегка покачивало, и Тимоха закрыл глаза. Мысли его вновь и вновь возвращались к прошлому, к тому дню, когда он погнался за «рамой». Он легко мог тогда сбить ее, если бы не те два «мессера», которые неожиданно выскочили из облака. Сначала, отрезав Тимоху от «рамы», они повредили его самолет. Но он мог еще драться и дрался до последнего! Когда же кончились боеприпасы, немцы решили посадить его на свой аэродром… Сверху они все больше прижимали его к земле, зажав в клещи, но Тимоха не хотел садиться и бросил свой «Як» прямо на «мессера». Ударив немца, «Як» резко пошел к земле, но прыгать с парашютом было уже поздно: не оставалось высоты… Перед посадкой Тимоха успел только выровнять самолет и отбросить фонарь кабины.

Очнулся он на земле. Тело ныло, словно после жестоких побоев. Лежал Тимоха на боку, в неудобной позе, придавив руку, но шевельнуться боялся. Первое, что он увидел, был сапог. Большой черный сапог у самого лица, а рядом высились тонкие травинки, сквозь которые он рассмотрел хвост самолета. Как показалось Тимохе, хвост торчал прямо из земли. Фюзеляжа не было видно — его скрывала густая трава. Тимоха сразу узнал хвост своего истребителя, сообразив, что его самого выбросило из кабины при ударе о землю.

Он прислушался: за его спиной говорили по-немецки. Немцы… Они сейчас уведут его. И он ничего не может поделать.

Скрывая, что очнулся, Тимоха опять закрыл глаза и, замерев,

напряженно ждал, что будет дальше. Тупо болел затылок, думать было тяжело. Хотелось шевельнуться, освободить затекшую руку, которую он прижал своим телом, но он решил лежать так, не двигаясь, пока было возможно.

Немец, стоявший рядом, заметил, что Тимоха пришел в сознание, что-то крикнул, и в тот же миг Тимоха почувствовал удар в живот. Дернувшись, он невольно издал короткий стон и тут же прикусил губу… Его снова ударили, и он открыл глаза.

Немец, которого в следующий момент увидел Тимоха, был в серо-зеленой форме с расстегнутым воротником и почему-то держал фуражку под мышкой. Может быть, так было удобнее бить…

Повелительным жестом он приказал Тимохе подняться. Отойдя в сторону, смотрел, как Тимоха, пытаясь встать, падал на землю. Наконец, когда тот остался стоять, подал знак обыскать его.

Тимоха, пошатываясь, стоял, пока два немца обыскивали его. В голове гудело, левое плечо болело, рука отекла, и он почти не чувствовал ее. Правое колено было разбито, кровь пропитала брюки…

Было еще темно, когда Степан разбудил Тимоху.

— Вставай. Все готово.

Тимоха сел, растер обеими руками колено, которое все еще болело, вопросительно посмотрел на Степана:

— Всех разбудил?

— Всех. Четверо нас. Семен отказался: опять рана открылась. Говорит, обузой будет…

— Значит, четверо, — машинально повторил расстроенный Тимоха и посмотрел в ту сторону, где лежал Семен.

Илья и Василий поспешно надевали рубахи, завязывали шнурки на ботинках. К этому времени все в вагоне проснулись, чтобы попрощаться с теми, кто собрался бежать. Огонек коптилки нервно вспыхивал, и в полутьме вагона резкие тени на лицах придавали им фантастический вид: впавшие глаза, провалившиеся рты…

Больной Семен лежал в дальнем углу, отвернувшись к степе, безучастный ко всему. Зная, что сейчас ему особенно плохо от сознания своего бессилия и обреченности, Тимоха подошел к нему, тронул осторожно за плечо.

— Семен, что — передумал?

Тот молча повернулся, печально кивнул головой. Бледное и худое лицо его показалось Тимохе еще более худым, чем всегда.

— А может, все-таки попробуешь? — спросил Тимоха неуверенно, сознавая в душе, что совершенно больной Семен

долго не протянет и говорить о побеге бессмысленно. — Может, попробуешь?

Семен отрицательно качнул головой, вздохнул и хотел сказать что-то, но закашлялся и безнадежно махнул рукой. Кашлял долго, а когда отдышался, через силу сказал:

— Желаю всем… дойти до своих… А я… — Он опять махнул рукой. — Всего доброго! Прощай, Володя…

Горячая волна обожгла Тимоху — ему было до слез жаль Семена.

— Не-ет! Не прощай!.. Держись, Семен, я тебя найду! — убежденно воскликнул он, стараясь вселить надежду в сердце Семена.

В ответ Семен слабо улыбнулся, и у Тимохи защемило сердце: нет, никогда им не увидеться больше, потому что у Семена, с которым Тимоха подружился в лагере, кроме всего прочего, открылась чахотка. Покидая друга, Тимоха чувствовал себя так, будто совершал предательство. На душе было скверно.

У двери ждали Тимоху Степан, Илья и Василий. Черноглазый, подвижный Илья Барковский и спокойный, уравновешенный Василий Горбачев летали вместе с самого начала войны и давно дружили. Илья был штурманом, а Василий стрелком на бомбардировщике Пе-2. Случилось так, что над целью их самолет загорелся. Командир экипажа, приказав обоим прыгнуть с парашютом, сам не успел сделать то же самое и сгорел вместе с самолетом. То, что они остались живы, а летчик погиб, мучило обоих, и они чувствовали за собой вину, которой, в сущности, не было: командир экипажа всегда покидает самолет последним…

— Прыгать будем быстро, один за другим. Чтобы не растягиваться. Ясно? — распорядился Тимоха.

— Ясно! — весело ответил Илья, смотревший на все оптимистически и веривший в удачу. — Кто первый?

— Сначала прыгну я, — сказал Тимоха. — Потом Илья, за ним Василий и Степан. Собираемся в обратном порядке.

— Вася, не отрывайся от меня, держись за мою штанину! — пошутил Илья. — Погибать — так вместе!

Степан уже взялся за дверь, нетерпеливо поглядывая на Тимоху.

— Давай открывай! — скомандовал Тимоха, стараясь скрыть волнение.

Сильным движением руки Степан отодвинул дверь, и в вагон ворвался свежий ночной воздух. На звездном небе рядом с поездом плыл двурогий месяц. Все молча стояли, глядя перед собой: там, за дверью вагона, открывался новый мир.

Повернувшись к летчикам, которые оставались, Тимоха,

прощаясь, поднял руку.

— Ну… если выживем, встретимся!

— Счастливого пути! Дай вам бог!.. — послышалось со всех сторон. — Ни пуха…

Поезд замедлил ход на подъеме, и Тимоха, высунувшись из вагона, посмотрел вперед. Не обнаружив в темноте ни столбов, ни деревьев, которые могли бы помешать прыгать, предупредил:

— Приготовиться! Ну, пора…

Он присел, держась рукой за край двери, с силой откинулся назад и соскользнул вниз, в темноту. Последняя мысль перед прыжком была: «Колено… Только бы не повредить ногу…»

Скатившись со склона, Тимоха замер. Мимо, громыхая, мчался поезд. Дрожала земля, вагоны, словно спотыкаясь, стучали на стыках рельсов. Приземлился Тимоха удачно, однако волнение только усилилось.

Поезд прошел, и Тимоха, жадно вглядываясь в темноту, прислушался. Все ли прыгнули? И сразу ли?

Было тихо. Как условились, Тимоха посвистел, подражая птице. Никто не ответил. Он свистнул еще несколько раз — никакого ответа. Видно, следовало просто подождать немного.

В небе висел серп луны, и, хотя слабый свет его почти не достигал земли, темнота, к которой Тимоха постепенно привык, уже не казалась сплошной. Вдалеке тускло мерцали огоньки — там было селение.

Тимоха не представлял себе, где находится. Знал только, что это еще Украина — дальше поезд просто не успел отъехать.

Прошло еще некоторое время, и пора бы уже появиться Илье, но никто не приходил. Тимоха свистел все чаще. Наконец издалека донесся условный свист, и вскоре из темноты появился Илья. Одной рукой он раздвигал кусты, другая была прижата к виску.

— Вася пришел? Нет? — поспешно спросил он.

— Пока ты один. Что с головой?

Илья отнял руку от виска — на ладони темнела кровь, но он не обратил на это внимания.

— Я ждал его… Где же он? Где?

Говорил он торопливо, встревоженным голосом, словно знал наверняка, что с другом что-то случилось.

— Постой, Илья, Степана тоже нет. Придут, — успокаивал его Тимоха, который и сам тревожился. — Давай перевяжу голову.

Из кармана Тимоха достал кусок старого бинта и стал перевязывать Илью.

— Бочка попалась какая-то. Одна-единственная… Специально для меня. Слушай, надо их искать!

— Пошли! — сразу согласился Тимоха, не выносивший неопределенности.

Время от времени посвистывая, они тихо пошли вдоль железнодорожного полотна. Но вот раздался ответный свист. Степан шел один, тяжело дыша.

— А Вася? Где Вася?! — почти крикнул Илья.

Степан перевел дыхание.

— Василий там… Разбился…

— Как?! Не может быть! Не верю!

— Объясни толком, Степан, — сказал Тимоха.

— Трубы там сложены. Прямо в них врезался. Похоронить надо.

— Похоронить надо, — как эхо, отозвался Илья.

Не в силах сдержать своего горя, он застонал.

Когда Степан отыскал место, где лежал Василий, все трое стали рыть могилу. Песок разрывали чем придется: палками, камнями, голыми руками. Выкопав достаточно глубокую яму, опустили туда тело Василия и могилу забросали песком.

Приближался рассвет. Нужно было решать, как действовать дальше. Каждый понимал, что без еды, без какого-то убежища им долго не продержаться. Раньше ими двигало одно-единственное желание — бежать, скорей бежать из плена, чего бы это ни стоило, а о том, что будет дальше, они особенно не задумывались, теперь же, очутившись во вражеском тылу, без еды, без оружия, с одной лишь надеждой на спасение, они поняли, в каком трудном положении оказались.

Степан вспомнил, что, прыгнув с поезда, он скатился в небольшой овражек. Для начала можно было спрятаться в этом овражке, отойдя немного от железнодорожного полотна.

Минут пять шли они по дну овражка, который затем сворачивал в сторону селения. Когда-то здесь бежала неглубокая речка, она пересохла, от нее остался лишь светлый песчаный след.

Настроение у всех было подавленное. Илья, обычно говорливый и веселый, молча брел сзади, отставая и спотыкаясь.

— Возьми себя в руки, Илья, — сказал Тимоха. — Впереди, знаешь, еще много такого…

Кивнув, Илья не ответил.

Прошли еще немного по оврагу, глубина которого здесь была чуть больше человеческого роста. Тимоха поднялся наверх.

Стояла тишина. Только далекий лай собак доносило ветром из поселка. Тимоха вглядывался в сероватую даль, решая, стоит ли подходить близко к селению. Постепенно светлело.

— Я думаю, не в ту сторону мы подались. Не угадали в

темноте, — раздался рядом голос Степана, неслышно приблизившегося к Тимохе. — Вон туда посмотри! — Степан показал рукой в противоположную от селения сторону, где за железной дорогой темнела гора, вся поросшая лесом.

— Лес! — воскликнул Тимоха.

— То-то. А тут же голое место: переловят как щенят.

Теперь уже хорошо было видно, что лес не только покрывает всю гору, но тянется дальше, к востоку, подходя почти вплотную к железной дороге.

Не теряя времени, они повернули обратно и вскоре пересекли железнодорожное полотно. Спустя четверть часа вошли в лес.

Прошел день, другой. Забравшись в глубь леса, они двигались то на север, то на восток, ориентируясь по солнцу, по северной стороне деревьев, покрытой мхом, по звездам. Шли осторожно, стараясь не приближаться к изредка попадавшимся по пути лесным хуторам.

К концу третьего дня, измучившись, изголодавшись, решили подойти к небольшому хутору. Оставив друзей в кустарнике на опушке леса, Тимоха пошел в село один. В огороде у крайнего домика он увидел пожилую женщину и, убедившись, что она одна, заговорил с пей.

Женщина недоверчиво смотрела на Тимоху, грязного, заросшего. На вопросы отвечала односложно, неохотно. О партизанах ничего не знала или просто не хотела говорить. Сказала только, что немцев в хуторе нет, но были полицаи, — это единственное, чего смог добиться от нее Тимоха. Правда, она дала ему хлеба и картофельных лепешек.

От хутора они не ушли, а решили переночевать поблизости. На следующий день опять попытались порасспросить женщину о партизанах, но женщина упорно отмалчивалась, однако снова накормила их. Прощаясь, Тимоха сказал:

— Вы, мамаша, все же шепнули бы про нас хорошим людям… Пропадаем…

Потеряв надежду найти партизан, Тимоха и его товарищи собрались уже отправиться дальше, как вдруг под вечер увидели подводу на лесной дороге. Рядом с подводой шел, держа вожжи, пожилой мужчина в картузе, старом пиджаке, сапогах. Подвода ехала в лес.

Все трое притаились в кустарнике, наблюдая за ней. Мужчина спокойно шагал, тяжело ступая по траве, и, дойдя до поворота, остановился, кого-то, видно, поджидая.

Жадно следивший за ним Тимоха неожиданно услышал сзади шорох и резко обернулся: в двух шагах стояли трое парней с автоматами.

— Руки вверх! Быстрее! — крикнул парень в кубанке набекрень.

— Кто такие? — спросил другой.

Тимоха не спешил отвечать. «Не полицаи ли? — мелькнула мысль. — Или партизаны? Тетка сообщила…» Однако из осторожности продолжал молчать.

— Ну? Как сюда попали?

— Может, это фрицы? Не понимают…

— Пойму-ут! — уверенно сказал тот, что в кубанке. — Отведем их куда следует, там разберутся!

…Около четырех месяцев воевал Тимоха в партизанском отряде. Без него не обходилась ни одна операция. Однажды во время вылазки он был тяжело ранен в бедро. Самолетом его перебросили через линию фронта в госпиталь, а когда он выписался, стал разыскивать свою часть. С большим трудом добился Тимоха, чтобы его направили на фронт, в ту же эскадрилью, где он воевал раньше, где остались его боевые друзья. Тимоху радостно встретили летчики, но Леки среди них уже не было…

ВИКТОР

На этот раз Виктору предстоял долгий полет во вражеский тыл к партизанам.

— Учтите, Ганченко, посадочная площадка очень мала: обычная поляна в лесу. Планер приземлиться может, а уж самолет никак. Сесть-то, пожалуй, сядет, а вот взлететь — гиблое дело. Ясно?

Командир полка десантных планеров говорил не торопясь, глядя в упор на Виктора.

— Понятно, товарищ полковник.

— Да и груз у вас опасный — взрывчатка, — продолжал он. — Главное — точный расчет и мягкая посадка.

— Постараюсь. Не подведу.

— Который это у вас вылет?

— Пятый, — ответил Виктор и поспешно добавил, опасаясь, как бы командир не передумал посылать его: — Я уже привык — ночью вижу, как кошка, даже лучше!

Он улыбнулся, но полковник остался серьезным.

— Придется, Ганченко, погостить вам немного у партизан. Только не лезьте на рожон. Ну, а планер… Планер придется уничтожить.

Виктор знал, что если на площадке может сесть только планер, а для самолета-буксировщика она мала, то судьба планера предрешена: после посадки его уничтожают. Трудно с этим мириться, но другого выхода нет — планер, не имеющий мотора, сам подняться в воздух не может. В таких случаях летчик остается у партизан, пока не появится возможность улететь обратно в свой полк.

Вылет был назначен на одиннадцать вечера. В темноте Виктор поднял в воздух тяжелый планер, нагруженный ящиками с патронами и динамитом. Самолет-буксировщик, к которому на тросе был прицеплен планер, взял курс на запад.

Маршрут полета был выбран так, чтобы обойти укрепленные районы с прожекторами и зенитками, и все-таки после пересечения линии фронта самолет и планер попали под обстрел.

Услышав звук мотора, немцы немедленно включили прожекторы. Длинные лучи заскользили по небу и вскоре обнаружили самолет, а вместе с ним и планер. В кабине стало светло. Виктор чертыхнулся и крепче сжал ручку управления. Свет прожекторов бил в лицо, Виктор старался не смотреть на ослепительно яркие зеркала внизу, напряженно следил за самолетом, угадывая его движения, чтобы моментально отреагировать на любой маневр. Освещенный самолет летел, меняя курс, уклоняясь от лучей, но они цепко держали его в перекрестье: с планером на прицепе летчику трудно было маневрировать.

Раздался сухой треск… Еще… Громыхнуло совсем близко…

Зенитные снаряды рвались справа, слева, выше. Виктор почувствовал, как застучало в висках. Стало вдруг нестерпимо жарко — вспотела спина, ладони стали влажными… Один маленький осколок в динамит — и конец…

Опытный летчик уводил самолет в сторону от обстрела. Вот зенитки стали стрелять реже, отключились один за другим прожекторы. Виктор вытер рукавом потный лоб и с облегчением

вздохнул, сказав сам себе: «Все в порядке, Ганченко! Привыкай, черт возьми! Ты сам хотел этого. Долго ты боролся, чтобы обрести крылья, и вот теперь, когда Родина поручила тебе…» Тут он вспомнил Тимоху, который вдруг сурово глянул на него сквозь годы. Сколько лет прошло с тех пор? Четыре? Да, Тимоха сейчас непременно бы нахмурился и осуждающе произнес: «А если без патетики!»

Улыбнувшись, Виктор пожалел, что нет рядом его друга, — жизнь давно разбросала друзей в разные стороны, и где теперь Тимоха, он не знал. Недавно пришло письмо от Вали Чугариной — случайно, от знакомого летчика она узнала адрес Виктора. Валя писала, что стремится на фронт и обязательно добьется своего, а пока летает в аэроклубе инструктором, учит курсантов.

За год до начала войны Виктора призвали в армию. Оп просился в авиацию, но попал в пехоту. Его друзья по планерке, в том числе Тимоха, уже были приняты в военные летные училища, и только для Виктора, которого даже в аэроклуб не приняли из-за того, что на левой руке не разгибался палец, авиация осталась мечтой. И чем недосягаемее становилась эта мечта, тем сильнее одолевало его желание летать.

В пехоте Виктор, рядовой красноармеец, делал бесконечные попытки хоть как-нибудь приблизиться к авиации, но самое большое, чего он смог добиться, — охранять самолеты на аэродроме. Проходя мимо самолета, он любил прикоснуться к прохладной обшивке крыла, провести рукой по гладкой поверхности, даже обратиться к самолету, как к живому, с ласковыми словами. С завистью смотрел Виктор, как летчики, приехав на аэродром, расходились по стоянкам, выруливали на старт свои «чайки», как, совершив тренировочный полет, возвращались на землю, обсуждали ошибки, делились впечатлениями. Иногда ему казалось, что и он там, среди них…

Воинскую часть, в которой служил Виктор, перебросили на запад, ближе к границе. Проводились большие маневры, в которых должна была участвовать и авиация. Как обычно, к самолетам выставили часовых, и Виктору досталось дежурить в ночную смену. Он ходил с винтовкой, охраняя аэродром, изредка переговариваясь со своим соседом, рыжим Петькой. Очень хотелось спать, и Виктор, чтобы перебороть сон, начал тихонько напевать. Петька, стеснительный деревенский парень, услышав, как поет Виктор, с восхищением повторял:

— Вон ты как умеешь! Мне бы так… Ну еще чего-нибудь спой, душевное…

Смена должна была прийти только утром, и Виктор перепел уже почти все песни, какие знал, когда вдруг на рассвете увидел бегущего к ним лейтенанта.

— Вроде бы рано еще, — сказал Петька, с удивлением глядя на спешащего лейтенанта. — Бежит…

Приблизившись, лейтенант перешел на шаг и остановился.

— Война, ребята…

Виктор смотрел на него во все глаза: вот оно, то самое, о чем говорил Тимоха. Война!.. И почему-то в эту минуту подумал о том, что в свои девятнадцать лет еще ни разу не поцеловал девушку, ни разу не был в Большом театре, куда так мечтал сходить…

Граница была близко, и уже на следующий день воинской части было приказано занять оборону у шоссе, куда немцы могли бросить свои танки.

Потом были тяжелые бои. Отступление. Сражение за Киев. Потрепанную в боях дивизию, в которой воевал Виктор, отозвали на переформирование.

В это время, узнав, что в Москве создается специальный отряд из пилотов-планеристов для участия в десантных операциях, Виктор стал настойчиво проситься туда. Однако просьбы его были напрасны — в дивизии не хватало людей.

Новый комиссар дивизии, недавно назначенный, к которому в конце концов обратился Виктор, выслушал его внимательно и задумался.

— Вы пилот? А свидетельство у вас есть?

— Есть! — выпалил Виктор и тут же, покраснев, смешался. — То есть нет… Но я действительно летал!

— Как же так? Никакого документа? А почему вы сразу не пошли в авиацию? — поинтересовался комиссар.

Виктор замялся:

— Понимаете, товарищ комиссар…

— Расскажите-ка все подробно, не стесняйтесь.

И Виктор рассказал ему все — и про планерку, и про палец, из-за которого его не приняли в аэроклуб. Увлекшись, он допустил некоторое преувеличение: небольшой планерный кружок при Доме пионеров превратился у него в настоящую планерную школу, а простенькие полеты над холмами — в продолжительные полеты за самолетом-буксировщиком. Однако это преувеличение понадобилось Виктору лишь для того, чтобы просьба его звучала более убедительно.

Говорил он горячо, с вдохновением, и комиссар, человек умный, с большим жизненным опытом, понял, что Виктор по-настоящему любит авиацию. Неизвестно, поверил ли он ему до

конца, тем не менее обещал помочь. Слово свое комиссар сдержал, и вскоре Виктор очутился в Москве, в Тушино, где происходило формирование отряда планеристов.

Здесь, пока комплектовался отряд, пилоты занимались теорией. Среди пилотов Виктор встретил многих известных планеристов, рядом с которыми чувствовал себя неоперившимся птенцом, и то, что он выдавал себя за такого же мастера, каким был каждый из них, постоянно угнетало его. Будущее пугало Виктора: что же будет дальше, когда узнают, что он практически не имеет никакого опыта, никогда не летал за самолетом-буксировщиком и вообще поднимался на планере не выше ста — ста пятидесяти метров?..

Но делать было нечего, он принял решение и отступать не собирался, надеясь на то, что сумеет одолеть все, что ему предстояло, — ведь он так мечтал летать. И Виктор делал вид, будто давно уже все постиг в летном деле и самые сложные полеты для него — сущий пустяк.

Сначала все шло хорошо: теоретические предметы давались ему легко — в свое время, увлекаясь авиамоделизмом, он перечитал множество книг по авиации, в том числе учебники по аэродинамике, и теперь удивлял всех своими знаниями. На занятиях он блестяще отвечал на любой вопрос, его хвалили. Однако, как ни храбрился Виктор, в сердце у него жила постоянная тревога, и он со страхом ждал проверки техники пилотирования: а вдруг его отчислят после первого же полета?..

Наконец всю группу отправили в летную школу, где пилоты после небольшой тренировки и проверочных полетов должны были пересесть на тяжелые транспортные планеры, чтобы уже в ближайшем будущем выполнять боевые задания, или, как тогда говорили, «летать на войну».

Наступил день, когда назначены были полеты. С утра Виктор ходил сам не свой. Ему казалось, что это вообще последний день его жизни. Он понятия не имел, как ведет себя планер во время полета на буксире за самолетом. Страшно было садиться в планер и стыдно было показать себя в худшем свете — ведь он сознательно обманывал всех…

На аэродроме инструктор, надеясь на него, как на одного из лучших пилотов, сказал:

— Ганченко, вы сегодня полетите первым. Вы отлично кончили теоретический курс, покажите теперь, как вы летаете.

— Есть! — срывающимся голосом произнес Виктор и почувствовал, как задрожали колени и мгновенно пересохло во рту.

Сейчас все должно было решиться — быть ему пилотом-

планеристом или нет. Он готов был провалиться сквозь землю, но показать, что он не уверен в себе, или тем более признаться, что это его первый полет на высоту за самолетом-буксировщиком, уже не имел права. Он должен справиться!

Этот первый полет запомнился ему на всю жизнь. Уже сидя в кабине, перед самым взлетом, Виктор посмотрел на инструктора глазами, в которых светилась мольба о прощении. Но инструктор, ничего не подозревая, только спросил:

— Что, соскучился? Давно не летал?

Виктор молча кивнул, опустив глаза.

Кое-как взлетев за самолетом, он сразу понял, что справиться ему будет трудно и сейчас все откроется. И конечно же, после посадки инструктор не захочет даже разговаривать с ним.

Планер мотался в воздухе на тросе, то взмывая кверху выше самолета, то проваливаясь вниз. Виктор не успевал следить за самолетом, резко двигал ручку управления, чтобы восстановить положение, но получалось еще хуже. Буксировочный трос, который пугал его, то провисал так, что планер чуть не налетал на самолет, то натягивался и вот-вот готов был оборваться. Виктор весь взмок от напряжения, но ничего не получалось.

Сидевший в задней кабине инструктор без конца повторял терпеливо и настойчиво:

— Куда вы? Пвавненько, Ганченко! Пвавненько! Не дергайте! Где самолет? Вы его видите?

Но даже это ласковое «пвавненько» нисколько не помогало. Сначала Виктор слышал голос инструктора, который поправлял его, подсказывал, что делать, но вскоре инструктор умолк и до конца полета не произнес ни слова. Решив, что все кончено, Виктор уже не мог сделать как следует даже то, что умел — посадить планер, и плюхнулся на землю как мешок.

Инструктор долго молчал, ошеломленный: от Ганченко, который так блестяще отвечал на занятиях, мог подробно и красочно рассказать, как выполнить любую из фигур высшего пилотажа, который уверял всех, что он опытный планерист, трудно было ожидать такое…

Заметив, с каким жалким, убитым видом ждет Виктор от него замечаний о полете, инструктор с удивлением спросил:

— Что с вами, Ганченко? Вы же всегда так…

Он не договорил. Ему стало жаль Виктора, хотя он никак не мог понять, почему полет был таким неграмотным, из ряда вон выходящим.

— Разрешите, я еще раз слетаю! — с отчаянием в голосе воскликнул Виктор, набравшись храбрости.

— Да-да, конечно… Давайте еще разок! — обрадовался

инструктор, надеясь, что, может быть, теперь все будет по-другому: мало ли что бывает — возможно, человек просто очень волнуется, или большой перерыв в полетах…

Он подробно проанализировал весь полет и напомнил Виктору еще раз элементарные для планериста правила.

Однако и на этот раз Виктор не обрадовал инструктора, хотя некоторые из ошибок, которые он допускал в первом полете, он уже не повторял. Но появились новые… И тогда инструктор догадался, что никогда Ганченко подобных полетов не совершал.

На земле он, ни о чем не спрашивая Виктора и не давая никаких указаний, распорядился:

— Еще полет!

Ждавшие своей очереди пилоты недоуменно переглядывались: ведь каждому сегодня положено было сделать всего один полет, а Ганченко летал два раза, да и то плохо.

В воздухе инструктор опять требовал ласково и настойчиво:

— Пвавненько, Ганченко! Не рвите! Не тараньте самолет!

Виктор старался изо всех сил, но еще многое у него не получалось. Когда планер приземлился, инструктор устало откинул голову назад и сухо сказал:

— На сегодня хватит, Ганченко.

Не вылезая из кабины, он сразу же занялся другим пило том, даже не взглянув на Виктора. Виктор же остался стоять у планера, теребя в руках шлем, весь в поту, багровый от смущения и глубоко несчастный от того, что обманул надежды инструктора, что все пилоты видели его позор. В то же время он испытывал безграничную благодарность к инструктору, который не высадил его после первого же полета и даже сказал: «На сегодня хватит…» Это значит, что его не отчислят! Значит, он будет летать! Будет!

И Виктор летал и летал, пока не научился всему тому, что должен был уметь еще в первом полете.

Уже спустя месяц с лишним он начал летать на транспортных планерах, возил грузы партизанам, сбрасывал десантников во вражеский тыл.

…Прошло два часа, а Виктор все еще летел за самолетом на буксире. Под крылом планера тянулись черные лесные массивы, пересеченные мелкими речушками, похожими одна на другую. Этот глухой лесной край белорусские партизаны прочно удерживали в своих руках.

Наконец впереди на земле показались огни. Это были костры, зажженные партизанами на посадочной площадке. Приближался решающий момент — посадка.

Самолет-буксировщик помигал огнями — сигнал отцепки, и

Виктор, отцепившись от самолета, перешел на планирование. Сейчас от него требовалось большое мастерство: чтобы посадить тяжелый планер ночью на небольшую площадку в лесу, нужна была идеальная точность в расчете.

Выложенные в ряд костры чуть освещали поляну красноватым светом. Виктор прикинул, как будет садиться. По направлению дыма от костров определил, что придется заходить с боковым ветром. Это усложняло посадку. Но делать нечего — придется с боковым…

Продолжая снижение, Виктор заходил на посадку, подвернув планер так, чтобы его не отнесло ветром от огней. У первого костра стояла группа людей. Они ждали Виктора, ждали патроны и взрывчатку.

Вот и обрез леса… Нужно приземляться. Ниже, ниже… «Ну, Ганченко, не подкачай! — сказал сам себе Виктор, добирая ручку на себя. — Пвавненько…»

Планер зашуршал по сухому песку, скользнул немного вперед и остановился.

К Виктору бежали партизаны. А в темном небе кружил самолет: летчик хотел убедиться, что на земле все благополучно.

ВАЛЯ

В этот день Валя Чугарина летела на правый берег Днепра уже в третий раз. Из четырех тяжелораненых, которых она за два рейса перевезла в тыловой госпиталь на своем санитарном По-2, один умер, не долетев до госпиталя. В памяти все время всплывало бледное лицо лейтенанта и его тяжелый, неподвижный взгляд.

Когда в отсек самолета грузили носилки, Валя помогала санитарам. Солдат с огромной перевязанной вдоль и поперек головой, так что и глаз не было видно, не переставая стонал. У другого раненого, молодого парня, накрытого шинелью с погонами лейтенанта, было худое, со впавшими щеками, но красивое лицо, темные вьющиеся волосы прилипли ко лбу. В тот момент, когда носилки стукнулись о дверцу, он молча прикусил губу, и Валя мгновенно предупредила: «Осторожно! Поаккуратней, ребята!» Лейтенант медленно повел глазами в ее

сторону, и от жалости к нему у Вали что-то дрогнуло внутри, собралось в тяжелый комок. Медсестра уставшим голосом сказала: «Старайтесь, чтоб не трясло. Ему нельзя…» И Валя летела осторожно, плавно, «блинчиком» делая развороты, и посадила самолет впритирку, будто садилась не на землю, а на смазанную маслом поверхность. Но лейтенант все равно умер…

С тех пор как здесь, на Украине, началось большое наступление, прошло всего три дня. Под сильным вражеским огнем пехота форсировала Днепр и теперь, закрепившись на правом берегу, цепко держалась за отвоеванный у врага кусок земли.

На медпунктах скопилось много раненых, которых едва успевали перевязывать и на понтонах, на плотах переправлять обратно, на левый берег. Тяжелораненых перевозили на санитарных самолетах.

Валя летела над равнинной местностью. Часто и нервно оглядываясь, будто за ней была погоня, она быстрым взглядом осматривала небо: здесь, в непосредственной близости к линии фронта, можно было легко встретиться с вражескими самолетами.

Был конец сентября 1943 года. Деревья стояли желтые, сады и лесочки, проплывавшие под крылом самолета, пестрели осенними красками. С утра было пасмурно, низкие дождевые тучи нависали над землей, временами моросил дождь. Первые два вылета прошли спокойно: в такую погоду вражеские истребители предпочитали отсидеться на аэродроме. Но днем распогодилось, тучи разошлись, и теперь небо, без единого облачка, густо синело над головой.

Валю не радовала ясная погода, и думала она лишь о том, как бы не прозевать первый момент встречи с немецкими истребителями. Она была почти уверена, что сегодня встретится с ними. Последнее время они действовали особенно активно. Важно было вовремя заметить врага, чтобы успеть ускользнуть куда-нибудь в сторону, прижаться к земле, нырнуть в овраг. Обычно немецкие летчики, завидев безоружный тихоходный самолет, охотились за ним, даже если это был санитарный самолет с красным крестом на фюзеляже.

Несколько раз Вале приходилось сталкиваться с вражескими истребителями, и не всегда это кончалось благополучно. Всего неделю назад за ней увязался «мессершмитт», и ускользнуть от него не удалось. Он настиг ее и, стреляя, поджег самолет. Пришлось посадить горящую машину возле леса. Хорошо еще, что успела — с бреющего полета плюхнулась прямо на поле. Еще не остановился самолет, когда Валя спрыгнула на землю. Под пулями, под рев мотора снижающегося прямо на нее

«мессершмитта» Валя добежала до леса и спряталась там в кустах боярышника. Истребитель прострочил окраину леса и улетел, а Валя, наблюдая, как факелом горит ее самолет, вся исцарапанная сухими ветками и колючками, долго еще лежала на земле и плакала. Плакала от обиды, что сгорел самолет, что ей, как затравленному зайцу, пришлось бежать по полю в лес. Единственное, чему она была рада, это то, что в самолете она летела одна. А если бы с ней летели раненые… От этой мысли Валя приходила в ужас. Оставшись без самолета, Валя пешком добралась до своей эскадрильи, и там, вдобавок ко всему, на нее накричал командир: самолетов не хватало…

Нет, не хотелось ей встретиться с немецкими истребителями.

Валя Чугарина ушла на фронт позже других. Тимоха, Виктор и остальные ее друзья по планерке и аэроклубу уже воевали, а она в это время была далеко от фронта, от Киева. Вместо с матерью и младшими сестренками она эвакуировалась на Урал и там некоторое время работала летчиком-инструктором в аэроклубе. Освоившись на новом месте, стала проситься на фронт. Отпустили ее не сразу — пришлось Вале сначала повоевать с начальством, но в конце концов разрешение было получено. На фронте первые месяцы Валя летала в связной авиации — на том самом По-2, на котором училась летать в аэроклубе. Потом ее перевели в эскадрилью санитарных самолетов, где были те же самолеты По-2, только специально оборудованные для перевозки раненых.

Летела Валя на малой высоте. Внизу проплывали поля, села, дороги, лесочки, овраги. Издали уже виден был Днепр — светлая полоска воды — и правый высокий берег. Там, за рекой, возле небольшого села Сухово, она и посадит свой самолет прямо на поле, где белыми флажками обозначены воронки и опасные места. На краю села, возле посадочной площадки, — медпункт, где ждут ее раненые.

Осматривая небо, Валя заметила в стороне от маршрута строй фашистских бомбардировщиков, летевших на большой высоте. Сердце екнуло: где-то рядом с бомбардировщиками должны быть и охраняющие их истребители. Но сколько ни искала Валя, истребителей не обнаружила и немного успокоилась. Постепенно удаляясь, строй уходил на северо-восток. «Бомбардировщики — это не страшно. Они летят бомбить. У них свое задание», — подумала Валя.

Приближался Днепр. Самолет пересек реку и на малой высоте подошел к селу. Делать круг над посадочной площадкой Валя не стала, чтобы не привлекать внимания немцев, занимавших оборону в трех километрах от села. Уже зная это

место, где дважды садилась, зашла на посадку с ходу.

Как и в прошлый раз, у выложенной на земле полоски брезента, возле которой предстояло приземлиться, стоял солдат-пехотинец. Встречая самолет, он приседал, словно помогал ему садиться. Приземлившись между белыми флажками, Валя подрулила к домику, обозначенному красным крестом. Раненых уже приготовили к отправке.

Валя выключила мотор, и сразу до нее донесся гул орудий — на линии фронта шла перестрелка.

— Сейчас только улетели два самолета, — сказал санитар. — Одного обстреляли: куда-то залетел не туда…

— Цел? — спросила Валя.

— Цел. Другой раз не заблудится!

Пока два санитара грузили в самолет носилки с ранеными, Валя сказала подошедшей сестре:

— А тот лейтенант не долетел — умер…

Измученная бессонными ночами и бесконечными перевязками, медсестра подняла на нее воспаленные глаза и низким, осевшим голосом спросила:

— Это какой?

— Ну что вы — не помните? Как вы можете! — воскликнула Валя.

На Валин голос обернулся санитар. Закрывая дверцу отсека, сказал, защищая медсестру:

— Спокойно, девушка. Твое дело — возить. А у нее раненых — сотни!

Но медсестра не обиделась, она слишком устала для этого: за последние дни ей пришлось под вражеским огнем переплывать на понтоне Днепр, стрелять из автомата, вытаскивать на себе раненых и перевязывать, перевязывать… Днем и ночью. Наморщив лоб, она старалась вспомнить одного из тех многих, кому помогла.

— Кулешов, что ли?

Может быть, фамилия лейтенанта и была Кулешов, Валя этого не знала, но быстро кивнула с виноватым видом, когда поняла, что маленькая русоволосая медсестра со светлыми ресницами на воспаленных веках делает здесь больше того, что позволяют человеческие силы.

С тяжелым чувством Валя села в самолет.

Снова под крылом Днепр. Здесь так широко — как тут смогли переправиться? И маленькая медсестра плыла под огнем…

На берегу — брошенные плоты, понтоны, бревна. Левый, пологий берег весь истоптан, искромсан, в воронках. На песке разводы: тащили что-то тяжелое. Помятый, поломанный

кустарник. Доски, щепки, какие-то предметы…

Валя взглянула на часы: до госпиталя пятьдесят минут. Сто с лишним километров. А сегодня предстояло сделать еще один полет. Нужно успеть засветло: с наступлением темноты там, на правом берегу, среди воронок уже не сесть.

Солнце клонилось к горизонту. На небе стали появляться отдельные облака, и тени от облаков серыми пятнами плыли по земле. Впереди, чуть левее маршрута, вместе с самолетом бежала его тень, и казалось, будто она тянет его на привязи, будто невидимый трос протянулся от темного, бегущего по земле самолетика к ее, Валиной, машине.

И вспомнилось Вале, как начинала она летать, как ребята с планерки дружно тянули амортизатор, прицепленный к планеру. Виктор и сейчас летает на планерах. Где-то в Белоруссии. Он писал ей об этом. А остальные? Где они? Валя не знала. И Виктор не знал.

Вспоминая прошлое, которое теперь казалось таким далеким, Валя привычным взглядом окидывала небо, непрерывно вертела головой, просматривая все пространство впереди и сзади. Сейчас она была особенно внимательна: ведь сзади, в санитарном отсеке, лежали раненые.

С момента взлета прошло несколько минут, когда она увидела самолет, летящий навстречу. Это был санитарный По-2, и направлялся он, видимо, на правый берег. Поравнявшись с ним, Валя рассмотрела номер на хвосте — самолет оказался из ее эскадрильи. Качнув крыльями, летчик поприветствовал Валю. Но она только улыбнулась, не решившись ответить тем же, чтобы не потревожить лишний раз своих пассажиров.

Несколько раз она оглянулась на самолет, удалявшийся в сторону Днепра, а когда посмотрела вперед, то, к своему ужасу, обнаружила метров на триста выше пару «мессеров», появившихся неизвестно откуда. «Ой, мамочка, у меня же раненые!» — встревожилась Валя и стала искать какой-нибудь овраг или лощину. Ничего такого не обнаружив, она снизилась до бреющего и продолжала лететь прямо, никуда не сворачивая, с тревогой наблюдая за истребителями и в глубине души надеясь, что, может быть, они не тронут ее. «Мессершмитты» сделали большой круг над санитарным самолетом — возможно, решали, стоит ли с ним связываться. Потом один из них отделился и стал разворачиваться, другой же продолжал лететь в западном направлении.

Сердце у Вали похолодело: «Неужели будет стрелять? Видит же красный крест!» И сразу она вспомнила, как бежала к лесу, спотыкаясь и падая. Бежала, как затравленный заяц… А самолет

горел… Если вдруг опять загорится, теперь не побежишь — не бросать же раненых!.. Что же делать?

Справа впереди показалось село. Белые хатки, сады. Церковь на холме. Резко развернув самолет вправо, Валя на максимальной скорости направила его прямо к этому селу, будто там, у людей, могла найти защиту.

А тем временем вражеский истребитель перешел в пике и, стреляя из пулеметов, пронесся рядом. Самолет вздрогнул, дробно застучало по крылу… «Ой, убьет раненых!» — в ужасе подумала Валя и увидела дырки в обшивке крыла.

Горкой истребитель взмыл кверху, собираясь развернуться и снова напасть на тихоходный самолет, который не мог защищаться.

Валя не знала, куда деваться. Вот и церковь. Купол с позолоченным крестом. Колокольня. Куда же теперь? Вокруг села — поле. Ровная открытая местность. Спрятаться некуда. И Валя, не теряя из виду «мессер», стала кружить над церковью. Понимая, что выхода нет, что все равно фашист расстреляет самолет, она не могла, не хотела в это поверить…

Отойдя в сторону, вражеский истребитель развернулся и пошел прямо на Валю. Но, раньше чем летчик открыл огонь, Валя быстро двинула ручку управления вперед — и По-2, опустив нос, устремился к земле… Ниже… Ниже… «Разобьюсь!» — мелькнула мысль, и, поспешно выровняв самолет буквально в двух метрах от земли, она услышала над головой страшный рев мотора.

«Пронесло…» — подумала Валя, не сразу даже сообразив, что на этот раз летчик не стрелял. Потом решила, что просто он плохо прицелился. А может быть, захотел попугать, прежде чем разделаться окончательно, — они это любят…

Не отходя от церкви, она продолжала кружить вокруг купола на малой высоте. Только бы не зацепиться крылом, только бы не врезаться… Может быть, у него горючее на исходе, и он уйдет, оставит ее… Или раздумает — ведь самолет санитарный… Или кончится боезапас…

Но истребитель не собирался улетать. Набрав высоту, он снова занял исходное положение для атаки, нацелясь на Валин самолет. Она видела, как он перешел в пикирование и теперь, делая третий заход, упрямо, как разъяренный бык, под большим углом несся прямо на нее. Прижимаясь к церквушке, Валя шептала:

— Ой, мамочка… Пронеси…

От страха у нее мелко дрожали ноги, бешено колотилось сердце. Вот сейчас… Еще секунда — и убьет… Если б можно было сопротивляться!.. Хоть как-нибудь сопротивляться, а не ждать…

Что произошло дальше, она не сразу поняла. Вслед за диким ревом и треском выстрелов раздался оглушительный взрыв… И сразу наступила тишина — только мотор Валиного самолета привычно рокотал.

Не разобравшись, в чем дело, она оглядывалась по сторонам, разыскивая истребитель, который словно сквозь землю провалился. Ясно было одно: ее самолет невредим, сама она жива и по-прежнему в воздухе. Но где же враг? И почему взрыв?

Наконец, метрах в трехстах от церкви, на земле Валя увидела густое облако клубящегося дыма. Разбился!.. Неужели разбился?! Машинально посмотрев вверх, она все поняла: два истребителя, два наших «Яка», набирая высоту, удалялись на запад. Так вот кто выручил ее! И Валя с благодарностью проводила взглядом самолеты, которые мимоходом, летя на задание, спасли жизнь ей и раненым.

Она подлетела поближе к месту падения вражеского истребителя. Вот он, фашист! На зеленом поле, разбросанные взрывом, лежали обломки «мессершмитта», из мотора валил дым, который уже начинал вытягиваться по ветру.

Покружив над местом, где взорвался истребитель, Валя подумала, как справедливо, что фашист, который хотел расстрелять санитарный самолет, поплатился за это собственной жизнью. Страшно представить, что сейчас было бы с ней и с ранеными, если бы не истребители, подоспевшие в последнюю минуту…

Нагнувшись, Валя заглянула к раненым, которые порядком натерпелись за это время: здорово она их потрясла, бросая самолет из стороны в сторону, вниз, к земле… Да и страху нагнала: стрельба, рев мотора…

И тут она вспомнила: время! Сколько времени прошло, пока она кружилась? Когда вылетала с аэродрома, бак с бензином был неполный… С удивлением Валя отметила по часам, что с того момента, когда за ней погнался фашист, прошло каких-нибудь пять-шесть минут. А ей показалось — больше часа…

Взяв курс на восток, Валя продолжала полет. Долго еще она не могла прийти в себя, ей все казалось, что фашист гонится за ней, стреляя, и она часто вздрагивала, оглядываясь.

Сдав раненых в госпиталь, даже не передохнув, Валя снова улетела за Днепр, туда, где ее ждали, где она была нужна.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Война продолжалась. И никто пока не знал, когда ей придет конец. Еще многое предстояло совершить в этой долгой и трудной войне на пути к Победе.

Война продолжалась. После того как был освобожден Крым, наш полк перебросили под Смоленск, ближе к Белоруссии. Здесь летом сорок четвертого года начал наступление Второй Белорусский фронт, и мы летали ночи напролет, бомбили фашистские войска, двигаясь на запад.

Вот уже разгромлен враг на советской земле, и наши войска перешли государственную границу. Польша, Германия… Отступая, враг цепляется за водные преграды: Неман, Нарев, Висла, Одер.

Последний рубеж, где немцы пытаются задержать наше

наступление, — река Одер. Но и этот рубеж остался позади.

И вот я хожу по улицам Берлина.

Берлин. Столица фашистской Германии. Город разрушен, еще дымятся развалины. Всюду следы недавних боев: прошло всего два дня после падения столицы.

Вчера днем, пролетая над Берлином, я смотрела на поверженный город с птичьего полета. А сегодня мы, летчицы, приехали сюда на машине и, конечно же, пришли прямо к рейхстагу. Большое мрачное здание полуразрушено. На колоннах, на стенах — надписи, даты, фамилии. Углем, мелом, краской… Здесь побывали уже многие.

Наша группа поднимается по лестнице, мы влезаем на самый верх здания и, очутившись на открытой площадке, останавливаемся. Одна из летчиц говорит:

— Они получили то, что заслужили. Это еще по-божески. Разве сравнишь со Сталинградом!

Все молчат, вспоминая то, что пришлось увидеть за годы войны, пока мы шли сюда, в Германию. Несколько жителей на весь Новороссийск, освобожденный осенью сорок третьего… Развалины Минска… Пепелища вместо деревень…

Мы стоим и смотрим на раскинувшийся перед нами чужой город. Вот он, Берлин, где зрели планы фашистов, откуда несколько лет назад Гитлер пустил бумеранг войны. Этот бумеранг возвратился сюда же.

Солнце с трудом пробивается сквозь пелену дыма. Тишина. Отгремели бои. Но мир еще не наступил, и война еще не везде кончилась: где-то она продолжается. И, может быть, поэтому тишина в Берлине кажется непрочной. Все ждешь, что вот сейчас раздастся грохот взрыва или выстрел…

Медленно спускаюсь я по ступеням широкой лестницы, полузаваленной щебнем, камнями, а навстречу поднимаются те, кто хочет побывать на рейхстаге. Солдаты, офицеры, танкисты, пехотинцы. Я смотрю на их лица, и мне кажется, что сейчас я встречу кого-нибудь из давних друзей. Где они?

Из Берлина я уезжаю, так никого и не встретив.

После этого дня пройдет еще несколько дней — и будет объявлен мир. Победа, трудная и долгожданная. Еще не сразу узнаю я о том, что погиб Лека, что Слава высаживался с десантом под Керчью, что Валя тоже воевала — летала на санитарном самолете, а Виктор на планерах.

Но в конце концов все это станет мне известно. Я увижу их, моих друзей. Многих из них.

Прошло время, и я узнала о судьбе каждого. Вот только об

Оле я долго не могла ничего разузнать. Но однажды в Москве меня нашла Лена, приехавшая из Волгограда, где она жила. Она и рассказала мне о том, что случилось с Олей летом сорок второго года под Сталинградом.

На двух машинах Оля и Лена везли раненых по дороге к Сталинграду. Наши войска, отходя, уже прошли на восток, и машины ехали последними. В небольшом поселке их обстреляли немцы, успевшие перерезать дорогу. Первая машина, в которой находилась Лена, на полном ходу проскочила поселок и помчалась по дороге дальше. По второй же немцы открыли пулеметный огонь, и она резко остановилась — были перебиты скаты… Удаляясь от поселка, Лена еще некоторое время слышала перестрелку: Оля не сдавалась…

О Тимохе я узнала от него самого. Попав к партизанам, он воевал и был ранен, но потом, после госпиталя, снова дрался в воздухе, и опять его сбили. После войны Тимоха служил в полярной авиации.

Продолжала летать в мирное время и Валя — сначала на спортивных самолетах, затем на пассажирских. А Виктор стал знаменитым планеристом, рекордсменом страны и мира.

История моей военной юности не исключительна. Нас было много, юношей и девушек, ушедших на войну в те суровые годы. Мы защищали свою землю, Родину, ее будущее.

43 коп.

наталья кравцова

ИЗ-ЗА ПАРТЫ — НА ВОЙНУ